

ТОГО-ЖЕ АВТОРА :

Мистеріи	Берлинъ, 1921 г.
Пѣснь о Гайаватѣ	Парижъ, 1921 г.
Крикъ	Берлинъ, 1921 г.
Деревня	Парижъ, 1921 г.
Чаша жизни	Парижъ, 1921 г.
Господинъ изъ С.-Франциско	Парижъ, 1921 г.
Роза Іерихона	Берлинъ, 1924 г.
Митина любовь	Парижъ, 1925 г.
Послѣднее свиданіе	Парижъ, 1926 г.
Солнечный ударъ	Парижъ, 1927 г.
Избранные стихи	Парижъ, 1928 г.
Грамматика любви	Бѣлградъ, 1929 г.
Жизнь Арсеньева	Парижъ, 1930 г.

изд-во "Посев"

отделу литературы
 РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
 Российской Федерации
 Библиотека

Рос $\frac{3-3}{2-179}$ +

2477
191 РЗ
ш
Рис. 191

Ив. БУНИНЪ

БОЖЬЕ ДРЕВО

ПАРИЖЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ»

1931

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 2913-01

1

Copyright 1931 by I. Bunin

Printed in France

Tous droits réservés.

БОЖЬЕ ДРЕВО

КНИГА ИМЕЕТ

Листа број	Датум	В период од... до... NNN год.	Таблицы	Книги	Изности	Случајно Н/С	Н/С својој и другој	2008
		1931				1	312	106

1927-1930 гг.

БОЖЬЕ ДРЕВО

14 іюня.

Садъ въ нынѣшнемъ году снялъ у насъ мѣщанинъ Богомоловъ. Стеречь его прислалъ своего земляка, однодворца изъ-подъ Козлова.

Явился этотъ однодворецъ въ усадьбу и поселился въ шалашѣ въ главной аллеѣ какъ-то совсѣмъ незамѣтно. Мы узнали о его существованіи только вчера. Пошли гулять, вошли въ аллею и видимъ, что подъ липой противъ шалаша дымится костерчикъ, а на него стоитъ смотреть какой-то мужикъ. Подходимъ ближе — мужикъ шутиво, съ усмѣшкой опускаетъ руки по швамъ, вытягивается:

— Господамъ дворянамъ почтеніе!

Мы пріостановились:

— Добраго здоровья. Караульщикъ?

Онъ снялъ шапку и уже безъ всякой шутивности, низко, истово поклонился:

— Такъ точно. Буду караулить, вамъ и хозяину угрожать.

— Такъ... Надѣвай шапку-то.

— Ничего, и безъ шапки постоимъ. Богъ лѣсу, и то не сравнялъ.

— А откуда ты и какъ величать тебя?

— Козловскій однодворецъ, Знаменской волости, сельца Прилѣпы. А звали Яковомъ. Яковъ Демидычъ Нечаевъ.

И все такъ ладно, бодро. Что одноворецъ, сразу замѣтно — по говору. Возраста неопредѣленнаго, — лѣтъ подь пятьдесятъ, должно быть, хотя можно дать и меньше, — наружности довольно обычной, но чѣмъ-то очень пріятной. Посконная рубаха, такіе же портки, на ногахъ лапти, — все не новое, поношенное, но опрятное. Глаза живые, немного насмѣшливые и прищуренные, умудренные наблюдательностью и житейскимъ опытомъ, въ соотвѣтствіи съ небольшою кое-гдѣ сѣдьющей бородой, которая еще курчавится и, видно, была когда-то черной. Но въ звукѣ грудного голоса и во всей повадкѣ есть въ то же время что-то молодое, простодушное. Представившись, надѣлъ шапку и опять усмѣхнулся:

— Вотъ чаекъ сабѣ налаживаю. Самоварчикя, признаться, нѣту, да эта одна баловство, и изъ чугунчикя попьемъ...

Мы заглянули въ шалашъ, — тамъ, конечно, все какъ полагается: красная подушка и затертый, ссохшійся отъ старости полубубокъ на соломѣ, ржавая одностволка въ уголкѣ, обрубокъ широкаго пня при входѣ, а на немъ горбушка чернаго хлѣба, толстая чайная чашка, самодѣльный ножичекъ...

— Домокъ, какъ у зайца тяремокъ, — еще разъ пошутить онъ. — Милости просимъ гостями быть....

Въ саду было сумрачно отъ тучъ, съ поля дулъ мягкій вѣтеръ. Мы взглянули сквозь листву на небо:

— А какъ думаешь, будетъ дождь?

Онъ, прищуриваясь, тоже поднялъ лицо кверху:

— Кабытъ такъ. Маяго кобелька нынче что-й-то весь день не видать, весь день на гумнѣ мышкуя. А это ужъ обязательно къ дождю, она, мышъ-крыса усякая, передъ дождемъ сильнѣй пахня. Ну, що жъ, и помоча маленько, авось не сахарные, не растаемъ.....

Говоръ старинный, косолапый, крупный. Онъ гово-

рить: що, каго, яго, маяго, табѣ, сабѣ, таперь, но все какъ-то такъ, что слушать его большое удовольствіе.

Когда мы отошли и пошли по аллеѣ дальше, онъ сталъ собирать въ травѣ сухую листву и сучки и, подбрасывая ихъ въ огонь, сталъ негромко напѣвать (вѣрнѣе, приговаривать):

Сова ль моя, совка,
Сова ль моя, вдовка,
Гдѣ жъ ты бывала,
Гдѣ жъ ты лятала?

Мы невольно засмѣялись — такъ ловко у него это выходило — и опять пріостановились:

— Какъ, какъ?

— А вы развѣ ня знаяте? — отвѣтилъ онъ, тоже засмѣявшись. И тотчасъ же безъ всякаго смущенія, съ видимою охотой, слегка поднявъ свой грудной голосъ:

Гдѣ жъ ты бывала?
Гдѣ жъ ты лятала?

И сталъ пошевеливать плечами, покачивать головой:

Нихто совушку ня зналъ,
Нихто еѣ не спозналъ,
Спознали два луня,
Спознали два друга:
— Ты привѣтъ меня, луня,
Поди замужъ за меня!

— А она, значить, не желаетъ, не хочетъ, — сказалъ онъ, смѣясь, и опять запѣлъ шутливо и жалостно:

А она не хоча
Да какъ захохоча!

Назадъ сторонилась,
У лѣсъ завалилась —
Кверху ногою,
Объ пень головою...
Ахъ, что жъ это въ лѣсъ?
Каго это бѣся?

15 іюня.

Погода все хмурится, отъ скуки ѣздили въ Осиновые Дворы, за коноваломъ. Передъ вечеромъ опять пошли въ аллею, къ шалашу. Посидѣли, поговорили съ Яковомъ. Спрашиваемъ:

— А ты, значить, куришь, Яковъ Демидычъ?

— Я-то? — сказалъ онъ. — А я все могу. Могу курить, могу и цѣльный годъ такъ ходить. Мая душа прямая, все прямая, и медъ, и тотъ преть. На гулянкахъ и покурить не плохо.

— А на счетъ водочки какъ?

— А я человѣкъ мірской. Що Илья, то и я, що Евсей, то и всѣ. Кто жъ отъ неѣ откажется? Не пьютъ на небеси, а тутъ кому ни поднеси. Зашѣлъ такъ-то праздникъ престоольный — отчего жъ нямножко не погулять, не потратиться? Я ня жадный, я добродушный. Ихъ, денегъ, жалѣть нечего. Понурая голова и съ рублемъ пропадаетъ!

Потомъ поговорили о томъ, что и какъ, надо полагать, уродится нынѣшнимъ лѣтомъ въ саду, въ полѣ. Онъ съ удовольствіемъ поддерживаеъ всякій разговоръ. Очень словоохотливъ, однако, не болтливъ. Главная черта его, кажется, заключается въ неизмѣнно ровномъ и отличномъ расположеніи духа. То и дѣло съ неподражаемой легкостью и пріятностью надо всѣмъ подшучиваеъ, подтруниваеъ. Между прочимъ, спросилъ:

— А вы що жъ, господа, только лѣто тутъ, а то все въ Москвѣ?

И сталъ трунить надъ Москвой, надъ воображаемыми московскими бѣлоручками, щеголями—и разсказалъ цѣлую исторію о томъ, какъ будто бы пріѣхалъ однажды въ деревню нѣкій московскій «обуватель», то-есть обыватель, какъ онъ ничего не ѣлъ, не пилъ, брезгуя всѣмъ деревенскимъ, и какъ неудачно сходилъ онъ за нуждой за избу: сѣлъ тамъ да такъ замечтался о московскихъ кушаньяхъ, что собаки ему «причинное мѣсто» оторвали:

— Онъ какъ вскоча: ахъ, що жъ мнѣ, молъ, таперь дѣлать, да за ними, — не успѣлъ и штановъ подхватить, — а онѣ по деревнѣ да прямо въ народъ, на улицу, а тамъ дѣвокъ цѣлый карогодъ.....

Началъ разсказъ шутя, отрывисто, но тотчасъ сталъ увлекаться, глаза, брови заиграли, быстро мѣняя выраженіе, изображая то мужиковъ, то чваннаго москвича, то подкрадывающихся къ нему собакъ, а потомъ вдругъ вскрикнулъ, какъ бы отъ внезапной боли, подскочилъ, ударилъ себя по ляжкамъ, затопалъ лаптями, — бросился, значитъ, въ погоню за собаками, — и согнулся, повалился впередъ, хохоча вмѣстѣ съ воображаемыми дѣвками:

— Ахъ, батюшки, да що жъ это такое, вотъ срамъ-то, дѣвки!

— А ты былъ когда - нибудь въ Москвѣ? — спросили мы.

— А на що она мнѣ? — сказалъ онъ съ веселой небрежностью. — Мы люди простые, черные. Тамъ, говорятъ, нажива одна, людодерство, всѣ норовятъ другъ надъ другомъ поверхность одержать, другъ у друга что ни есть ухамить... А вы, я слышалъ, на степь ѣздили?

— Да, — отвѣтили мы. — Да это только такъ говорится степь, а это просто ровная мѣстность. У насъ настоящихъ степей нѣту.

— Это правда, у васъ тутъ буераковъ много, — сказалъ онъ. — А вотъ какъ выѣдешь за Елецъ, за Задонскъ,

прямо душа радуется, конца краю этой степи не видать, до самого синя-моря идетъ, до Нагая. И чего только нѣту тамъ! И овсы, и ячменя, и твяты усякіе, и ковыль бѣлый, сѣдатый... Я такъ полагаю, лучше нашей державы во всемъ свѣтѣ нѣту!

Потомъ онъ разсказалъ, гдѣ, въ какихъ «странахъ» онъ бывалъ — «за самый Царицынъ подавался», — какіе «народности» видѣлъ, и я все дивился, сколько употребляетъ онъ словъ старинныхъ, древнихъ даже, почти всеми забытыхъ: изнугряться вмѣсто издѣваться, ухамить вмѣсто урвать, варяжить вмѣсто торговать, огонь «взгнетать» вмѣсто зажигать.... Нагайцевъ онъ назвалъ кумане, — древнее названіе половцевъ, — конину маханиной. Формы у него тоже свои: «Онъ неладно думалъ объ мужиковъ», сказалъ онъ, напримѣръ, про москвича. А про своего кобелька такъ:

— Онъ любить в о я т ь в ъ темныя ночи.

16 іюня.

Нынче жарко, парить, на дворѣ тепло пахнетъ разогрѣтой муравой, изъ-за ярко зеленыхъ вершинъ сада ослѣпительно бѣлѣютъ великолѣпно круглящіяся облака.

Передъ завтракомъ вышелъ пройтись, иду по аллеѣ, слушая птицъ, на всѣ лады заливающихся въ солнечномъ саду, а впереди Яковъ: тащить къ шалашу тяжелое ведро, изъ котораго точно серебряными рыбами выплескивается порой вода, и внизъ по его рубахѣ и порткамъ течетъ пестрая, радостная сѣть свѣта и тѣни. Голова опущена, шапка съ затылка сдвинута на лобъ. Догналъ, шутя спрашиваю:

— Что, Яковъ Демидычъ, не веселъ?

Живо поднялъ голову, глаза тотчасъ заиграли:

— Чѣмъ не веселъ?

— Да какъ же, — шапка на лобъ, идешь грустный.
— Чѣмъ грузный?
— Да не грузный, а грустный, скучный.
— Скучный? Никакъ нѣтъ. По чѣмъ мнѣ скучать? Ску-
чать не годится. День меркнетъ ночью, человѣкъ печалью.
А мнѣ скучать не по чѣмъ, я завсегда довольный. Вотъ до-
быль водицы въ людской избѣ, сейчасъ кашку себѣ со-
востожу... Я люблю по садамъ сидѣть, люблю, когда вѣт-
вей много, а у васъ этого вволю, садъ отмѣнный. У васъ
тутъ благодать, мнѣ тутъ скучать нечего. Кобель, какъ го-
ворится, жретъ мѣсиво, а и то живетъ весело. А я хреще-
ный человѣкъ. — Я, господа хорошіе, — сказалъ онъ уже
совсѣмъ твердо, сдвинувъ свободной рукой шапку со лба
назадъ и взглянувъ прямо въ лицо мнѣ своими прищурен-
ными бодрыми глазами, — я живу, какъ Богъ велитъ, я,
какъ говорится, Божье древо: куда вѣтеръ, туда и она....

Я свернулъ за шалашомъ въ солнечную аллею изъ
акатника. Облака бѣлоснѣжными зевсоподобными глава-
ми вставали изъ-за столѣтнихъ березъ на валу, за лощи-
ной, все великолѣпнѣе. На припекѣ горячо и сладко пах-
ли травы, цвѣты, крапива. Въ фруктовомъ саду, съ блажен-
ной беззаботностью, игриво и томно выводила свои флей-
товые переливы иволга... Отчего такъ особенно прекрасно
все старинное, старыя березы, на примѣръ? И я сталъ ду-
мать о жизни нашихъ дѣдушекъ, бабушекъ, которая ка-
жется мнѣ всегда такой счастливой, представленіе о ко-
торой такъ волнуетъ меня всегда. Пройдя всю аллею, я по-
шелъ назадъ и опять вернулся къ шалашу. И что же, какъ
нарочно услышалъ? Яковъ, спиной ко мнѣ, сидѣлъ на ко-
рячкахъ передъ земляной печуркой, которую онъ уже вы-
рылъ подъ липой противъ шалаша, ставилъ въ ярко-оран-
жевый огонь, распаленный въ ней, чугуничекъ съ водой и
опять пѣлъ, — вполголоса, нѣжно и жалобно:

Мой стонъ и грусти люты

Вообрази сабѣ
И вспомни тѣ минуты,
Какъ былъ я любъ табѣ...

И, приподнявшись, разогнулся и ладно топнулъ лап-
тями:

Ахъ, сыпья, горохъ,
На двѣнадцать дорогъ,
Когда буду помирать,
Тогда буду подбирать!

— Яковъ Демидычъ, — сказалъ я, подходя, — гдѣ ты
могъ эту пѣсню слышать?

— Какую? — спросилъ онъ, оборачиваясь.

— А вотъ эту, про стонъ и грусти люты? Теперъ та-
кихъ пѣсенъ не поють, эта пѣсня старинная и къ тому же
господская.

— Это правда, — отвѣтилъ онъ, — эта пѣсня томная.
Но только я такихъ много знаю. Могу эту сыграть: «Я не
помню въ оный часъ твоя досады», а еще «Отъ несклон-
ности твоей духъ во мнѣ метется», а еще «Мнѣ припятства
ни по чемъ, не спасусь любви...» Могу и про дѣвокъ:
«Естьли дѣвки всѣ метрессы, бросимъ мудрости и мы...»
Вѣдь мы, однодворцы, въ старья времена тоже, бають,
господа были. Надъ нами барскіе и теперъ еще смѣются:
ты, молъ, галманъ, чьихъ господъ баринъ?

— Кстати, — сказалъ я, — что жъ ты до сихъ поръ
ничего не рассказалъ намъ про себя? Есть ли у тебя семья,
дворъ, свое хозяйство, что ты зимой дѣлаешь?

— Да вѣдь вы меня про то не спрашивали, — отвѣ-
тилъ онъ. — А самъ я не насмѣлился. А ну-ка вамъ это
безо всякой надобности? А семьи у меня нѣту, первая жа-
на померла давно, а другая ушла, не пожелала со мной
жить, соскучилась, значитъ. А сыновья, какіе остались,
одинъ въ солдатахъ, а другой во дворъ пошелъ, сапожни-

часть, пьяница и дуракъ, по совѣсти сказать, какихъ мало... Постойте-ка, васъ никакъ къ столу кличуть?

— Ну, видно, до вечера, — сказалъ я и пошелъ въ домъ.

Божье древо — это очень не плохо сказано.

17 июня.

Жить, говорить Яковъ, надо такъ, какъ жили дѣды, прадеды. Новшество, однако, не отвергаетъ:

— Вотъ, скажемъ, теперь все молотилки пошли. Что жъ, это не бѣда. Бывалыча, какъ станемъ гужомъ, въ двадцать цѣловъ, да какъ вдаримъ вразъ — заслушаешься, до чего ладно выговаривая! Ну, а въ сырую погоду, знамо дѣло, молотилка куда удобнѣй.

Царя ни въ чемъ дурномъ не винить:

— Министры виноваты. Вродѣ какъ господскіе бурмистры въ прежнее время...

Богатымъ онъ не желалъ бы быть: обѣшься, обопьешься, будешь по перинамъ валяться, а пухъ челоуѣку вредень, имѣеть будто бы свойство «притягивать». Но жить въ достаткѣ, конечно, не прочь бы.

Смерти не боится, — по крайней мѣрѣ, утверждаетъ такъ. Сказалъ съ нарочитой развязностью:

— Вона, чаго еѣ бояться! Все равно, никто жалѣть не будя. Лѣсъ по дереву не тужить!

Бесѣдуя, онъ все время пристально работалъ: дѣлалъ себѣ лозниковую дудку, я, говорить, люблю эти дудки и жилейки, буду вамъ играть «Во лузяхъ», лучше этой пѣсни во всемъ свѣтѣ нѣту: «Расцвѣли цвѣты лазоревые, понесли духи малиновые...»

Пишу въ библиотекѣ. Окна въ садъ открыты, подоконники горятъ на солнцѣ. На подоконникахъ насыпаны и сохнуть, сладко пахнутъ лепестки розъ. Въ саду — ра-

дость, зелень, птицы, прекрасное лѣтнее утро. И все время съ удовольствіемъ вспоминается присутствіе въ усадьбѣ этого милаго человѣка.

18 іюня.

Ѣдемъ въ Субботино, на станцію, встрѣчать городскихъ гостей.

Собираются запрягать стали тотчасъ послѣ завтрака, хотя поѣздъ приходитъ четверть пятого. Впрочемъ, запрягали, какъ всегда, часа два: покуда тарантасъ выкатили изъ каретнаго, покуда его подмазали, покуда сбрую собрали, покуда лошадей вычистили и напоили...

Я, принарядившись, вышелъ изъ дому и пошелъ посмотреть, исправно-ли переднее колесо, которое уже два раза посылали къ кузнецу. Опять чудесный, праздничный какой-то день. Зной, блескъ, потомъ это дѣтское удовольствіе при мысли о поѣздкѣ. Тарантасъ уже весь такой горячій, что прикоснуться нельзя, лакированныя крылья зеркально сияютъ, нагрѣтая кожа фартука пахнетъ необыкновенно пріятно... Яковъ съ узелкомъ подъ мышкой и съ валькомъ въ рукѣ шелъ черезъ дворъ къ воротамъ.

— Ай въ городъ? — спросилъ онъ, съ усмѣшкой щурясь отъ солнца и пріостанавливаясь. — Вотъ иду на рѣчку по своему вдовьему дѣлу, постирушечка есть кое-какая... А вы въ городъ? Что жъ вы въ такой варъ, въ самую жару средидневную? — сказалъ онъ, испытывая, видимо, большое удовольствіе отъ этой жары и обилия свѣта.

Я отвѣтилъ, что ѣдемъ гостей встрѣчать, на станцію. Онъ засмѣялся:

— Ну, это еще вволю на станціи насидитесь! Она безпремѣнно опоздаетъ, машина-то. Вѣдь она какъ идетъ? Я такъ-то, когда ѣду по ней, захочу за нуждой сходить, соскочу, посижу сколько надо да еще земляники наѣмся

и опять ее догоню... А гостечки, это ничего, хорошо. Я, преждее время, это любилъ, — погостѣвать, попировать у хорошаго сосѣда. У насъ въ старину село богатая была, сходка, бывало, соберется — все тузья, бояре, угошшали радушно, на полный ротъ. Бывало, не выдерешься съ этого пиру, бесѣды: только поднялся, — ну, молъ, спасибо, со-сѣдушка, сладокъ медъ, да не по двѣ ложки въ ротъ, ко двору пора! — опять силкомъ на лавку валять: стой, свать, давай хоть еще по единой, по стремянной выпьемъ!

— Это что же стремянная такая? — насмѣшливо спросилъ Илюшка, подходя къ тарантасу съ дугой.

— Вотъ и вышелъ Иванъ, — сказалъ Яковъ. — Какъ же ты не знаешь? Это, значить, по самой послѣдней, когда ужъ въ стремя становишься, ко двору ѣдешь. Это вѣдь у васъ, у барскихъ, бѣднаго на пиру обносятъ, ложкой кормятъ, стебломъ глаза колятъ, каждый стаканчикъ считаютъ....

19 іюня.

Погоду сглазили, нынче весь день лѣтъ.

Началось еще со вчерашняго вечера. Мы, по счастью, вернулись во время, къ ужину (проѣздивши даромъ, такъ какъ гости обманули). Но едва вошли въ домъ, какъ понесло такимъ вихремъ, что свѣту Божьяго не стало видно. Весь вечеръ бушевалъ настоящій ураганъ, молніи, удары, ливень были ужасные. Я любовался грозой, сидя въ темной библіотекѣ, поминутно оглушаемый громомъ и ослѣпляемый какимъ-то жестянымъ зелено-бѣлымъ пламенемъ, до неправдоподобія свѣтло озарявшимъ комнату, вслѣдъ за которымъ мелькалъ фіолетовый отблескъ, а потомъ заливало совершенно чернымъ мракомъ. Къ десяти стало понемногу стихать, громъ сталъ отходить, раскатываться все дальше, небо надъ садомъ расчистилось, въ

комнатъ освѣтлѣло отъ мѣсяца, показавшагося изъ-за сада, изъ-за его мокрыхъ мотающихся вѣтвей. Мѣсяцъ былъ странный — совсѣмъ оранжевый. Въ небѣ надъ нимъ быстро неслись лиловатымъ дымомъ остатки тучъ. Я заснулъ при открытыхъ окнахъ, съ надеждой на чудесную погоду, — такъ сладко успокоилось все къ полночи и такъ мирно, счастливо шелкалъ соловей въ таинственно-тихомъ саду. Однако, нынче опять льетъ, шумитъ по крышѣ съ самаго утра.

Послѣ вечерняго чаю надѣли длинные сапоги, накиннули резиновые плащи и пошли въ шалашъ. Это у насъ уже входитъ въ привычку, да и некуда больше пойти. Аллея размыта, закидана оборванной листвою, сучьями, всюду все пересыщено водой, — трава, земля, зелень деревьевъ, черная солома шалаша. Дождь теплый, но все же не настолько, чтобы сидѣть въ одной рубахѣ. Однако, Яковъ сидѣлъ на сыромъ вѣтру, душемъ въ шалашъ, именно такъ, — безъ полушубка и безъ шапки. Пристроившись на своемъ пнѣ, положивъ нога на ногу и приподнявъ правое колѣно, онъ чинилъ себѣ рубаху, неловко, но смѣло дѣйствуя огромной, такъ называемой цыганской иглой. Увидѣвъ насъ, поднялъ голову:

— Вона какъ нарядилась! Ай въ Задонскъ собрались? Жидки вы, господа дворяне, на расправу! А дождюкъ, правда, словно нанялся, прости Господи. Мой кобелекъ, и тотъ не вытерпѣлъ: забился въ саласъ, весь день почиваетъ. То, бывало, не докличешься, а нонче и Аниска не мила.

— Какая Аниска?

— А ваша, стряпухина. Онъ съ ней такъ сдружился, часу не можетъ безъ ней быть. Набѣгаются, накатаются по двору — и подъ водовозку, либо подъ крыльцо: обнимутся и спать, какъ братъ съ сестрой, даже глядѣтъ умильно.

— Умильно-то умильно, — сказали мы, — а вотъ какъ

ты ухитрился ночевать тутъ прошлую ночь? Смотри-ка, что у тебя въ шалашѣ, — во всѣ дыры течетъ. Надо сказать работникамъ перекрыть его, какъ опогодится.

— Нѣтъ, я ночеваль смирно, — отвѣтилъ Яковъ. — Она протекать-то какъ слѣдуетъ стало только нонче. А дожжокъ, это для хлѣбовъ теперь первое дѣло. Я люблю всякую погоду. Все хорошо, все славу Богу. Вы вчера поѣхали, а я думаю: ой, прихватить моихъ господъ къ вечеру! Ну, и правда, и грозу же разыгралъ Господь! Какъ полыхнетъ, полыхнетъ — хоть деньги считай. На селѣ, говорятъ, избу зажгло, у сотскаго двухъ ребятъ убило, у князя въ саду самое толстолѣтнее дерево повалило....

— Ну, вотъ, а ты говоришь, все хорошо, — сказали мы.

— А какъ же быть-то? — возразилъ онъ. — Убило — значить, не подвертывайся. Что, значить, кому назначено, всякому свой жребій, на это обижаться нельзя. Богъ и колосьевъ не сравнивалъ. Одинъ дуракъ, другой умный, одинъ богатый, другой побирушка, онъ померъ нонче, а я завтра....

Потомъ, пристально и съ удовольствіемъ слѣдя за своей работой, поднимая рубаху на свѣтъ и оглядывая, не протерто-ли еще гдѣ, сталъ рассказывать про себя, про свой жребій:

— У насъ дворъ въ старину знаменитый былъ. Да знамо дѣло — стали дѣлиться, ну и изничтожились. Мнѣ земли пришлось всего полторы десятины. Да что жъ, я не жадный. Я своей скудости не стыжусь: чѣмъ дѣвченка виновата, что юпченка маловата? Одна бѣда — дѣтей много было. Жанили рано, а она и наваляла мнѣ ихъ — баба, правда, отмѣнная была. Я съ ней осемнадцать годовъ отжилъ и девять человѣкъ наплодилъ.

— Значить, любишь это дѣло? — пошутили мы.

Онъ тотчасъ же, въ угоду намъ, подхватилъ шутку:

— Бабъ-то? А кто жъ ихъ не любитъ? Да я и теперь

не откажусь, подавай какую хочешь. При старости при такой не гребують никакой, у чужомъ у краю и съ рябой какъ въ раю. Вонъ, бають, господа какія-то ярусныя капли пьютъ, чтобъ, значить, яровитѣй быть, а я и безъ нихъ, какъ дорвусь, въ рукавицахъ не оттащишь: старая кобыла борозды не испортить! А дѣтей, говорю, правда, много нарожалъ. Ну, только ихъ почти всѣхъ Богъ по одному прибралъ, мнѣ и стало посвободнѣе. А какъ и жана померла, я семь годовъ вдовцомъ ходилъ. Думалъ, такъ и свѣкую. Анъ сусѣдки зачали сбивать, что жъ ты, молъ, какъ обсѣвокъ какой въ полѣ, рубахи некому постирать... Жанись да жанись, я и послухался. Тутъ какъ разъ брата моего старшого убили, я и думаю себѣ...

— Постой, какъ убили? Кто убилъ? — прервали мы.

Онъ мотнулъ головой и засмѣялся:

— Казаки убили, пропади они пропадомъ. Они вѣдь страшные жадные, аредные, черти. Братъ, правда, чуточку неладно сдѣлалъ — приловчился у нихъ въ отарахъ овечекъ поворовывать, а они и поймай его. Схоронились такъ-то въ яругѣ, въ балкѣ, а какъ завидѣли, что онъ ярку по полю въ сумеркахъ на себѣ претъ, выскочили и давай его нагайками парить, по ушамъ да по чемъ попадя глушить... Такъ до-смерти и засѣкли. Ну, а я въ тую пору и жанился. Думалъ, думалъ, за кого бы, дескать, посвататься? Кто, думаю, за меня за такого пойдетъ, за старого да вдоваго? Анъ все случай. Зашелъ разъ къ невѣсткѣ, ко вдовѣ братниной, а тамъ нищенка, дурочка сидить, хлѣбушка зашла попросить. Я еѣ и спрашиваю, смѣху ради: «Что жъ ты, дескать, шатаешься, побирушкой ходишь? Ты бы замужъ шла, ты еще здоровая. Авось, молъ, ума большаго тамъ съ тебя не спросятъ». — «Да что жъ, говорить, за хорошую голову пошла бы». — Ишь ты, молъ, какая шустрая! За хорошую! При твоей дурости и бѣдности тебѣ нечего разбирать. Да вотъ тебѣ, къ примѣру, хорошая голова, — дескать, я-то, — пойдешь за меня? Ты, молъ,

не гляди на мою старость: старъ пестрець, да уха сладка. — Ну, а она, понятно, рада радехонька. Кто жъ ее такую-то опричь вдовца возьметъ? Дундукъ, безтолковая, побирушка, а красотой такъ даже я передъ ней король. Повѣнчались наранѣ Успенья, а она пожила осень да зиму, а на Ёминой и пятки саломъ подмазала: ушла. Меня, говорить, любовники жамками кормили, а ты кобель, у тебя нѣту ничего... Понятно, обykle шататься, работой скучать, ну и ушла, слава Богу....

— Такъ ты теперь и живешь одинъ? — спросили мы.

— Такъ вотъ и живу, — подтвердилъ онъ, вставая и складывая рубаху съ видимымъ удовольствіемъ отъ додѣланнаго дѣла. — Такъ и живу, баяре хорошіе, — сказалъ онъ, легонько вздыхая. — Когда будемъ помирать, тогда будемъ горевать. А пока вотъ по садамъ сижу, а зиму хожу, волну бью по сусѣдскимъ дворамъ. Дома я долго не люблю сидѣть, къ дому у меня охоты нѣту.

— Ну, а дѣти твои? Они дома живутъ?

— Дѣти у меня никуда, — сказалъ онъ. — Одинъ сынъ, слава Богу, на казенныхъ харчахъ, въ солдатахъ, другой хромой, пьяница, сапожникъ... Сапожникъ, сапожникъ, а родному отцу безъ пятака латки на сапогъ не положить! А какъ у самого нужда — сейчасъ къ отцу: «Батя, помоги!» Ну, и помогаю по силѣ-мочи...

21 іюня.

И вчера весь день лилъ дождь. Нынче очень свѣжо, сильный сѣверо-западный вѣтеръ, все небо движется сумрачными и величественными облаками, купоросно ярка зелень сада.

Яковъ вчера отсыпался на печкѣ въ людской, — «прозябъ маленько!» Нынче съ необыкновенной бодростью помагаеть Николкѣ таскать съ гумна старновку, покрывать

шалашъ, выгребать изъ него старую, гнилую, пахучую со-
лому. Шалашъ сталъ теперь желтый, виденъ въ аллеѣ из-
далека. Аллея вся завалена обломанными бурей вѣтвями съ
зеленой листвою.... Яковъ, конечно, не унываетъ:

— Ничего! Авось не первая волку зима! Мы этихъ бу-
рей не боимся!

И опять умиляется, художественно восхищается на ку-
харкину дѣвочку, которая, въ одной грязной рубашонкѣ,
опять весь день катается съ его кобелькомъ по холодной
и мокрой травѣ на дворѣ.

— Онъ все будто грызетъ ее, а она будто боится, от-
бивается... А вчерась что сдѣлала? Видѣла, какъ работники
въ каретномъ себѣ сапоги дегтемъ мажутъ, забѣжала туда
и давай помазкомъ себѣ голыя ноги холить! Явилась въ
избу — мать такъ и ахнула...

Передъ вечеромъ проглянуло съ запада солнце. По ни-
зу аллеи, между стволами, стоятъ золотистые столпы чи-
стаго и холоднаго вечерняго свѣта. Шалашъ кончили, —
теперь все ново, сухо, въ порядкѣ. Яковъ благодушеству-
етъ за «чайкемъ».

— А ты, Яковъ Демидычъ, сказки разныя, стихи, бы-
лины знаешь?

— Это какъ побирушки-то на ярмаркахъ кричатъ? Это
я много знаю. Я три лѣта при свѣчной лавкѣ жилъ, ѣздилъ
торговалъ съ прикащиками по-селамамъ, по престольнымъ
праздникамъ, — насъ семь подводъ было. Они страсть
какъ кричатъ, эти калѣки перехожіе. Какъ поднимутъ,
поднимутъ «разжалкіе папашечки»...

— А ты можешь по-ихнему кричать?

— Вона, еще бы табѣ!

И въ ту же минуту, поставивъ чашку съ чаемъ на зе-
млю подлѣ себя и закрывъ глаза, откинувъ голову назадъ,
сталъ въ носъ, на разные голоса вопить:

—Разжалкіе папашечки, разжалкія мамашечки, по-
дайте Лазарю убогому, безногому! Ваши ножки ходятъ,

ваши ручки служатъ, а онъ того не можа, смальства страда-
дая! Ваша подающая рука, которая подаваетъ, та во вѣкъ
не оскудѣваетъ! Ваша подающья на огнѣ не горитъ и въ во-
дѣ не тонетъ, еѣ моль не ѣстъ, ни ржа не точа! Вы подай-
те не ради нашего прошенія, а ради своей души спасенія!
Какъ вы, разжалкіе воспитатели, намъ подадите, вы своей
души спасенью угодите! Разжалкіе сестрицы, братцы, мы,
какъ помремъ, ничего съ собой не возьмемъ — ни злата,
ни серебра, ни богатства, ни имѣнія! Смальства онъ, Ла-
зарь, не ходилъ, не служилъ, согласенъ онъ вамъ за кор-
ку служить, каменные горы бить, чѣмъ такимъ несчаст-
нымъ быть! Небесная птица, не можа еѣ безъ крыла по
воздуху носить, такъ бѣдный калѣка не можа на своихъ
ножкахъ ходить! Разжалкіе наши питатели, вы подайте
свое вѣрное подающье ни другу, ни брату, — подайте са-
мому Господу Богу святу!

Кончивъ, онъ открылъ глаза, засмѣялся и, опять взяв-
шись за чашку и откусывая отъ кусочка сахара, назидат-
тельно прибавилъ:

— Вотъ они какъ кричатъ, народъ обманываютъ. Ихъ
всѣхъ надо по тюрьмамъ разсажать, они тамъ сытые и на
всемъ готовомъ будутъ.

— Ну, а какія ты сказки знаешь? — спросили мы.

Онъ подумалъ, весело глядя въ землю:

— Сказки? Про Конька-горбунька знаю, про младаго
Ивана Царевича, какъ онъ по охоту ходилъ, свою царев-
ну добывалъ, а еще про этого Алексѣя Божьи человѣки...

И, опять прикрывъ глаза, началъ скороговоркой, мѣ-
шая сказочный ладъ рѣчи съ обыденнымъ:

— У главномъ городѣ у Римѣ, при первомъ царю при
Оноріи, при великомъ князѣ Претемьяну, жилъ, значитъ,
князь со княгинею. Онъ усердно молился, трудился, про-
силъ себѣ дѣтища у Матери Госпожи Пресвятой Богоро-
дицѣ. Создай мнѣ, дескать, Господи, единую чаду, при
младыхъ лѣтъ на посмотрѣніе, при старости на призрѣ-

ніе. И вскорости, значить, такъ по его молитвѣ и вышло дѣло. Алексѣй Божьи человѣки скитался и спасался, а мать съ отцомъ его не узнали, за побирушку почитали. И возговорить онъ тутъ отцу-матери, состройте мнѣ, дескать, отхожую келью у красномъ зяленомъ саду, гдѣ всякій мусоръ мечуть и помои свиньямъ льютъ. Зачаль онъ въ кельѣ трудиться со всѣми своими образами, иконами, съ Пресвятой Госпожей Богородицей и тутъ, значить, и вѣкъ свой молодой скончилъ. Отворилъ служка двери, взошелъ на порогъ и гробъ открылъ, а онъ какъ живой лежитъ. И вскричали тутъ отецъ съ матерью промежду себя: «Сынъ нашъ, дескать, возлюбленный, что жъ ты надъ собою сдѣлалъ? Мы бы тебѣ въ лучшемъ видѣ келью отстроили, твою младость успокоили!»

Когда онъ кончилъ и это и, убирая въ шалашъ чугуничикъ, хлѣбъ, чашку, сказалъ, что теперъ хорошо бы водочки стаканчикъ выпить да какой-нибудь закусочки закусить, мы спросили:

— А что ты изъ закусокъ больше всего любишь?

— Изъ закусокъ-то? — отозвался онъ. — Да что жъ, вотъ селедочки не плохо закусить, бараинки жареной, пирожка съ сомовинкой... ну, еще какой-нибудь тамъ хвостикъ ветчинки, хунтикъ колбаски вареной... Да я, по совѣсти сказать, за весь вѣкъ только одинъ разъ сытый былъ, когда на бойняхъ у купца въ Ельцѣ служилъ. Тамъ и на счетъ этого самага щепоточнаго, на счетъ бабъ, то есть, было вольно. Ну, только я на это не льстился. Дома дѣло другое. Тамъ иной разъ займешься съ какой-нибудь пожилой старушкой, сдѣлаешь ей за работу бездѣлицу какую, ножницы, скажемъ, поточишь, али вялекъ, какимъ на рѣчкѣ бѣлье колотятъ, вырубешь, вотъ и расходъ весь. И самому лестно, и ей удовольствіе...

24 июня.

Дождь, дождь и дождь.

Съ Яковомъ не видались давно, только немножко поболтали вчера вечеромъ.

Сидить на соломѣ, ѣсть кулешъ изъ чугуничка. На пнѣ горитъ свѣчка, забитая въ какую-то жестянку, на стѣнѣ шалаша чернѣетъ его большая тѣнь. Снаружи, по шалашу, шуршитъ вѣтеръ съ дождемъ, кругомъ, въ саду, непроглядная чернота... Между прочимъ, опять попробовали попытать его на счетъ смерти:

— Вотъ ты говоришь, тебѣ пятьдесятъ седьмой, значить, лѣтъ черезъ десять, можетъ, и помирать придется. Думаешь когда-либо объ этомъ, боишься?

— Нѣтъ, не думаю. Двумъ смертямъ не быть, однимъ не миновать. Чаго жъ еѣ бояться!

— Да какъ же не бояться, ты только представь себѣ: вотъ въ такую вотъ ночь да въ гробу, въ могилѣ, на кладбищѣ...

Но онъ опять сталъ отдѣливаться шутками, — видно, что разговоръ этотъ ему пока (то-есть, пока онъ здоровъ) совершенно не интересень:

— Да авось туда, въ могилу-то, не протечетъ, мелко не положить...

Разговоръ о Богѣ тоже перевелъ на шутку, на сказку о солдатѣ, который попалъ въ рай и остался очень имъ недоволенъ: «А, вонъ оно что, этотъ рай! Да какой же это рай? Ни трубочки, ни водочки! Кабы трубочка, да водочка, да кисеть съ табачкемъ, вотъ это иная была бы статья!»

— А намъ думается, — сказали мы, пытая его, — ничего на томъ свѣтѣ не будетъ, ни этого рая, ни ада.

Но тутъ онъ не согласился:

— А какъ же святые-то въ раю живутъ, если его нѣту? Нѣтъ, это вы глупо говорите. Это выходитъ, что и Бога

нѣту? Кабы Его не было, вся бы земля пропала. Не даль бы, къ примѣру сказать, Богъ травы, кормовъ, вся бы скотина поколѣла...

Потомъ разказаль, какъ Христось съ дьяволомъ на счетъ людей дѣлились — «вотъ какъ братья на селѣ дѣлятся»:

— Тебѣ, говоритъ Христось, пушай мертвые достанутся, — тебѣ же лучше будетъ, мертвыхъ-то вѣдь больше, — а мнѣ, значить, живые... А потомъ обдумался да и на попятный: вѣдь какъ же, вѣдь всѣ они, живые-то, тоже когда-нибудь мертвые будутъ? И, значить, сошлись на томъ, что которые упасутся — Ему, Богу, а которые нѣтъ — дьяволу....

26 июня.

Дождь. Разговоръ о цѣли жизни:

— Яковъ Демидычъ, для чего ты на свѣтѣ живешь?

— Какъ для чего? Вотъ вашъ садъ караюлю.

— Да нѣтъ, я не про то. Для чего ты на свѣтѣ родился, для чего на землѣ существуешь?

— А Господь его знаетъ.

— Значить, не знаешь?

— А кто жъ это знаетъ?

— Да вѣдь надо знать. Надо думать, додумываться.

— Я и думаю.

— Ну, и что жъ ты надумаль?

— Надумаль-то? По совѣсти сказать, не знаю.

— А можеть, ты живешь только для того, чтобы ѣсть, пить, спать, потомство плодить, жить въ свое удовольствіе?

— Нѣтъ, это я бы заскучаль.

— Значить, ты живешь не для этого? Но тогда для чего же?

— А чтобъ радость была.

— Радость! А это развѣ не радость — сладко ѣсть, сладко пить, съ женой красивой спать, богатымъ и почетнымъ быть?

— Это сама собой.

— Значить, не въ этомъ въ одномъ дѣло?

— Стало быть, что нѣтъ.

— А въ чемъ же?

Думаетъ. Потомъ смѣется:

— Въ чемъ да въ чемъ! Мы вотъ такъ-то возили разъ съ покойникомъ родителемъ хлѣбъ съ поля, а я и пристань къ нему, — что, да какъ, да зачѣмъ, — я тогда еще совсѣмъ коростовый былъ, — а онъ молчалъ, молчалъ да и говорить, наконецъ: «Вотъ какъ пуцу тебѣ, малый, по ушамъ кнутомъ, тогда узнаешь, зачѣмъ!»

28 июня.

Завтра уѣзжаю на югъ, хотя ѣхать уже не хочется: опять наступили прекрасные дни. Жаль и Якова.

Нынче онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ:

— А народъ у васъ тутъ глупый, господа хорошіе. Я вчера пошелъ на деревню сѣрничковъ купить, иду задворками, а на гумнѣ мужикъ стоитъ, а по межѣ ко ржамъ во весь духъ бѣжить дѣвочка лѣтъ семи али восьми... Бѣжить и навзрыдъ плача, спѣшить изо ржей телушку выгнать, а онъ стоитъ и оретъ на все поле. Длинный, долговязый, морда злая, скучная — и оретъ безо всякой совѣсти: «Опять телушка во ржи, такъ-то твою такъ? Ты такъ-то за ней глядишь, распротакъ твою такъ?» — Я просто диву дался, до чаго свинья, невѣжа! Можно разъ такъ-то на свое дитя кричать?

— Ну, вотъ, а ты говоришь, что лучше нашей державы и лучше нашего народа во всемъ свѣтѣ нѣту, — сказалъ я.

— А що жъ? — поспѣшно и бодро отвѣтилъ онъ. — Конечно, нѣту. Только, конечно, насъ учить надо. Кабы

подойтить къ этому самому дураку да дать яму, щобъ красныя сопли потекли, нябось въ другой разъ не горланилъ бы такъ-то! А еще и то сказать: не всѣ жъ и у васъ подобные. Я вотъ нынче утромъ пастуха у васъ за гумномъ видѣлъ: ну, до чаго хорошъ! — сказали онъ, вдругъ засмѣявшись и засіявъ отъ восхищенія. — Сядить на межѣ и портки себѣ жжетъ! Скотина по всему полю разбрелась, а ему и горюшки мало! Вынулъ это стекло жгучее и наводитъ на портки: какъ солнце изъ-за облака выйдетъ — отъ портокъ дымъ столбомъ! Що жъ, ты, говорю, дуракъ, дѣлаешь, ай маленькій? Вѣдь тебя жанишь давно пора! А у него ротъ до ушей отъ радости: да ужъ больно, говорить, чудно, дяденка! — А гдѣ жъ ты еѣ взялъ, это самое стекло? — А мнѣ братъ солдатъ принесъ... Нѣтъ, — сказали онъ съ удовольствіемъ, — нашъ народъ хорошій, обоудный!

Я сообщилъ ему, что завтра уѣзжаю.

— Ну, що жъ, — сказали онъ весело и равнодушно. — Дай Богъ часъ. Живы будемъ, еще, можа, повидаемся... А далеко ѣдете-то?

Я отвѣтилъ, что на югъ, къ морю, купаться.

Онъ весело изумился:

— Какъ купаться? Да чаго жъ купаться? Да вы бы дома-то, въ рѣчкѣ? А какіе же тамъ жители? Наши ай нѣмцы?

— Тамъ больше татары, — отвѣтилъ я.

— А! — сказали онъ, немножко насмѣшливо улыбаясь. — Этихъ я люблю. Они, слухъ есть, нами сто лѣтъ владали. А извѣстно — конь ѣздока любить. Опять же смирный народъ, ласковый. Скажешь ему: здорово, молъ, князь, есть платки? — онъ такъ и вскинется весь: «Есть, бачка, есть!» — «А Магометовы портки?» — «Тьфу, не хорошо, грѣхъ такъ-то говорить!» — И больше ничего. Не то что жида — тѣ страшные обидчивые... А скучать вы не скучайте — прибавилъ онъ неожиданно, уже давно, видимо,

угадавъ, что мнѣ не хочется и немного грустно уѣзжать: — это всегда такъ передъ отъѣздомъ, все будто жалко чего-то, а въ дорогѣ, глядь, и разгулялся сразу и забылъ всѣхъ...

И, поднявшись, бодро пошелъ къ огню, который, какъ всегда, пылалъ въ земляной печуркѣ противъ шалаша подъ липой, и на ходу легонько притопнулъ лаптями:

Сова ль моя, совка,
Сова ль моя, вдовка!

ПИНГВИНЫ

Началось съ того, что мнѣ стало опять тридцать лѣтъ, — я увидѣлъ и почувствовалъ себя именно въ этой счастливой порѣ; я опять былъ въ Россіи того времени и во всемъ, что было присуще тому времени, и сидѣлъ въ вагонѣ, ѣхалъ почему-то въ Гурзуфъ... Затѣмъ я почувствовалъ, что меня что-то тревожить. Все, казалось бы, отлично, — ѣду на югъ, сижу спокойно и свободно, въ маленькомъ отдѣленіи перваго класса, въ курьерскомъ, очень доволенъ, что, наконецъ, развязался съ тѣсной и многолюдной, сѣрой и снѣжной Москвой... Но вѣдь Пушкинъ давно умеръ и въ Гурзуфѣ теперь мертво, пусто, вдругъ сказалъ я себѣ — и увидѣлъ, понялъ, что не только въ Гурзуфѣ, но и вездѣ страшно мертво и пусто. Какая-то особенно грустная осень, — тутъ на югѣ была еще осень, — и какой-то удивительно тихій, молчаливый день. Поѣздъ идетъ быстро и полонъ, но полонъ какъ будто неживыми. И въ тѣхъ необыкновенно ровныхъ степяхъ, гдѣ идетъ онъ тоже такъ безжизненно, скучно, словно не осталось ни малѣйшаго смысла ихъ существованія. Это и на яву бываетъ: страшно безжизненно, ничтожно кажется иногда все на свѣтѣ. Но тутъ я почувствовалъ эту безжизненность съ особенной силой.

— Нѣтъ, — подумалъ я, — что-то неблагополучно. Нужно бросить поѣздъ....

Я вдругъ вспомнилъ, что очень люблю Бахчисарай, — вѣдь Пушкинъ жилъ и въ немъ когда-то, былъ въ немъ даже ханомъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ, — и рѣшилъ выйти въ Бахчисараѣ, ѣхать дальше на лошадахъ, черезъ горы,

и такъ не медля и сдѣлалъ. Однако, Бахчисарая я какъ-то не замѣтилъ, а въ горахъ было жутко и грустно. Глушь, пустыня, и уже вечерѣтъ. Все какія-то каменистыя тѣснины и провалы и все лѣсъ, лѣсъ, корявый, низкорослый и уже почти совсѣмъ голый, засыпанный мелкой желтой листвою: все к а р а г а ч ъ, подумалъ я, вкладывая въ это слово какое-то таинственное и зловѣщее значеніе. И лошади бѣгутъ какъ-то не въ мѣру ровно, тупо, и ямщикъ на облучкѣ такъ неподвиженъ и безличенъ, что я его даже плохо вижу, — только чувствую и опасаюсь, потому что Богъ его знаетъ, что у него на умѣ... Одна надежда на ужинъ въ Ялтѣ, подумалъ я. Спрошу себѣ отварную кефаль и бѣлаго Абрау...

И тотчасъ я увидѣлъ Ялту, ея кладбищенски бѣлѣющія среди кипарисовъ дачи, набережную и зеленоватое море въ бухтѣ. Но тутъ стало уже совсѣмъ страшно. Что случилось съ Ялтой? Смеркается, темнѣтъ, но почему-то нигдѣ ни одного огня, на набережной ни одного прохожаго, всюду тишина, молчаніе... Я сѣлъ въ пустой и почти темной залѣ ресторана и сталъ ждать лакея. Но никто не шелъ, — все было пусто и удивительно тихо. Въ глубинѣ залы совсѣмъ почернѣло, а за большимъ оконнымъ стекломъ, возлѣ котораго я сѣлъ, поднимался вѣтеръ, дымились низкія тучи и то и дѣло пушечными выстрѣлами бухали въ набережную и высоко взвивались въ воздухъ длинными пѣнистыми хвостами волны... Все это было такъ странно и страшно, что я сдѣлалъ усиліе воли и вскочилъ съ постели: оказалось, что я заснулъ, не раздѣвшись, не потушивъ свѣчки, которая почти догорѣла, темнымъ дрожащимъ свѣтомъ озаряя мой номеръ, и что уже второй часъ ночи. И я вскочилъ, ужаснувшись: что же я теперь буду дѣлать? Выспался крѣпко, а ночи и конца не видно, а за окнами шумитъ крупный ливень, и я совершенно одинъ во всемъ мірѣ, гдѣ не спитъ теперь только Давыдка! Я поспѣшно кинулся къ Давыдкѣ, въ его погребокъ на

Виноградной. Ночь была такъ непроглядна и дождь лилъ въ ея чернотѣ такъ бурно, что погребокъ казался единственнымъ живымъ мѣстомъ не только во всемъ Потѣ, — теперь я былъ уже въ Потѣ, — но и на всемъ кавказскомъ побережьѣ, даже больше — во всемъ мѣрѣ. Но пока я добѣжалъ до него по какимъ-то узкимъ, грязнымъ и глухимъ переулкамъ, Давыдка уже вышелъ закрывать ставни на своемъ убогомъ окошкѣ, собрался тушить свѣтъ и запереть двери.

— Но послушай, — сказалъ я ему, чувствуя страхъ уже смертельный, — если ты запрешь и потушишь, что же мнѣ тогда дѣлать? Куда дѣваться? Вѣдь сюда зимой даже пароходы не заходятъ!

Однако, Давыдка только языкомъ пощелкалъ и неумолимо, съ тѣмъ спокойнымъ идиотизмомъ, на который способенъ лишь кавказецъ, помоталъ своей черной стриженной башкой:

— На молу гулять будешь, — сказалъ онъ. — Тамъ всю ночь главный маякъ горѣть будетъ...

И вотъ я на какомъ-то страшномъ обрывѣ, горбатомъ и скалистомъ, гдѣ можно держаться, только прижавшись къ необыкновенно высокой и круглой бѣлой башнѣ и упершись ногами въ скалы. Вверху, въ дымномъ отъ дождя и медленно вращающемся свѣтѣ, съ яростнымъ визгомъ и крикомъ кружатся и дерутся, какъ чайки, несмѣтные траурные пингвины. Внизу — тьма, смола, пропасть, гдѣ гудитъ, реветъ, тяжело ходить что-то безмѣрное, бугристое, клубящееся, какъ какой-то допотопный спрутъ, рѣзко пахнущее устричной свѣжестью и порой бухающее пушечными выстрѣлами и взвивающееся цѣлыми водопадами брызгъ и пѣны... А вверху пингвины, пингвины!

СТАРЫЙ ПОРТЪ

Отель «Бретань» еще пустъ, деревня Старый Портъ, близъ которой странно высится на голомъ холмѣ это новое многоэтажное зданіе, живетъ пока тихо, своей простой рыбацѣй жизнью.

Стоитъ та прекрасная погода, когда солнечный зной, припекающій гдѣ-нибудь на склонѣ холма, обращеннаго къ югу, еще мѣшается съ морской свѣжестью, которой тянетъ съ сѣвера, какъ только поднимешься повыше и увидишь вокругъ другіе холмы, а впереди — голубое море. Стоитъ та радостная пора, когда еще поютъ жаворонки и всюду цвѣтутъ цвѣты, — не только въ поляхъ, но даже на окраинахъ шоссе и на самыхъ кремнистыхъ косогорахъ, когда выются мириады мотыльковъ надъ этими цвѣтами и надъ жесткими кустарниками, тоже цвѣтущими мелкимъ цвѣтомъ въ какой-нибудь бесплодной ложинѣ или вдоль заглохшаго проселка съ высокимъ крестомъ изъ почернѣвшаго камня на перекресткѣ... Край пустынный, скудный; но теперь на суглинистые поля и холмы его, покрытые молодой, чистой зеленью густѣющихъ хлѣбовъ, на мѣловыя прибрежныя скалы и спокойныя лазоревыя заливы не налядишься.

И вотъ появляются въ деревнѣ первые иностранцы: старикъ шотландецъ съ женой и дочерью и какой-то одинокій норвежецъ. Онъ пріѣхалъ съ тѣмъ же поѣздомъ и остановился въ той же «Бретани», что и шотландцы; однако, онъ не знакомъ и даже не ищетъ знакомства съ ними, хотя они замѣтили, что онъ преслѣдуетъ ихъ съ самаго Лондона, гдѣ онъ оказался ихъ случайнымъ сожителемъ

тоже по отелю. Человѣкъ онъ вообще необщительный. На вопросъ поргье, сколько онъ думаетъ пробыть въ отелѣ, онъ отвѣтилъ неопредѣленно:

— Не знаю. Можетъ быть, сутки, двое....

Но проходитъ три, четыре дня, потомъ недѣля — онъ все живетъ и все той же одинокой, странной жизнью.

Онъ рано ложится и рано встаетъ. Раньше всѣхъ пьетъ кофе въ большой пустой столовой, освѣщенной утреннимъ солнцемъ, и, пока пьетъ, пристально читаетъ какую-нибудь книгу, наугадъ взятую изъ библіотечки отеля. Потомъ, сунувъ ее въ карманъ, захвативъ пледъ и палку, спускается на берегъ. Тутъ онъ бросаетъ пледъ на мелкій бѣлый песокъ подъ мѣловымъ обрывомъ прибрежнаго холма, высоко поднимающагося на западной сторонѣ залива, и до самаго завтрака лежитъ, облокотясь на руку и глядя то на широкій пляжъ и на изгибъ моря, въ эти часы еще синяго, то на солнечную бѣлую дорогу отъ отеля, по которой онъ спустился.

Онъ глядитъ, слушаетъ. Вотъ въ деревнѣ бьетъ восемь часовъ; вотъ половина девятаго; вотъ девять... Въ девять двадцать приходитъ, шумитъ на маленькой станціи за деревней утренній поѣздъ. А какъ только онъ свистнетъ и тронется дальше, на дорогѣ отъ отеля показывается дочь тѣхъ шотландцевъ, за которыми онъ пріѣхалъ. И тогда онъ тотчасъ развертываетъ книгу и притворяется, что читаетъ, искоса слѣдя за тѣмъ, какъ она подходитъ, — за развѣвающимися полами ея купальнаго халата.

Это высокая, худощавая дѣвушка. У нея длинныя, стройныя ноги и удивительно милое въ своей ласковой простосердечности и даже наивности выраженіе веснущатаго, немного блѣднаго лица. И онъ жадно глядитъ на нее исподлобья, — на то, какъ она быстро спускается съ пригорка, идетъ къ нему вдоль пляжа, затѣмъ, шагахъ въ ста отъ него, сбрасываетъ съ себя халатъ, остается въ одномъ черномъ трико и бѣжитъ къ водѣ. Тѣло у нея тоже блѣд-

ное, голубоватое, но не слабое. Она далеко уплываетъ въ море, сидитъ на камнѣ, торчащемъ вдали среди залива, потомъ, возвратясь на берегъ, долго лежитъ на пескѣ навзничь, закрывъ глаза отъ солнца. Однажды она неожиданно крикнула ему на смѣшномъ французскомъ языкѣ:

— Почему вы не купаетесь?

Онъ густо покраснѣлъ и неловко крикнулъ въ отвѣтъ, что холодно, что еще никто не купается.

Въ двѣнадцать она уходитъ домой, къ завтраку. Онъ тоже поднимается и въ отдаленіи идетъ слѣдомъ за ней.

Мать съ отцомъ, въ свободное отъ завтрака и обѣда время, гуляютъ, пишутъ письма, читаютъ, сидя въ креслахъ-будкахъ на дорожкахъ большого цвѣтника, разбитаго передъ отелемъ и радующаго глазъ необыкновенно свѣжимъ, зеленымъ, какъ мѣдянка, газономъ. А что дѣлаетъ она? Онъ видитъ ее только на берегу, утромъ, и въ столовой, въ часъ и въ семь съ половиной. Проходя въ эти часы мимо ихъ стола, онъ сдержанно кланяется. Ему отвѣчаютъ тѣмъ же. Дѣвушка даже глядитъ ему прямо въ глаза — долгимъ и вопросительнымъ взглядомъ, въ которомъ можно уловить расположеніе, готовность къ знакомству. Но онъ, поклонившись, краснѣетъ и, нахмуясь, быстро проходитъ мимо.

Послѣ завтрака онъ бродитъ по деревнѣ, — она очень живописна, стара, черна, первобытна, — иногда заходитъ въ пустую церковь, снаружи имѣющую видъ очень дикій. Тамъ онъ подолгу сидитъ на соломенномъ стулѣ и слушаетъ ту великую и спокойную тишину, которая бываетъ только въ пустыхъ церквахъ. Впереди, за рядами темныхъ дубовыхъ скамеекъ, блеститъ и высится все то церковно-сложное, что составляетъ престолъ, алтарь, украшенный бумажными розами и такими же кружевами, трогательный въ своемъ деревенскомъ, бѣдномъ убранствѣ. Надъ нимъ, въ полукруглой стѣнѣ, остро зеленѣетъ, гранатно краснѣ-

еть и густо синѣть узкое цвѣтное окно, новое, довольно грубое. Новы, дешевы и всѣ эти сусально позолоченныя или малярно раскрашенныя въ голубое и розовое гипсовые статуетки Мадонны, Орлеанской Дѣвы, Христа въ терновомъ вѣнцѣ, святыхъ монаховъ съ четками въ рукахъ. Однако и въ этомъ есть нѣкая деревенско-католическая прелесть. А какъ прекрасны въ своей простотѣ, дикости древніе каменные своды, ухабистый каменный полъ, толстыя стѣны со слѣдами сырости, долгихъ зимнихъ дождей, свирѣпыхъ вѣтровъ съ сѣвера, съ моря, при мысли о которыхъ сладко и уютно замираетъ сердце! Всего же лучше — эта глубокая, какъ бы чего-то съ неземнымъ безстрастіемъ ждущая тишина.

Часто ходитъ онъ и въ маленькую гавань деревни, полную неуклюжихъ лодокъ и парусныхъ барокъ, дѣлаетъ прогулки въ поля, въ сосѣдніе поселки и на дальнія фермы. Зеленѣетъ волнистая равнина, мирно синѣетъ море, поютъ жаворонки... Очень странно видѣть въ этой кроткой, слегка грустной, безлюдной глуши безобразные деревянные щиты на столбахъ-ножкахъ, съ которыхъ смотритъ и сладострастно жметъ, хохочетъ отъ пріятной зябкости, отъ предвкушенья ванны, голый большоголовый ребенокъ, рядомъ съ древними каменными крестами, простирающимися въ просторъ поля свои скорбныя и милосердныя объятія.

Возвратясь въ отель за полчаса до обѣда, онъ бреется, подстригаетъ рыжіе усы, надѣваетъ смокингъ и бальныя туфли. За обѣдомъ онъ много пьетъ. Лицо его багровѣетъ, полиѣетъ, синіе глаза наливаются блескомъ. Потомъ онъ идетъ въ курильню, беретъ газету и тонетъ въ густомъ пахучемъ дыму жарко раскаленной сигары...

И такъ проходитъ дней десять. А затѣмъ онъ внезапно требуетъ однажды передъ обѣдомъ счетъ. Прямой поѣздъ на Парижъ отходитъ въ пять часовъ утра изъ ближайшаго прибрежнаго города. Онъ заявляетъ портье, что

отправляется туда на парусной лодкѣ, и просить разбудить его въ три часа.

До часу онъ не спитъ, лежитъ при огнѣ и пристально смотритъ передъ собою. Потомъ, при огнѣ же, крѣпко засыпаетъ — и вдругъ слышитъ: кто то стучитъ, сперва осторожно, точно заговорщикъ, потомъ все громче и громче... Онъ вскакиваетъ и поспѣшно начинаетъ одѣваться, въ послѣдній разъ оглядывая свой тѣсный номеръ съ широкой ясеновой кроватью, съ яркой и уютной лампой подъ желтымъ шелковымъ колпакомъ, съ зеркальнымъ шкафомъ, съ большимъ умывальникомъ изъ палеваго мрамора, гдѣ свѣжая вода, налитая въ большую фаянсовую чашу, кажется хрустальной. Но вотъ опять стукъ въ дверь — это уже за вещами. Онъ поспѣшно надѣваетъ пальто, шляпу, на прощанье оглядывается еще разъ...

Въ слабо освѣщенномъ корридорѣ, усталанномъ толстымъ ковромъ, у одной двери стоятъ двѣ пары большихъ башмаковъ, мужскихъ и женскихъ, у другой — пара маленькихъ, имѣющихъ какое-то особое выраженіе, возбуждающихъ восхищеніе, нѣжность. Онъ останавливается, быстро пишетъ въ записной книжкѣ: «good night!» — вырываетъ листокъ, суетъ его подъ дверь и бѣжитъ внизъ по широкой лѣстницѣ вслѣдъ за носильщикомъ, быстро идущимъ впереди съ однимъ чемоданомъ на лѣвомъ плечѣ и съ другимъ въ правой рукѣ.

Хрустя въ темнотѣ по гравію, они обходятъ цвѣтникъ, легкимъ бѣгомъ спускаются по бѣлѣющей въ звѣздномъ свѣтѣ дорогѣ къ заливу и направляются къ деревнѣ, въ гавань. Навстрѣчу тянетъ сладкимъ вѣтромъ лѣтней ночи и моря. Звѣздъ въ небѣ необыкновенно много, — крупныхъ, предразсвѣтныхъ, неизвѣстныхъ. Черной равниной лежитъ до звѣзднаго, прозрачнаго горизонта море, чернѣетъ и медленно клонится, качается лѣсокъ мачтъ въ бухтѣ. Вѣтеръ пахнетъ раками, волны съ ночной непривѣтливостью плещутъ въ каменные глыбы, наваленныя въ водѣ за узкой и

длинной полосой мола. Впереди невысоко висятъ въ небѣ два крупныхъ огня, мутно-синій и сумрачно-красный.

Торчащая въ небѣ мачта лодки, ожидающей въ концѣ пристани, клонится, шатается, ходитъ по звѣздамъ шире всѣхъ, то высоко выростая, то глубоко падая внизъ. Носильщикъ негромко окликаетъ людей, что-то дѣлающихъ въ лодкѣ, шагающихъ съ валкой кормы на носъ и съ носа на корму. Они кидаютъ въ отвѣтъ ему что-то односложное. Въ этотъ поздній часъ они кажутся людьми, тайкомъ затѣвающими что-то недоброе. Все же уѣзжающій доврчиво хватаетъ чью-то жесткую руку и прыгаетъ на качающуюся корму. За нимъ падаютъ его чемоданы. И тотчасъ же блѣдное полотнище паруса, вдругъ потянувшееся вверхъ съ шумомъ и трепетомъ, закрываетъ звѣздное небо, лодка ныряетъ такъ глубоко, что съ головы до ногъ обдаетъ холодными брызгами, затѣмъ круто валится на бокъ и быстро несется впередъ, остро рубя, разсѣкая шумно взлетающую и быстро кипящую вдоль бортовъ воду, широко заворачивая навстрѣчу свѣжему, тугому вѣтру, водянисто холодящему лицо, — на какіе-то безконечно далекіе, блѣдные огни...

КЪ РОДУ ОТЦОВЪ СВОИХЪ

Дивны дѣла Твои, и душа моя
вполнѣ понимаетъ это.

Псалтирь.

I.

На раннемъ разсвѣтѣ, почти въ темнотѣ и въ густомъ туманѣ, привезли изъ города пожилую черничку и огромный гробъ, черный съ бѣлыми крестами, который полулежалъ возлѣ нея въ тарантасѣ, упираясь узкимъ концомъ въ козлы, а широкимъ въ полуоткиннутый верхъ. Пустой, по осеннему мертвый дворъ усадьбы, по которому туманъ шелъ изъ сада соннымъ, мрачнымъ дымомъ, весь сѣрѣлъ крупной сизой изморозью. Домъ за туманомъ рисовался темно и смутно, казался нежилымъ, угрюмымъ. И зловѣще краснѣли въ его дальнемъ, крайнемъ окнѣ огни трехъ свѣчей. Отъ безсонной ночи черничка и кучеръ промерзли до костей, похудѣли, были очень блѣдны, безжизненны. Кучеръ поѣхалъ отъ крыльца къ каретному сараю — отпрагаты отупѣвшихъ отъ долгой дороги, обросшихъ туманомъ лошадей. Черничка прошла черезъ темныя сѣни и вошла въ сумракъ, въ сонное тепло дома. Дѣвка, спавшая на коникѣ въ прихожей, испуганно вскочила и сѣла, ничего не понимая. Но черезъ минуту она уже говорила оживленнымъ и дружественнымъ шопотомъ, помогая черничкѣ раздѣваться и спрашивая, очень ли она озябла, когда выѣхали изъ города и сколько дали за гробъ. Она за-

жгла и отнесла въ залъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ были заперты двери, керосиновую лампу, запалила на окнѣ въ прихожей зашумѣвшую спиртовку... И когда тепло и душисто запахло кофе, черничка, крестясь и садясь за столъ, почувствовала несказанную сладость жизни.

Всѣ въ домѣ еще спали, измученные горемъ и тѣмъ беспорядкомъ, что внезапно воцарился въ немъ съ роковой позпрошлой ночи.

— И барыня, слава Богу, заснули — шопотомъ сказала дѣвка, подавая хлѣбъ и масло. — Не приведи Богъ, какъ плачутъ, убиваются. А тутъ еще старая барышня, сестра покойнаго барина, пріѣхала, — говоритъ, что, разъ они померли безъ завѣщанья, такъ все теперь ей должно достаться. Вся красная отъ слезъ, а страсть серчаетъ...

Черничка уже знала это отъ кучера. Намазывая хлѣбъ масломъ, она спросила:

— А онъ гдѣ лежитъ-то?

Дѣвка неопредѣленно и боязливо кивнула на запертыя двери:

— За маленькой гостиной.

— Одинъ?

— Одинъ. Сперва при немъ Семень былъ, старикъ съ нашей деревни, да у нихъ молотилка сломалась, онъ и бросилъ читать, ушелъ ее чинить. Оттого-то и за вами послали...

Черничка неодобрительно качнула головой:

— Не хорошо. Одному покойнику нельзя лежать...

И она жадно стала пить горячій кофе, поглядывая на эти высокія, таинственно закрытыя двери. Онъ былъ гдѣ-то тамъ, за ними, въ глубинѣ дома. Онъ лежалъ и ждалъ ее, и въ умѣ ея уже привычно звучало:

— Какъ овецъ, заключаетъ ихъ въ преисподнюю... Смерть будетъ пасти ихъ... Могила жилище ихъ... Онъ пойдетъ къ роду отцовъ своихъ, которые никогда не увидятъ свѣта...

Огонь въ лампѣ пожелтѣлъ, въ залѣ свѣтлѣло, туманъ за окнами сталъ голубой, прозрачный. Вновь наступающій день сулилъ живымъ только привычную сладость земныхъ дѣлъ и заботъ. Для него, для того, кто еще позавчера сидѣлъ вотъ за этимъ столомъ, а теперь лежалъ и ждалъ ее, это былъ послѣдній, самый послѣдній день на землѣ. Могутъ потомъ проходить вѣка, тысячелѣтія — все равно: его, бывшаго хозяина этого дома, уже никогда не будетъ. Нынче, даже сейчасъ, какъ только всѣ проснутся, его на вѣки, до скончанія временъ, положить въ то, ни на что въ мірѣ не похожее, всему міру чуждое и враждебное, что всю ночь тряслось рядомъ съ черничкой въ тарантасѣ, покачиваясь и постукивая въ туманѣ и мракѣ по осенней промерзлой дорогѣ. Но черничка не думала объ этомъ, — съ радостью отогрѣвалась, съ наслажденіемъ пила и ѣла, съ удовольствіемъ соображала, что сейчасъ надо приказать внести гробъ въ домъ, позвать работниковъ и заставить ихъ сдѣлать все, что полагается, не какъ попало, а подъ своимъ наблюденіемъ.

II.

Утро насупило ясное, тихое. Часамъ къ девяти все нужное было сдѣлано. Теперь всѣмъ осталось только ждать слѣдующаго утра. И вотъ онъ течетъ, длится, этотъ послѣдній, самый послѣдній день.

Съ позавчерашней ночи усадьба вдругъ стала доступна для всякаго. Смерть широко распахнула двери пораженнаго ею и лишившагося своей обычной сокровенности человѣческаго гнѣзда. И вчера весь день шли и шли въ усадьбу всѣ тѣ, что почему-то желали взглянуть на покойника, — всякіе проѣзжіе и прохожіе, калѣки и нищіе, мужики и бабы (не только свои, но и чужіе, зарѣчные). Идутъ они и нынче. Безъ спросу, безъ стѣсненія подходятъ они къ парадному крыльцу, возлѣ котораго стоймя

стоитъ и такъ и бьетъ въ глаза своими страшными очертаніями и своей высотой черная съ бѣлымъ крестомъ крышка, заглядываютъ внутрь настѣжъ раствореннаго дома, въ пролетъ его большихъ горницъ, входятъ, идутъ и доходятъ до той, самой послѣдней, которая превратилась теперь въ нѣкое подобіе часовни: тамъ пугливо и любопытно толпится и смотреть народъ, тамъ пѣвуче и немолчно звучитъ горестный и покорный голосъ — «ибо Ты возвращаешь человѣка въ тлѣніе... ибо Ты говоришь: возвратитесь, сыны человѣческіе... ибо передъ очами Твоими тысяча лѣтъ какъ день одинъ», — тамъ, среди бѣлаго дня, при веселомъ солнцѣ, которое косо заглядываетъ въ окно, выходящее въ садъ, оранжевымъ прозрачнымъ пламенемъ горять толстыя свѣчи, тонко синѣетъ литургически-пахучій дымъ ладана, еще не разсѣявшійся послѣ панихиды, а весь уголь занятъ огромнымъ смертнымъ одромъ: составленными столами и пышнымъ въ своей мрачной и великолѣпной новизнѣ, до половины покрытымъ парчевой ризой гробомъ, возглавіе котораго поражаетъ чудовищно и безобразно распухшимъ фіолетовымъ ликомъ въ крупныхъ и сквозныхъ сѣрыхъ усахъ, круто поднятой и закаменѣвшей подъ выпирающей крахмальной манишкой грудью съ высоко и неуклюже лежащими на ней въ вылѣзшихъ манжетахъ руками, толсто налитыми лиловымъ воскомъ, и сиреневыми ногтями ихъ.

А вокругъ дома, въ усадьбѣ, все полно прощальной осенней прелести. Въ розовомъ саду квохчутъ сытые дрозды, стоитъ блаженная тишина, тепло, кротость, медленно падаютъ порой легкіе сухіе листья. На дворѣ сладко дремлютъ борзья. На желтомъ соломенномъ скатѣ крыши сидятъ, хохлятся противъ солнца бѣлоснѣжные голуби. Надъ людской избой буднично и спокойно тянется къ блѣдно-голубому небу сѣрый дымокъ, изъ ея раскрытыхъ оконъ пріятно пахнетъ кухоннымъ чадомъ, слышны голоса и смѣхъ праздныхъ работниковъ, своимъ куреньемъ

и бездѣльемъ раздражающихъ кухарку, обремененную большой и сложной стряпней на завтра.

А на деревнѣ, на гумнахъ ладно выбиваютъ дробь цѣпы, мѣрно и однообразно стучать вѣялки, ровно гудятъ молотилки, общая жизнь долгую, мирную, благоденственную. Всѣ дорожатъ и наслаждаются каждой минутой чудесной погоды и дружной, спорой работы. Съ веселымъ ревомъ, неустанно и густо засыпая гумно дымящейся соломой, беспощадно сокрушаемой и извергаемой мощнымъ зубастымъ барабаномъ, снова гудитъ новая рязанка Семена: онъ богатъ и горячъ, — въ одинъ мигъ добылъ мастѣра и поправилъ ее, а теперь самъ подаетъ и думаетъ, что ужъ нѣтъ, шалишь, больше не довѣритъ онъ дуракамъ сыновьямъ машину.

— Въ мысляхъ у нихъ, что дома ихъ вѣчны и что жилища ихъ въ родъ и родъ... Но человѣкъ въ чести не будетъ: онъ уподобится животнымъ, которыя погибаютъ...

Семень знаетъ это лучше всякаго... и, весь черно-сѣрый отъ пыли, отъ мякины, съ кровавыми, воспаленными глазами, съ хоботьемъ въ бородѣ, отклоняя потное, засыпанное и разѣдаемое соромъ лицо отъ зерна, остро бьющаго изъ-подъ бѣшено рвущаго и ревущаго барабана, только успѣваетъ покрикивать:

— Бабы, подавай! Бабы, веселѣй!

III.

Ночью свѣтитъ молодая туманная луна. Легкая дымка стоитъ въ свѣтломъ, мертвомъ, беззвучномъ саду. На гумнѣ, не нарушая тишины, а только еще больше давая ее чувствовать, жалобно твякаетъ совка.

Тишина, пустота и на дворѣ усадьбы, одиноко краснѣетъ окно въ людской избѣ. Работники за ужиномъ, по случаю покойника, выпили. Послѣ ужина они сидѣли и ку-

рили, уже вялые, позѣвывая. Угощаль печникъ, который вторыя сутки жилъ въ усадьбѣ на поденной, — выкладываль могилу кирпичемъ. Онъ былъ пьянъ и придирался къ ключнику Василю.

— Ты думаешь, я вашими тремя цѣлковыми дорожу? — сипло кричалъ онъ. — Это, можетъ, тебѣ деньги, а я въ одинъ день по трояку зарабатывалъ! Ты мнѣ только кирпичъ годишься подавать! Можешь ты меня учить, какъ ее выкладывать? Кто хозяинъ надъ могилой, — ты или я?

А тамъ, въ домѣ, въ этой страшной горницѣ, похожей на часовню, стояла великая и благоговѣйная тишина. Только дрожаль, дрожаль сонный сумракъ въ углахъ, чуть потрескивали, нагорая и оплывая горячимъ воскомъ, свѣчи, и то блисталъ, то темнѣлъ подъ ихъ яркимъ, но неровнымъ пламенемъ сизый чудовищный ликъ съ розовой ватой въ ноздрахъ. И однообразно, кротко и укоризненно звучаль пѣвучій женскій голосъ:

— И мудрые умирають, равно какъ невѣжды, и бессмысленные погибають и оставляють имущество другимъ...

— Въ мысляхъ у нихъ, что дома ихъ вѣчны и что жилища ихъ въ родъ и родъ, и земли свои они называютъ своими именами....

— Но человекъ въ чести не будетъ; онъ уподобится животнымъ, которыя погибають... Онъ пойдетъ къ роду отцовъ своихъ, которые никогда не увидятъ свѣта...

— Обратись, Господи! Научи, какъ исчислять дни наши, чтобы намъ пріобрѣсть сердце мудрое...

IV.

На утро всѣ проснулись съ одной мыслью: нынче!

И колоколь уже звалъ, звалъ.

Утро было особенно прекрасно. Особенно тихъ и сча-

стливъ былъ розовый садъ, медленно выходившій изъ глубокого тумана, таявшаго отъ солнца.

Но колоколь звалъ, звалъ. И опять шли и шли черезъ дворъ. Какая-то длинная женщина въ сѣрой шали зачѣмъ-то вела съ собой двухъ своихъ дѣвочекъ, шедшихъ покорно, но съ испуганными глазами.

Послѣднимъ пришелъ лѣсникъ, старый другъ покойнаго по молодости и по охотѣ.

Онъ шелъ черезъ садъ, по сухой землѣ липовой аллеи, гдѣ было такъ тихо, что слышенъ былъ каждый падающій листикъ, и тонко пахло и сладкимъ ароматомъ листвы, поджаренной солнцемъ, и свѣжестью тумана, теперь уже сіявшаго въ саду лазурнымъ газомъ. Онъ шелъ спокойно. Спокойно прошелъ и по дому. Но, войдя къ покойнику, беззащитно возвышавшемуся въ гробу во всемъ своемъ смертномъ позорѣ среди толпы, наполнявшей комнату, увидавъ блескъ свѣчей, столь странный среди солнечнаго свѣта, и безобразное лицо, синѣвшее въ дыму ладана, вдругъ поблѣднѣлъ, упалъ на колѣни, торопливо закрестился, а потомъ кинулся къ гробу такъ неистово, сталъ такъ страстно впиваться въ ледяныя и зловонныя губы своего господина и друга, что и всѣ вокругъ поблѣднѣли....

V.

Въ полдень все кончилось.

Мирную жизнь живыхъ уже ничто болѣе не нарушало. Его, этого страшнаго существа, потерявшаго обликъ и подобіе Божіе, уже не было. И все возвратилось на обычную стезю свою.

За церковью, противъ оконъ алтаря, въ блескѣ спокойнаго и кроткаго солнца, лежалъ длинный глиняный бугоръ. Но онъ уже никому не былъ ни нуженъ, ни страшенъ.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢИЧЪ

Нелѣпая, неправдоподобная вѣсть: АлексѢй АлексѢичъ умеръ!

Всего нелѣпѣе то, до чего неожиданно умеръ онъ. Вѣдь еще только вчера, вѣрнѣе, прошлой ночью, онъ былъ съ нами, сидѣлъ, ужиналъ и, какъ всегда, говорилъ, говорилъ — то, что онъ говорилъ повсюду, за всѣми ужинами.

— Какъ Чацкій, съ корабля на балъ, — сказалъ онъ вчера, входя въ столовую.

Онъ сказалъ то, что неизмѣнно говорилъ, прїѣзжая на вечера къ знакомымъ. Вчера откуда именно прїѣхалъ онъ? Но, по совѣсти сказать, развѣ мы знали когда-нибудь, откуда онъ прїѣзжаетъ? Да и знали-ли мы вообще болѣе или менѣе точно жизнь АлексѢя АлексѢича, несмотря на то, что, кажется, не было человѣка во всемъ нашемъ петербургскомъ кружкѣ, который не былъ бы въ знакомствѣ или, вѣрнѣе, въ прїятельствѣ съ нимъ? Знала, можетъ быть, немного больше прочихъ его старинный другъ княгиня. А всѣ прочіе знали только то, что днемъ у АлексѢя АлексѢича служба, дѣла, дѣловые завтраки, засѣданія, что по вечерамъ онъ не пропускаетъ ни одной театральной премьеры, ни одного порядочнаго концерта, — музыку онъ дѣйствительно любилъ и весьма понималъ, — а ночью непременно гдѣ-нибудь ужинаетъ — у Куба, на Островахъ, у знакомыхъ, — такъ что всѣ, бывало, дивятся на него: и когда только успѣваетъ онъ спать?

— Какъ Чацкій, съ корабля на балъ, — сказалъ онъ вчера, входя въ людную и свѣтлую столовую, со своимъ обычнымъ слегка насмѣшливымъ выраженіемъ лица.

И, какъ всегда, едва только онъ показался и сказалъ это, всѣ встрѣтили его хоромъ радостныхъ восклицаній:

— А! Наконецъ-то!

И, съ безразличной улыбкой пожимая руки, раскланиваясь, онъ прошелъ къ своему мѣсту за столомъ, безразлично поцѣловалъ большую и жилистую руку своей сосѣдки княгини, засунулъ уголь салфетки за открытый жилетъ, взялся за бутылку и, какъ всегда, спросилъ:

— А вамъ, княгиня, позволите?

Княгиня отвѣтила:

— Пожалуйста. Только немножко.

И онъ возразилъ опять-таки такъ, какъ всегда возражалъ въ подобныхъ случаяхъ:

— Э, княгиня, что за счеты. Пить умереть и не пить умереть. Уподобимся, государыня моя, стрекоцу кузнецу, въ зленемъ злакъ суцу. Въ мѣру и во благовременіи питіе вредить не можетъ. Лишь бы не упиваться до отвратности, — сказалъ онъ, не думая ни единой секунды о томъ, что говорить. — Лишь бы не сравняться съ пьяницей богомерзкимъ. Ибо что есть пьяница, по ученію мужей мудрыхъ? Оный пьяница аки болванъ, аки мертвецъ валяется, многожды бо осквернився, мокръ и нальяся, яко мѣхъ, до горла, не могій главы своей возвести, смрадомъ отрыгая отъ многога локанія.

— Не говорите гадостей, я ѣсть не могу, — сказала княгиня.

— Какъ, это поученія-то святыхъ отцовъ гадость? — сказалъ Алексѣй Алексѣичъ. — А еще въ Лавру, княгиня, каждый Божій день ѣздите!

— Нѣтъ такихъ поученій, это вы все сами выдумываете.

— Ничего-то вы, княгиня, не знаете, даже слушать страшно. Истинно, жена прелестная. А вѣдь что такое жена прелестная?

— Какая еще такая жена?

— А вообще жена. Что есть жена, сирѣчь женщина?

— Охъ, Алексѣй Алексѣичъ, и про жену уже тысячу разъ слышала.

— Слышали, а каждый разъ забываете. Жена, милая княгиня, есть святымъ обложница, змінно покоище, цвѣтъ дьявола, купница бѣсовская, сковорода подпечающая. И далѣе: что есть жена? Сѣтъ утворена прельщающи чело-вѣки, свѣтлымъ лицомъ и высокими очима намизающи, ногами играющи.

— Боже, какой вздоръ. И что это значить — намиза-ющи?

— А чортъ его знаетъ, я и самъ не знаю, милая княги-ня. Вотъ «ногами играющи», это я понимаю.

— Перестаньте говорить глупости.

— А это не я говорю, это бѣсъ въ чело-вѣкѣ говорить. Ибо что есть чело-вѣкѣ? Въ чело-вѣкѣ, какъ всѣмъ сіе въ-домо, есть восемь составовъ...

— И это знаю, и не трудитесь, пожалуйста, перечис-лять ваши составы.

— Нельзя, милая княгиня, и радъ бы не перечислять, да не могу. Отъ земли у чело-вѣка тѣло, и тотъ чело-вѣкъ темень; отъ моря — кровь, и тотъ чело-вѣкъ прохладенъ; отъ огня жаръ, и тотъ чело-вѣкъ скупъ...

— И откуда только берется все это у васъ?

— Отъ прилежанія, государыня моя, оно же неисто-щимый, неупиваемый кладезь мудрости. Но позвольте кончить. Отъ солнца у чело-вѣка очи, и тотъ чело-вѣкъ бо-готыревать....

— Ничего не понимаю. Что это значить — боготыре-вать? Дайте-ка мнѣ лучше спичку.

— А вы думаете, я понимаю? — отвѣтилъ Алексѣй Алексѣичъ, зажигая спичку и помогая княгинѣ закурить. — Отъ вѣтра у чело-вѣка дыханіе, и тотъ чело-вѣкъ легко-умень, подобно вашему покорному слугѣ. Отъ облака мысль, и тотъ чело-вѣкъ похотливъ. И наконецъ: отъ свѣ-

та — свѣтъ, и тотъ человѣкъ не мыслить земного, а лишь небесная.

— Вы, конечно, отъ облака?

— Сирѣчь, похотливъ? Грѣхъ вамъ, княгиня, говорить такъ, будучи единственной причиной оной похоти. Вы же отлично знаете, что по отношенію ко всѣмъ прочимъ прелестницамъ я мыслю лишь небесная.

Княгиня легонько ударила его по рукѣ. Онъ вынулъ маленькій портсигаръ, плетеный изъ китоваго уса.

— Разрѣшите, разъ ужъ вы сами курите? И куренье, конечно, не благо, дорогая моя, ибо который человѣкъ начнетъ дерзати табаку, то у того человѣка мозгъ крутится...

Такъ и въ такомъ родѣ, безъ конца и безъ умолку, говорилъ Алексѣй Алексѣичъ за ужиномъ. А за кофе, которое мы пили съ ликерами въ четвертомъ часу ночи, онъ уже слегка осовѣлъ, сидѣлъ съ вялой усмѣшкой на устахъ и опять приставалъ къ княгинѣ съ тѣмъ, что она уже тысячу разъ слышала и что, однако, ей ничуть не докучало, хотя она и дѣлала видъ, что сердится.

— Дитя! — говорилъ онъ: — али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тьма и пагуба?

— Охъ, боюсь, Алексѣй Алексѣичъ, что хозяйка прикажетъ васъ вывести, — сказала княгиня.

— А за что же, позвольте спросить, она прикажетъ меня вывести? — слегка жалостно возразилъ Алексѣй Алексѣичъ. — Вѣдь это же прекрасное старинное русское слово, коимъ наши отцы и дѣды не токмо въ самомъ высшемъ свѣтѣ, но даже и при дворѣ не гнушались. Ничего-то вы, княгиня, не знаете, даже страшно. Вѣдь это слово у самого протопопа Аввакума въ его житіи пишется, а ужъ на что сурьезный былъ мужикъ этотъ протопопъ. Мы, сказано тамъ...

— Довольно, довольно, Алексѣй Алексѣичъ, — сказа-

ла княгиня. — Вѣрю и безъ дальнѣйшихъ примѣровъ. И перестаньте пить и ѣдемъ, смотрите, какіе у васъ мѣшки подъ глазами.

— Слушаюсь и повинуюсь, — отвѣтилъ Алексѣй Алексѣичъ. — Но повинуюсь не мгновенно, а лишь черезъ четверть часа. Ровно черезъ четверть часа, государыня моя. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, поспѣшай не торопясь, какъ совѣтуетъ Кузьма Прутковъ....

Кончилось тѣмъ, что, по обыкновенію, вернулся домой и заснулъ Алексѣй Алексѣичъ только въ семь часовъ, когда въ его кабинетъ на Конюшенной уже синѣлъ грязный и скучный утренній сумракъ. А проснулся послѣ полудня, часу во второмъ, и проснулся, по свидѣтельству его слуги, какъ-то внезапно, сразу, раскрывъ глаза съ испугомъ. Нѣкоторое время послѣ этого онъ лежалъ безъ всякаго движенія, глядя въ стѣну передъ собою, потомъ позвонилъ и приказалъ подать себѣ сельтерской воды. А выпивъ воды, попросилъ помочь ему одѣться, а потомъ — позвать извозчика и, когда доложили, что извозчикъ готовъ, вышелъ изъ дому и поѣхалъ къ Потѣхину....

Потѣхинъ! Потѣхинъ-то, конечно, и виноватъ во всемъ. Вообще, что такое эти визиты къ докторамъ, сидѣніе у нихъ въ пріемной, ожиданіе ихъ разспросовъ, изслѣдованій, рѣшеній, рецептовъ, совѣтовъ! Какой это вообще ужасъ быть больнымъ! Вотъ человѣкъ вдругъ почувствовалъ, что дѣло его что-то не ладно, подозрительно.... Онъ перемогается, тщится увѣрить себя, что это неладное есть нѣчто случайное, временное, что не стоитъ думать о немъ, не надо поддаваться ему, а самъ межъ тѣмъ думаетъ все чаще, поддается все больше — и, наконецъ, не выдерживаетъ, сдается, рѣшаетъ воззвать о помощи къ этому волхву, именуемому докторомъ, и либо съ трепетомъ ждетъ его у себя на дому или томится у него въ пріемной.... Послѣднее, по моему, особенно ужасно!

Да, на домъ къ вамъ докторъ пріѣзжаетъ всегда съ

большимъ опозданіемъ, а если вы ѣдете къ нему сами, всегда-то онъ какъ нарочно занять съ другимъ больнымъ, требующимъ долгаго и серьезнаго осмотра, или гдѣ-то задержался. И вотъ вы сидите въ этой проклятой пріемной, въ ея напряженной тишинѣ, гдѣ всякій почему-то боится вздохнуть, а если говоритъ, то шопотомъ, гдѣ такъ дьявольски медленно, важно, спокойно, дремотно отсчитываютъ время дорогіе мраморные часы на каминѣ, такъ безстрастно блещутъ картины на стѣнахъ и черная рояль у стѣны, возлѣ высокой таинственной двери въ докторское святилище, и такъ безжизненно стоитъ, каменѣть мебель въ чехлахъ вокругъ круглаго стола посреди комнаты. Вы сидите, измученный нетерпѣніемъ, вы ждете, подавленный васъ окружающимъ, ждущимъ молчаніемъ. Вы пытаетесь заняться истрепанными книгами, иллюстрированными журналами и проспектами, картинками санаторій, лежащими на кругломъ столѣ. Вы заставляете себя читать, осторожно перелистывая эти журналы и проспекты, разглядывая отели въ сосновыхъ и снѣжныхъ горахъ, виды ихъ салоновъ, столовыхъ, какихъ-то стеклянныхъ верандъ, уставленныхъ лонгшезами.... Но, въ сущности, вы ровнымъ счетомъ ничего не видите и не понимаете, читая, перелистывая и разглядывая: васъ погружаетъ въ трансъ, въ идиотизмъ, въ какое-то подобіе летаргіи эта тишина, этотъ сложный и смутный шумъ обычной, будничной жизни города, которой нѣтъ ровно никакого дѣла до васъ, до вашихъ мукъ, болѣзней, смертей, которая течетъ себѣ и течетъ никогда не прерывающимся потокомъ гдѣ-то тамъ, за этими двойными, никогда, вѣрно, не открывающимися окнами....

Бѣдный Алексѣй Алексѣичъ тоже долженъ былъ пережить не менѣе часа подобнаго томленія, дожидаясь Потѣхина, который будто бы былъ вызванъ куда-то на консультацию, а на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, дрыхъ послѣ завтрака въ своихъ дальнихъ, семейныхъ покояхъ.

Пожилая и аккуратная, точно какая-нибудь классная дама, горничная безшумно открыла ему дверь, помогла раздѣться и очень сдержанно сказала:

— Пожалуйте обождать въ приемной. Докторъ экстренно вызванъ на консиліумъ...

И Алексѣй Алексѣвичъ вошелъ въ пустую приемную и покорно сѣлъ въ кресло возлѣ круглаго стола ждать рѣшенія своей участи.

Что онъ чувствовалъ, что онъ думалъ, сидя въ этомъ роковомъ креслѣ?

Конечно, то же самое, что и всѣ мы, грѣшные, чувствуемъ и думаемъ въ подобныхъ случаяхъ. Сидѣлъ, цѣпелъ, тупо глядѣлъ передъ собою, задавалъ себѣ разные глупые вопросы... Вотъ рояль и на ней груды нотъ, — все, что полагается: и Моцартъ, и Бетховенъ, и Глинка.... Но когда и кто играетъ на этой рояли? Очень возможно, что никто и никогда. Вотъ люстра въ кисейномъ коконѣ, подвѣски которой тихо звенятъ отъ продвигающихся по улицѣ ломовыхъ телѣгъ, нагруженныхъ чѣмъ-то очень тяжелымъ... Зажигается ли когда-нибудь эта люстра? Бываютъ ли въ этой гостиной обыкновенные, а не больные люди, то-есть друзья, знакомые доктора, и вообще живетъ-ли докторъ когда-нибудь не докторской, а своей, личной, простой жизнью? Вотъ огромная картина въ десятипудровой золотой рамѣ, возвышающаяся надъ роялемъ: грозно и великолѣпно синѣетъ дикое ущелье, съ шумомъ клубится, несетъ пѣнно-зеленый горный потокъ, сумрачно и величаво дымятся облаками скалистыя и снѣжныя вершины горъ... Чья это картина, какъ и зачѣмъ она попала въ доктору, что общаго у него съ этимъ ущельемъ? Ущелье синѣетъ и синѣетъ, потокъ, нагоняя дремоту, шумитъ и шумитъ — неужели это такъ и будетъ изо дня въ день, изъ году въ годъ, пока будетъ жить и принимать докторъ? Докторъ отдыхаетъ отъ своихъ вѣчныхъ приемовъ и заботъ о чужихъ болѣзняхъ, вѣрно, только въ августѣ.... Гдѣ

же именно? На Кавказѣ, въ Швейцаріи, то-есть опять-таки гдѣ-то тамъ, гдѣ синія ущелья и пѣнно-зеленые потоки? Но на кой чертъ ему они?

И потѣхинская горничная говоритъ, что слышала, какъ Алексѣй Алексѣичъ будто бы вдругъ громко сказалъ:

— Намъ, государь мой, уже давнымъ давно въ высочайшей степени наплевать на всѣ эти красоты!

Онъ, конечно, стучалъ пальцами по столу, съ мукой глядѣлъ на часовую стрѣлку, приближавшуюся къ тремъ, иногда нарочно кашлялъ, въ надеждѣ, что въ кабинетѣ что-нибудь скрипнетъ въ отвѣтъ на этотъ кашель, — въ консультацію онъ ни минуты не вѣрилъ; но высокая дверь кабинета была все такъ же неподвижна и заповѣдна, и, конечно, ему ужъ начинало казаться, что онъ и во вѣки не дожидется той желанной минуты, когда эта дверь внезапно пріоткроется и Потѣхинъ съ нарочитой сухостью и, разумѣется, не глядя на паціента, скажетъ: «Пожалуйте!»

Однако, дверь эта (и какъ разъ въ ту минуту, когда у Алексѣя Алексѣича лопнуло уже всякое терпѣніе) вдругъ пріотворилась, — и судьба Алексѣя Алексѣича была рѣшена....

Потѣхинъ! Боже, какъ смалодушествовалъ Алексѣй Алексѣичъ, допустивъ себя такъ по-дѣтски увѣровать въ эту тупицу! Ибо что такое Потѣхинъ? Человѣкъ неуклюжий, сутулый, нарочито грубый; съ грубыми, простонародными чертами лица, съ крупными свинцовыми волосами, съ тяжелымъ и недружелюбнымъ взглядомъ маленькихъ глазъ; неизмѣнно медлительный и до наглости самоувѣренный, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не могущій взглянуть вамъ въ лицо прямо, то и дѣло густо краснѣющій отъ угрюмой семинарской застѣнчивости... А потомъ эта манера защищать себя отъ своего простого происхожденія частымъ и рѣзкимъ упоминаніемъ о немъ! Это убѣжденіе, что вслѣдствіе такого происхожденія онъ будто бы имѣетъ передъ вами какія-то преимущества, какое-то право

на высокомеріе! Это бахвальство, когда разговоръ заходитъ, напримѣръ, о музыкѣ, о стихахъ, о живописи, особенно новой!

— Ну, здѣсь я умываю руки, — грубо говоритъ онъ въ такихъ случаяхъ. — Я въ этомъ сущій профанъ. Помому, это не картина, а яичница съ лукомъ, не стихи, а рубленная проза, которую съ одинаковымъ удобствомъ можно читать и съ конца. Но что жъ, вамъ и книги въ руки: весьма охотно допускаю, что это геніально, замѣчательно....

И вотъ передъ такимъ-то мудрецомъ и смалодушествовалъ нашъ бѣдный Алексѣй Алексѣичъ.

Разговоръ въ кабинетѣ Потѣхина былъ короткій:

— Здравствуйте, Алексѣй Алексѣичъ. Садитесь, пожалуйста. На что изволите жаловаться?

— Да какъ вамъ сказать, — началъ Алексѣй Алексѣичъ, тщетно пытаюсь быть тѣмъ самимъ собою, которымъ онъ былъ всю жизнь и который въ этотъ день вдругъ почему то точно сквозь землю провалился. — Уже давно замѣчаю, что какъ будто не совѣмъ въ порядкѣ мои, такъ сказать, сердечныя дѣлишки, а вотъ нынче утромъ и совѣмъ сдрефилъ: схватило, понимаете-ли, такъ, что душа въ пятки ушла. Пустяки, конечно, но все же почелъ за благо явиться передъ ваши пресвѣтлыя очи....

— Прекрасно. Годочковъ-то вамъ сколько?

Алексѣй Алексѣичъ отвѣтилъ, все еще стараясь шутить, что во всякомъ случаѣ больше двадцати, потомъ сказалъ серьезно, и дѣло пошло обычнымъ порядкомъ. Наклонивъ свою большую свинцово-густоволосую голову и не глядя на Алексѣя Алексѣича, началъ Потѣхинъ сухо разспрашивать, не спѣша записывать, потомъ сказалъ еще суше и непріязненнымъ:

— Раздѣньтесь, пожалуйста...

И Алексѣй Алексѣичъ покорно, даже какъ-то угодливо, униженно, торопливо и очень неловко сталъ трясущи-

мися руками стаскивать съ себя пиджакъ, жилеть, развязывать галстухъ, отстегивать запонки.... Потомъ онъ то сидѣлъ, то стоялъ, то глубоко дышалъ, то совсѣмъ не дышалъ, чувствуя, что вотъ-вотъ упадетъ отъ головокруженія, лежалъ во всяческихъ позахъ на скользкой простынѣ на холодномъ клеенчатомъ диванчикѣ.... Наконецъ, Потѣхинъ и самъ измаялся. Помолчалъ, глядя въ потолокъ, еще немного помялъ бѣлый животъ Алексѣя Алексѣича своими большими мягкими пальцами уже неизвѣстно зачѣмъ, очевидно, только въ силу привычки мять животы, потомъ всталъ и, еще болѣе нахмурившись, сѣлъ за столъ и въ мертвой тишинѣ сталъ писать рецептъ, межъ тѣмъ какъ Алексѣй Алексѣичъ, раздавленный столъ неожиданно-зловѣщимъ поведеніемъ Потѣхина, съ постыдной нарядливостью и поспѣшностью приводилъ себя въ порядокъ.

— Ну, что же, докторъ, что скажете? — спросилъ онъ, наконецъ, съ усмѣшкой. — Дрянъ дѣло?

И Потѣхинъ отвѣтилъ, не поднимая головы:

— Дрянъ, не дрянъ, но не скрою — неважно.

— Сердце?

— Оно самое.

— Ну, годикъ-то еще попрыгаю? — опять сдѣлалъ попытку пошутить Алексѣй Алексѣичъ. — Я, откровенно говоря, этой самой любви къ жизни, сладкой привычкѣ бытія не весьма приверженъ, поелику почитаю оное сплошнымъ свинымъ корытомъ.... Не обуреваемъ равнымъ образомъ и гамлетовскими терзаніями на счетъ того, что ждетъ насъ тамъ, на противоположныхъ берегахъ рѣки, Стиксомъ именуемой. Но все же, знаете, какъ то ни того... не хочется спѣшить выправлять подорожную въ мѣсто злочно и блаженно, иде же несть ни печали, ни воздыханія, а скука зеленая да шесть породъ червей, кои будутъ трапезовать новопреставленнымъ рабомъ ихъ. Такъ ужъ вы скажите мнѣ, дорогой мой, участь мою безъ лицепрія-

тія, а то я просто на извозчикѣ околѣю отъ неизвѣстности....

И Потѣхинъ, дописавъ и расчеркнувшись, отвѣтилъ съ истинно хамской безпощадностью:

— Я пророчествами не занимаюсь...

Умеръ Алексѣй Алексѣичъ, какъ вы знаете, именно на извозчикѣ, по дорогѣ домой, и конечно, вовсе не отъ неизвѣстности, а какъ разъ наоборотъ. Вотъ тебѣ и «стреко-чуцу кузнецу», и Кюба, и Острова, и ужины у друзей-пріятелей! И ни одна-то душа изъ этихъ друзей-пріятелей черезъ два-три дня даже и не вспомнить о немъ. Даже и на похоронахъ-то будутъ думать только объ одномъ: какъ бы покурить поскорѣй!

ЛАНДО

У смерти все свое, особое.

Возлѣ воротъ дачи стоитъ огромное старое ландо, пара черныхъ большихъ лошадей: пріѣхалъ изъ города хозяинъ дачи. Что-то необычное и чрезмѣрное въ этомъ ландо и въ этихъ лошадяхъ. Что именно? Оказывается, что лошадей и ландо далъ хозяину дачи его пріятель, содержатель бюро похоронныхъ процессій. Кучеръ, сидящій на козлахъ, такъ и сказалъ:

— Это ландо изъ погребательной конторы.

И въ довершеніе всего, черная борода кучера отлива-
етъ зеленью, имѣетъ цвѣтъ ваксы: крашенная.

УБИЙСТВО

Домъ съ мезониномъ, въ Замоскворѣчьи. Деревянный. Чистыя стекла, окрашенъ хорошей синеватой краской. Передъ нимъ толпа и большой автомобиль, казенный. Двери подъезда открыты — виденъ на лѣстницѣ коврикъ, сѣрый, съ красной дорожкой. И вся толпа смотритъ туда съ восхищеньемъ, слышенъ пѣвучій голосъ:

— Да, милья, убила! Вдова, молодая.... Любила его, говорятъ, до страсти. А онъ только на ея достатокъ льстился, гулялъ съ кѣмъ попало. Вотъ она и пригласила его къ себѣ на прощанье, угощала, виномъ поила, все повторяла: «Дай мнѣ на тебя наглядѣться!» А потомъ и всадила ему, хмельному, ножъ въ душу...

Открылось окно въ мезонинѣ, чья-то рука въ бѣлой военной перчаткѣ дала знакъ автомобилю. Машина зашумѣла, народъ раздался. И вотъ она показалась — сперва стройныя ноги, потомъ полы собольей накидки, а потомъ и вся, во всемъ своемъ нарядѣ — плавно, точно къ вѣнцу, въ церковь, стала спускаться внизъ по ступенькамъ. Бѣла и дородна — старой купеческой крови — черные глаза и черныя брови, голова открыта, причесана гладко, съ прямымъ проборомъ, въ ухахъ качаются, блещутъ длинныя серьги. Лицо спокойно, ясно, на губахъ ласковая улыбка — ко всему народу... Вошла въ машину, сѣла, за ней вошли власти, челоуѣкъ въ ловкой шинели строго и недовольно глянулъ на любопытныхъ; хлопнула дверца, машина сразу взяла съ мѣста...

И всѣ, глядя ей вслѣдъ, съ восхищеньемъ:

— Ихъ, покати, помчали!

ВЪ ОБРЕЧЕННОМЪ ДОМѢ

Одинъ изъ тѣхъ зимнихъ мокрыхъ дней, ледяныхъ и темныхъ, когда нѣтъ на свѣтѣ города отвратительнѣй Москвы. И уже вечерѣеть. Иду вверхъ по Большой Никитской и вижу: впереди, возлѣ стараго двухъ-этажнаго дома, кучками чернѣетъ на тротуарѣ и на улицѣ народъ. Что такое? Издали замѣтно что-то особенное въ томъ, какъ эти люди глядятъ на домъ, подходятъ къ витринѣ часоваго магазина въ его нижнемъ этажѣ и о чемъ-то переговариваются, не обращая вниманія на капли съ крыши и снѣжныя лужи подъ ногами. Ускоряю шаги и, подойдя, спрашиваю, что случилось? Оказывается, опять попадаю на убійство: часовщика, одиноко жившаго въ своей квартирѣ надъ магазиномъ, нашли нынче поутру мертвымъ — лежитъ на полу съ проломленной головою, весь подплылъ кровью.... Кто убилъ — никто не знаетъ: будто бы какой-то большой черный мужчина, часовъ въ семь утра пробѣжавшій тутъ съ топоромъ въ рукѣ. Зачѣмъ и почему — тоже неизвѣстно: изъ вещей у часовщика ничего не взято, а денегъ у него, говорятъ, не было... Съ удивленіемъ осматриваю этотъ давно знакомый мнѣ домъ: какъ же это никогда до сихъ поръ не приходило мнѣ въ голову, что въ такомъ домѣ непременно должно было совершиться убійство? Эти лимонно-линочія стѣны, эта ржавая вывѣска надъ пыльной витриной, это мрачное и загадочное выраженіе черныхъ оконъ вверху... Подхожу и себѣ къ витринѣ: за стекломъ, внутри темнаго магазина стоятъ только одни старинныя часы, узкіе, высокіе, краснаго дерева, бронзовый маятникъ которыхъ (въ видѣ двухъ обнявшихъ

ся влюбленныхъ) медленно поблескиваетъ, тихо и мѣрно ходить изъ стороны въ сторону... Потомъ смотрю на запертую на замокъ дверь магазина, подъ которую натекла съ тротуара свинцовая вода, и вспоминаю то, что не разъ видѣлъ утромъ, проходя мимо: какъ этотъ часовщикъ, пожилой и очень невзрачный человѣкъ въ шубкѣ съ вытертымъ (и точно облизаннымъ) бобровымъ воротникомъ отворялъ свой магазинъ, и на него тоже капало съ крыши и съ вывѣски...

Сумерки, лужи, грязные сугробы, впереди, вдоль пустой улицы, могильно горятъ рѣдкіе фонари...

НА БАЗАРНОЙ

— Вамъ что-нибудь по хозяйству или гробикъ?

На Базарной всѣмъ торгуютъ: тутъ магазины краснаго товару, часовой магазинъ, аптекарскій магазинъ, москательныя и колониальныя лавки, скобяныя, посудныя, а еще дальше, совсѣмъ возлѣ базара, тѣ растворы и сараи, гдѣ выставлены наружу метла, гробы, лопаты, грабли, новыя, черно-блестящія по втулкамъ колеса... Июль, будни, день сухой и жаркій, на Базарной пусто — всего одинъ случайный покупатель, мужикъ изъ уѣзда: рысью прогремѣлъ отъ собора, снизу, — сразу видно, что по слѣшному и неожиданному дѣлу, — и остановился передъ самымъ большимъ растворомъ. Бросилъ веревочныя возжи на свою кобыленку съ дробными, какъ у осла, ногами, соскочилъ съ грядки пыльной телѣги, набитой соломой, двинулъ на затылокъ горячую шапку, стоитъ и смотритъ.

— Что-нибудь по сельскому обиходу или, повторяю, гробикъ?

— Да, гробикъ...

— Выборъ огромный. Вамъ поскромнѣй или понаряднѣй?

Мужикъ переводитъ глаза съ манящихъ своей новизной лопать и метель на то, что нужно, — что стоитъ рядомъ съ ними и такъ сумрачно и грубо чернѣетъ сухой дешевой краской, бѣлѣя крестами на крышкахъ и крылатыми дѣтскими головками по скатамъ крышекъ.

— Да, конечно, что-нибудь получше...

— А, собственно, для кого же? Для младенца? Для отрока или отроковицы? Для старичка или старушки?

— Для младенца, милый, я не сталъ бы себя беспокоить въ такую пору. Я всю косьбу бросилъ въ полѣ...

— Значить, для родителя или для мамыши?

— То-то и дѣло, что для мамыши... Ты мнѣ выбери что-нибудь поинтереснѣй и подешевле.

— А какого приблизительно были онѣ росточку? Пропорциональной женской мѣры?

Мужикъ, выбирая гробъ глазами, ребромъ ладони проводить себя отъ предплечья къ предплечью.

— Тогда чего жъ лучше модель, на примѣръ, такого рода?

И приказчикъ быстро кладетъ руку на возглавіе лилового гроба, однимъ ловкимъ кругообразнымъ движеньемъ отдѣляетъ его отъ прочихъ и ставитъ передъ мужикомъ на тротуарѣ.

— Этотъ, думается, дюже мелокъ. Она, правда, исхудала...

— Гробъ не перваго разряду завсегда довольно мелокъ, но вмѣщаетъ вполне прилично.

— А прочень?

— Съ ручательствомъ за полную солидность. До Второго Пришествія хватить.

— А ну-ка, откройка-ка...

Приказчикъ отнимаетъ крышку. Мужикъ, наклоняясь, внимательно смотритъ. Внутри гробъ некрашенъ, тесь тамъ золотистый, шершавый, хорошо и сухо пахнетъ, кое-гдѣ въ желтыхъ смоляныхъ капляхъ. Дно, однако, не изъ цѣльной тесины, а изъ двухъ и притомъ неровныхъ, ужъ совсѣмъ корявыхъ, плохо пригнанныхъ другъ къ другу, а, главное, съ дырой отъ спиленаго и выпавшаго сучка, отъ его выскочившей пробки. И мужикъ, оживляясь, въ радостной надеждѣ на большую уступку:

— Нѣтъ, этотъ со свищемъ, съ изъяномъ! Это бракъ, милый! Возьму, если скинешь съ пятерки. И то только для мамыши!

РОМАНЪ ГОРБУНА

Горбунъ получилъ анонимное любовное письмо, приглашенье на свиданье:

— Будьте въ субботу 12 апрѣля, въ семь часовъ вечера, въ скверѣ на Соборной площади... Я молода, богата, свободна и — къ чему скрывать! — давно знаю, давно люблю васъ, вашъ гордый и печальный взоръ, вашъ благородный, умный лобъ, ваше одиночество... Я хочу надѣяться, что и Вы найдете, быть можетъ, во мнѣ душу, родную Вамъ... Мои примѣты: темно-сѣрый англійскій костюмъ, въ лѣвой рукѣ зонтикъ лиловаго шелка, въ правой — букетикъ фіалокъ...

Легко себѣ представить, какъ онъ былъ потрясенъ, какъ ждалъ субботы: первое любовное письмо за всю жизнь! Въ субботу онъ сходилъ къ парикмахеру, купилъ новые ботинки, перчатки, галстухъ; дома, наряжаясь передъ зеркаломъ, безъ конца перевязывалъ этотъ галстухъ своими длинными тонкими пальцами, холодными и дрожащими отъ волненія; на щекахъ его, подъ тонкой кожей, разлился красивый пятнистый румянецъ, прекрасные глаза потемнѣли... Потомъ онъ сѣлъ въ кресло, — какъ гость, какъ чужой въ своей собственной квартирѣ, — и сталъ ждать рокового часа. Наконецъ, въ столовой важно, почти грозно пробило шесть съ половиной. Онъ сдержанно поднялся, не спѣша надѣлъ въ прихожей весеннее пальто и весеннюю шляпу, взялъ трость и медленно вышелъ изъ дому. На улицѣ, однако, онъ уже не могъ владѣть собой — зашагалъ своими длинными и тонкими ногами быстро, со всей вызывающей важностью, присущей горбу, но

внутренно весь трепеща — той робостью, страхомъ, съ которымъ всегда предвкушаемъ мы счастье. Но когда достигъ цѣли, вошелъ въ скверъ возлѣ собора, вдругъ оцѣпенѣлъ на мѣстѣ: навстрѣчу ему, въ розовомъ свѣтѣ весенней зари, такими же важными и длинными шагами спѣшила въ своемъ темно-сѣромъ англійскомъ костюмѣ и хорошенькой шляпкѣ, похожей на мужскую, съ зонтикомъ въ лѣвой рукѣ и съ фіалками въ правой — горбунья.

СЛОНЬ

Худенькая, живоглазая дѣвочка, похожая на лисенка, необыкновенно милая отъ голубой ленточки, бантомъ которой схвачены на темени ея бѣлобрысые волосики, во всѣ глаза смотреть въ звѣринцѣ на покатую шершавую громаду слона, тупо и величаво обращенную къ ней большой широколобой головой, лопухами облѣзлыхъ ушей, голо торчащими клыками и толстой, горбатой трубой низко висящаго хобота съ острымъ хоботкомъ и черно-резиновой воронкой на концѣ. Тонкимъ голоскомъ:

— Мама, отчего у него ноги распухли?

Мама смѣется. Но смѣется и самъ слонъ. Склоняя голову, уставясь лбомъ, смотреть и онъ на дѣвочку, и въ его свинныхъ, раскосыхъ глазкахъ явно блещетъ что-то хитрое и веселое. Онъ отъ удовольствія даже весь раскачивается, начинаетъ волновать хоботъ — и вдругъ, въ трогательной безпомощности, въ полной невозможности иначе выразить свои чувства и мысли, крутымъ изгибомъ взвиваетъ его кверху, показывая его исподнюю влажно-тѣлесную мякоть, рога обнаженныхъ клыковъ и нелѣпо-маленькій ротъ между ними, съ мучительнымъ наслажденіемъ катить изъ своихъ страшныхъ нѣдръ глухой громъ, рокотъ, потомъ мощно и радостно-глупо трубить на весь звѣринецъ.

А за обѣдомъ былъ праздникъ: прибавили цвѣтную капусту и были гости, — полнѣющая, но еще моложавая и красивая дама съ черноглазымъ мальчикомъ, очень молчаливымъ и внимательнымъ.

И мама рассказала о слонѣ и о томъ, какъ спросила дѣвочка о его ногахъ. И дѣвочка поняла, что она сказала

смѣшно и что ея восхищаются, и стала изгибаться, вертѣть головкой, неожиданно и не въ мѣру звонко захохотала.

— Прелестный ребенокъ! — задумчиво сказала дама, безъ стѣсненія глядя на нее.

И она заболтала ногами и капризно повторила:

— Нѣтъ, мама, правда: отчего у него ноги распухли?

Но мама улынулась уже нарочно и заговорила съ дамой о чемъ-то другомъ, совсѣмъ неинтересномъ. И тогда, искоса поглядывая на мальчика, дѣвочка ерзула со стула, подбѣжала къ буфету и, чтобы опять обратить на себя вниманіе, стала пить воду прямо изъ горлышка графина, задыхаясь, булькая и обливая себѣ подбородокъ. А когда совсѣмъ облилась и захлебнулась, бросила и заплакала.

ТЕЛЯЧЬЯ ГОЛОВКА

Мальчикъ лѣтъ пяти, веснущатый, въ матроскѣ, тихо, какъ замороженный, стоитъ въ мясной лавкѣ: папа ушелъ служить на почту, мама пошла на рынокъ и взяла его съ собой.

— У насъ нынче будетъ телячья головка съ петрушкой, — сказала она, и ему представилось что-то маленькое, хорошенькое, красиво осыпанное яркой зеленью.

И вотъ онъ стоитъ и смотритъ, со всѣхъ сторонъ окруженный чѣмъ-то громаднымъ, краснымъ, до полу висящимъ съ желѣзныхъ ржавыхъ крючьевъ короткими обрубленными ногами и до потолка возвышающимся безголовыми шеями. Это что-то спереди зіяетъ длинными пустыми животами въ жемчужныхъ слиткахъ жира, а съ плечей и бедеръ блещетъ тонкой пленкой уже подсохшаго тучнаго мяса. Но онъ въ оцѣпенѣньи смотритъ только на головку, которая оказалась лежащей прямо передъ нимъ, у входа, на мраморной стойкѣ. Мама тоже смотритъ и горячо споритъ съ хозяиномъ лавки, тоже огромнымъ и тучнымъ, въ грубомъ бѣломъ балахонѣ, гадко испачканномъ на животѣ чѣмъ-то бурымъ, низко подпоясаннымъ широкимъ ремнемъ съ болтающимися на немъ толстыми и сальными ножнами. Мама споритъ именно о ней, о головкѣ, и хозяинъ сердито тычетъ въ головку мягкимъ пальцемъ. Мама хочетъ взять ее всю и за безцѣнокъ, а хозяинъ кричитъ: «Мадамъ, вы знаете, сколько въ ней вѣсу?» И правда — такъ велика эта головка, что даже голова мамы кажется передъ ней пустяками. О ней спорятъ, она же лежитъ неподвижно, безучастно. Бычій лобъ ея ровень, спо-

коень, мутно-голубые глаза полужакрыты, крупныя рѣсницы сонны, а ноздри и губы такъ раздуты, что видѣ имѣютъ наглый, недовольный... И вся она гола, сѣро-тѣлесна и упруга, какъ резина....

Затѣмъ хозяинъ однимъ страшнымъ ударомъ раскрылъ ее на двѣ половины и одну половину, съ однимъ ухомъ, съ однимъ глазомъ и одной толстой ноздрей, швырнулъ въ сторону мамы на хлопчатую бумагу.

ИДОЛЬ

Какъ всегда зимой, въ московскомъ Зоологическомъ саду было и въ ту зиму людно, оживленно: на каткѣ съ трехъ часовъ играла полковая музыка и туда шло и тамъ толпилось и каталось множество народу. А кромѣ того, было въ саду еще и нѣкоторое забавное зрѣлище, на которое невольнo засматривались всѣ шедшіе на катокъ отъ воротъ сада, — даже и тѣ, что уже не разъ его видѣли, благо оно было вполнѣ открытое, бесплатное: по дорогѣ на катокъ всѣ на нѣсколько минутъ прoстанавливались и любопытно глядѣли на то, что представлялось ихъ глазамъ въ одномъ изъ загоновъ возлѣ дороги: всѣ прочіе загоны, равно какъ и всякіе искусственные гроты, хижины и павильоны, раскинутые на снѣжныхъ лугахъ сада, были пусты и, какъ все пустое, печальны — всѣ странные звѣри и птицы, населявшіе садъ, зимовали въ теплыхъ помѣщеньяхъ, но этотъ загонъ не пустовалъ, и было въ немъ нѣчто еще болѣе необыкновенное, чѣмъ всякіе пеликаны, газели, утконосы: тамъ стоялъ эскимосскій чумъ, похаживалъ и порой билъ въ снѣгъ копытомъ тонкой ноги, что-то искалъ подъ нимъ большой, бородатый буланый олень, гладкозадый и куцый, коронованный высокими и тяжкими лопастями сѣрыхъ роговъ, — звѣрь мощный и весь какой-то твердый, жесткій, какъ все сѣверное, полярное, — а возлѣ порога чума, прямо на снѣгу, сидѣлъ, поджавъ подъ себя короткія скрещенныя ноги въ пѣгихъ мѣховыхъ чулкахъ, торчалъ раскрытой головой изъ калянаго мѣшка оленьей шкуры не то какой-то живой идоль, не то просто женоподобный дикій мужикъ, у котораго почти не бы-

ло шеи, плоскій черепъ котораго поражалъ своей крѣпостью и густотой крупныхъ и прямыхъ смоляныхъ волосъ, а мѣдно-желтое лицо, безбородое, широкоскулое и узкоглазое, своей нечеловѣческой тупостью, хотя какъ будто и смѣшанной съ грустью; и занимался этотъ идолъ только тѣмъ, что съ трехъ часовъ до поздняго вечера сидѣлъ себѣ на снѣгу, не обращая вниманія на толпящійся передъ нимъ народъ, и отъ времени до времени давалъ представленіе: межъ его колѣнъ стояли двѣ деревянныхъ миски, — одна съ кусками сырой конины, а другая съ черной кровью, — и вотъ онъ бралъ кусокъ конины своей короткой ручкой, мокалъ ее въ кровь и совалъ въ свой рыбій ротъ, глоталъ и облизывалъ пальцы, всему прочему совсѣмъ не соответственные: небольшіе, тонкіе и даже красивые...

Въ ту зиму, въ числѣ прочихъ, ходившихъ на катокъ въ московскомъ Зоологическомъ саду и мимоходомъ смотрѣвшихъ на такую удивительную разновидность чело-вѣка, были женихъ и невѣста, студентъ и курсистка, дружно и поспѣшно шедшіе среди всѣхъ прочихъ своихъ дѣлъ и развлеченій къ своей главной, тайной цѣли, — къ послѣдней близости. И такъ на весь вѣкъ и запомнились имъ тѣ счастливые давніе дни: снѣжно, морозно, деревья въ Зоологическомъ саду кудряво обросли инеемъ, точно сфрыми кораллами, съ катка долетаютъ такты вальсовъ, а онъ сидитъ и все суетъ себѣ въ ротъ куски мокраго и чернаго отъ крови мяса, и ничего не выражаютъ его темные узкіе глазки, его плоскій желтый ликъ.

СТУДЕНТЪ

Студентъ былъ съ большимъ, ровнымъ носомъ, весь какъ будто деревянный, прямоугольный, но стройный, высокій, носилъ длинный, широкоплечій сюртукъ темнозеленаго сукна, узкіе (совсѣмъ военные) панталоны со штрипками, щегольскіе николаевскіе ботинки. Студентъ былъ постояннымъ гостемъ, своимъ человѣкомъ во многихъ богатыхъ гостиныхъ, — всегда оживленный, готовый на любезность, на услугу, тѣло держащій въ постоянномъ наклонѣ впередъ, сіяющій гладкимъ проборомъ. Студентъ сдержанно появлялся на первыхъ представленіяхъ въ театрахъ, а послѣ нихъ у Кюба, на ты сошелся — и такъ незамѣтно, просто — кое съ кѣмъ изъ золотой молодежи, бывающей тамъ....

Но вотъ пріѣхалъ въ Петербургъ его землякъ, товарищъ по пензенской гимназіи, сталъ искать его, съ настойчивостью провинціала домогаться встрѣчи съ нимъ: и оказалось, во-первыхъ, что живетъ студентъ Богъ знаетъ гдѣ, по Шлиссельбургскому шоссе. Добравшись туда, землякъ вошелъ въ глубочайшій и грязный дворъ громаднхъ кирпичныхъ корпусовъ, темно глядѣвшихъ несмѣтнымъ числомъ голыхъ оконъ, мелкихъ квартиръ. Онъ долго ходилъ, ища дворника, долго добивался на порогъ полуподземной дворницкой, гдѣ тутъ студентъ такой-то; и оказалось, во-вторыхъ, что надо было спрашивать квартиру не студента, а вдовы такой-то, его матери, что студентъ живетъ при ней, равно какъ и его сестра, мужъ которой уже давно сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Послѣ этого товарищъ нашелъ, наконецъ, подъѣздъ

номеръ девять, вѣрнѣе, просто черный ходъ, и безъ конца поднимался на седьмой этажъ по крутой и темной лѣстницѣ, на одной площадкѣ которой неподвижно сидѣли противъ черной кошки два сѣрыхъ кота: кошка была точно въ нарядномъ траурѣ, съ бѣлыми лапками и пушистой бѣлой грудкой, была чиста, сыта, ежилась уютно и спокойно, жмурилась небрежно, сонно, коты же были тощи, шершавы, сидѣли напряженно, поднявъ плечи, не сводя съ нея узкихъ, злыхъ, кружевенныхъ глазъ, и было видно, что сидятъ они и кошка уже очень давно и могутъ просидѣть еще хоть сутки. А на седьмомъ этажѣ не сразу отворили, — послѣ звонка, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ квартирахъ, послышался за дверью женскій испуганный голосъ: «Мамаша, звонятъ!» и кто-то куда-то пробѣжалъ, чѣмъ - то прошлепалъ. Когда же отворили, гость очутился въ крохотной прихожей, передъ пожилой женщиной, которая, при всей своей наружной кротости, стала, однако, такъ, точно была готова на все, лишь бы не дать гостю шагнуть дальше. Это была женщина уже сѣдѣющая и вся какая-то мягкая, съ мягкими подагрическими руками.

— Что вамъ угодно-съ? — спросила она вѣжливо, но стойко.

И гость забормоталъ:

— Простите, здѣсь живетъ студентъ такой-то?

— Здѣсь. А позвольте спросить, вы къ нему по какому дѣлу?

— Я, видите-ли, его землякъ, товарищъ по гимназiи...

— Но простите, я васъ что-то не помню. Я знала всѣхъ товарищей Вити, а вотъ васъ...

И тогда ребенокъ, который стоялъ, прятался за ея юбкой, закрывая лицо рѣшеткой пальцевъ, и сквозь пальцы пристально слѣдилъ за гостемъ, вдругъ кисло, нехотя и съ отвращенiемъ заплакалъ, продолжая, однако, слѣдить за нимъ....

А дальше оказалось, что живетъ студентъ въ комнатѣ удивительно узкой и длинной, притомъ такой холодной, что даже по воздуху въ ней видно было, какъ она холодна. Между двойными рамами ея единственнаго окна лежалъ толстый валъ дымчатой, дешевой ваты, но это тепла не прибавляло. Зато порядокъ царилъ во всемъ рѣдкій: на полу ни пушинки, желѣзная койка прикрыта сѣрымъ жесткимъ одѣяломъ безъ единой складки, лекціи и книги — между ними французскій самоучитель Туссэна — лежатъ на столикѣ съ полнѣйшимъ соблюденіемъ симметріи, завѣтный широкоплечій сюртукъ, распяленный на деревянной распоркѣ, виситъ на стѣнѣ за чистой простынею, николаевскіе ботинки блещутъ подъ нимъ на колодкахъ...

И былъ студентъ дома вовсе не такой, какъ въ свѣтѣ, въ гостинныхъ: привѣтливъ, но сухъ, серьезно-грустенъ. И все поглядывалъ куда-то въ свое холодное окно. За окномъ же, къ большому удивленію гостя, не оказалось ровно ничего: за нимъ, съ этой семиэтажной высоты, плоско и грязно бѣлѣли только какія-то безконечныя снѣжныя пустыни, — нѣчто столь скучное, ненужное, что возможно только возлѣ Петербурга.

БЛАГОСКЛОННОЕ УЧАСТІЕ

Въ Москвѣ, — ну, скажемъ, на Молчановкѣ, — живетъ нѣкая «бывшая артистка Императорскихъ театровъ». Одинока, очень не молода, большая, широкоскулая, жилистая. Даетъ уроки пѣнія. И вотъ что происходитъ съ ней почти каждый годъ въ декабрѣ.

Однажды въ воскресенье, — положимъ, въ очень морозное, солнечное утро, — раздается въ ея передней звонокъ.

— Аннушка! Звонятъ! — испуганно кричитъ она изъ своихъ комнатъ кухаркѣ.

Кухарка идетъ отворять, — и даже отступаетъ: такъ блестящи, нарядны гости — двѣ барышни въ мѣхахъ и бѣлыхъ перчаткахъ и франтъ студентъ, ихъ сопровождающій, насквозь промерзшій въ своей легкой шинелькѣ и тонкихъ ботинкахъ.

Гости долго ждутъ въ холодной гостиной, янтарно озаренной сквозь морозные узоры оконъ, затѣмъ слышатъ быстрые шаги хозяйки и поспѣшно встаютъ ей навстрѣчу. Она очень взволнована, — уже знаетъ, въ чемъ дѣло, — густо напудрила лицо, надушила крупныя, костлявыя руки...

— Ради Бога, простите, господа, я, кажется, заставила васъ ждать, — съ очаровательной улыбкой и самой свѣтской непринужденностью говоритъ она, быстро входя и съ трудомъ преодолевая сердцебіеніе.

— Это вы насъ простите за безпокойство, — съ откровенной почитительностью перебиваетъ ее студентъ, кла-

няясь и цѣлуя ея руку. — Являемся къ вамъ съ усердной и покорнѣйшей просьбой. Комитетъ по устройству традиціоннаго литературно - вокально - музыкальнаго вечера въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ пятой московской гимназіи возложилъ на насъ честь ходатайствовать передъ вами о вашемъ благосклонномъ участіи въ этомъ вечерѣ, имѣющемъ быть на третій день рождественскихъ праздниковъ.

— Господа, если можно, увольте! — особенно очаровательно начинается она. — Дѣло въ томъ...

Но барышни нападаютъ на нее такъ дружно, горячо и лестно, что она не успѣваетъ сдѣлать даже этой слабой попытки отказаться, уклониться...

Послѣ того проходитъ цѣлыхъ три недѣли.

И цѣлыхъ три недѣли Москва работаетъ, торгуетъ, веселится, но, среди всѣхъ своихъ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, интересовъ и развлеченій, втайнѣ живетъ только однимъ — ожиданіемъ знаменательнаго вечера двадцать седьмого декабря. Великое множество афишъ всѣхъ цвѣтовъ и размѣровъ пестритъ на всѣхъ ея улицахъ и перекресткахъ: «На днѣ», «Синяя Птица», «Три сестры», Шалыпинъ въ «Русалкѣ», Собиновъ въ «Снѣгурочкѣ», Шоръ, Крейнъ и Эрлихъ, опера Зимина, вечеръ Игоря Сѣверянина.... Но теперь всякому бьетъ въ глаза только та маленькая зеленая афиша, на которой крупно напечатаны имя, отчество и фамилія благосклонной участницы литературно - вокально - музыкальнаго вечера въ пользу недостаточныхъ учениковъ пятой московской гимназіи. А сама участница безвыходно сидитъ въ это время дома и работаетъ, не покладая рукъ, дабы не обмануть ожиданій Москвы, — безъ конца выбираетъ, что пѣть, съ утра до вечера пробуетъ голосъ, разучиваетъ то то, то другое... Дни идутъ теперь необыкновенно быстро, и эта быстрота уже приводитъ ее порой въ ужасъ: и оглянуться не успѣешь, какъ настанетъ это страшное двадцать седьмое декабря!

Она давно прекратила давать уроки, никого не принимает и сама не выходит из дому, боясь схватить бронхит, насморкъ. Съ чѣмъ именно выступать? Публика и не подозреваетъ, какъ трудно рѣшеніе этого вопроса даже для опытнѣйшаго артиста! Какое нужно проявить тутъ чутье, сколько вкуса, такта, опыта! Послѣ долгихъ и мучительныхъ сомнѣній, колебаній, дѣло, однако, кончается тѣмъ, что она останавливается на своемъ старомъ, неизмѣнномъ репертуарѣ, — снова проходить три вещи: одну французскую, нѣжную и грустную, чарующую, какъ колыбельная пѣсня, гдѣ, впрочемъ, скрыта огромная страсть, сила и боль любящей женской души, безумно жаждущей счастья и жертвенно отъ этого счастья отрекающейся; другую — полную блеска колоратуры и русской удалы; и затѣмъ — свою коронную: «Я бѣ тебя поцѣловала, да боюсь, увидить мѣсяцъ», которой, какъ всегда, можно блеснуть особенно, дать ее «съ огонькомъ», беззавѣтно-радостно, игриво, молодо и оборвать на такомъ отчаянно-высокомъ и ликующемъ звукѣ, чтобы весь залъ дрогнулъ отъ рукоплесканій. Кромѣ того, она готовитъ двѣнадцать вещей на бисъ.... Дни мелькаютъ, мелькаютъ, и въ душѣ у нея уже растеть такое чувство, точно близится часъ ея казни. Однако, она работаетъ, забывъ все на свѣтѣ. И вотъ настаетъ, наконецъ, этотъ послѣдній, роковой день!

Утромъ двадцать седьмого декабря всѣ силы ея доведены до предѣльнаго напряженія. Утромъ еще одна репетиція, но уже послѣдняя, генеральная. Она поетъ уже какъ бы на эстрадѣ: полнымъ голосомъ, со всей выразительностью художественности, проходитъ съ аккомпаніаторомъ всю свою программу — и чувствуетъ: работа не пропала даромъ! Но кто все-таки знаетъ, что ждетъ ее вечеромъ? Триумфъ или гибель? Лицо ея пылаетъ, руки какъ ледъ... Послѣ репетиціи она идетъ въ свою спальню, раздѣвается и ложится въ постель. Аннушка приноситъ ей нѣчто совершенно необычное — зернистой икры, холодного цы-

пленка и портвейну: такъ, въ день выступленія, завтракаютъ всѣ большія артистки. Покушавъ, она велитъ задернуть шторы, уйти и хранить въ домѣ полнѣйшую тишину, а сама закрываетъ глаза и, въ темнотѣ, безъ единаго движенія, лежитъ, стараясь ни о чемъ не думать, ничѣмъ не волноваться, часъ, другой, третій — весь день, вплоть до шести часовъ вечера. Въ шесть вдругъ вскакиваетъ: рѣзкій звонокъ въ передней — парикмахеръ!

Съ бьющимся сердцемъ, съ пылающими ушами и скулами, накапываетъ она себѣ ледяной, дрожащей рукой цѣлыхъ сорокъ капель эфирно-валерьяновой микстуры и, въ халатикѣ, съ распущенными волосами, какъ дѣва, которую пришли убирать, готовить на закланіе, садится передъ зеркаломъ. Парикмахеръ входитъ, предварительно согрѣвши руки надъ плитой въ кухнѣ, и говоритъ ободряюще: — Чудная погода! Изрядный морозецъ, но чудно!

Онъ работаетъ изысканно и медленно, чувствуя и себя отчасти участникомъ предстоящаго событія, вполне понимая и раздѣляя ея артистическое волненіе, будучи и самъ натурой артистической. Онъ своими небрежно-легкими разговорами, шутками и вообще всей своей опытностью въ такихъ дѣлахъ, равно какъ и твердой, хотя и осторожно высказываемой вѣрой въ ея предстоящій успѣхъ, мало-по-малу успокаиваетъ ее, возвращаетъ ей силы, мужество, надежды... Но когда онъ кончаетъ свое дѣло и, осмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, убѣждается, что лучше уже ничего нельзя сдѣлать изъ этой великолѣпной завивки и прически, уходитъ, а часы въ столовой медленно бьютъ семь, у нея опять начинаютъ дрожать руки, замирать и стучать сердце: въ восемь съ половиной за ней явятся!

Затѣмъ бьетъ восемь, а она все еще не готова. Она опять пила капли, — на этотъ разъ гофманскія, — она надѣваетъ свое лучшее бѣлье, румянится, пудрится... Въ восемь же съ половиной раздается новый звонокъ, который поражаетъ ее, какъ громомъ: пріѣхали! Аннушка тяжело

бѣжить въ переднюю, отъ волненія, — она тоже сама не своя, — не можетъ сразу отворить дверь...

Они — на этотъ разъ два студента — пріѣхали въ огромной старозавѣтной наемной каретѣ, запряженной двумя исполинскими клячами. Они тоже франты и тоже безъ калошъ, и ноги у нихъ тоже окаменѣли съ морозу. Въ гостиной, какъ всегда, холодъ и скучно горятъ пахнуція керосиномъ лампы. Однако, они терпѣливо сидятъ въ однихъ мундирахъ, блестя зеркальными головами, благоухая фиксатуаромъ и бриллиантиномъ, съ большими бантами изъ бѣлаго атласа на груди, точно шафера. Они сидятъ молча, ждутъ вѣжливо и стойко, смотрятъ на запертыя со всѣхъ сторонъ двери, на мерзлыя стекла, мерцающія синими и красными огоньками, на рояль, на портреты великихъ пѣвцовъ и пѣвицъ по стѣнамъ, слушаютъ глухой звонъ и гулъ трамваевъ за окнами, тревожные шаги Аннушки и самой артистки за дверями... И такъ проходитъ четверть часа, полчаса, сорокъ минутъ... какъ вдругъ одна изъ дверей неожиданно распахивается. Они, какъ по командѣ, вскакиваютъ съ мѣстъ, а артистка быстро, съ очаровательно-безпечной улыбкой, идетъ къ нимъ:

— Ради Бога, простите, господа, я, кажется, заставила васъ ждать... Что, развѣ уже пора? Ну, что же, ѣдемъ, если угодно, я готова...

На скулахъ ея даже сквозь румяны и пудру горятъ багровыя пятна, изо рта пахнетъ ландышевыми каплями, отъ рукъ кремомъ, отъ воздушнаго платья изъ дымчатого газа духами. Она похожа на Смерть, собравшуюся на балъ. На ея сложную и высокую прическу, на завитые и взбитые со всѣхъ сторонъ сѣрые волосы накинута что-то черно-кружевное, испанское, на голыя плечи съ огромными ключицами — шубка изъ бѣлой кудрявой козы... И студенты со всѣхъ ногъ кидаются за ней въ прихожую. Тотъ, что худѣе и выше, хватаетъ ея ботики и, быстро ставъ на одно колѣно, ловко надѣваетъ ихъ на ея черныя

атласныя туфельки съ алмазными пряжками и слышитъ, какъ пахнетъ мышами изъ подъ ея подмышекъ, когда она наклоняется, чтобы помочь ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скромно одернувъ подолъ на бѣлые кружевные зубчики панталонъ...

Она пѣла и про тучу, которая съ громомъ повстрѣчалась, и про какое-то убѣжище, — «въ убѣжище сюда направилъ насъ Господь», — и съ особеннымъ блескомъ: «Я бѣ тебя поцѣловала...» Критиканъ старичекъ, сидѣвшій въ первомъ ряду, ѣдко при этомъ захихикалъ, закрутилъ головой — весьма недвусмысленно: покорно, молъ, благодарю, пожалуйста, не цѣлуй... И все таки остался въ дуракахъ: успѣхъ артистка имѣла колоссальный, ее безъ конца вызывали и заставляли бисировать — особенно чуткая молодежь, стоявшая въ проходахъ, кричавшая даже грозно и бившая въ сложенные ковшикомъ ладони съ страшной гулкостью.

КРАСНЫЕ ФОНАРИ

Вечеръ наступалъ теплый, душный. Въ церквахъ звонили ко всенощной, по старому деревянному мосту черезъ пересохшую рѣчку, гудя и стуча, катились извозчики — на вокзалъ, къ вечернему поѣзду. Гимназистъ второклассникъ, не доходя до моста, повернулъ и пошелъ вдоль домовъ по узкой и ухабистой набережной. Дома эти были совсѣмъ особенные, необыкновенные, жутко волнующіе: надъ ихъ крыльцами висѣли большіе красные фонари, а гимназистъ уже зналъ, что это значить. Остановясь противъ одного изъ нихъ, возлѣ деревянныхъ перилъ надъ обрывомъ къ рѣчкѣ, онъ сталъ дѣлать видъ, что балуется, шалить отъ нечего дѣлать: то влѣзалъ на перила — задомъ, — то слѣзалъ, а самъ все смотрѣлъ на домъ и прислушивался.

Ахъ, какъ все было хорошо, какъ интересно!

Внизу, въ полуподвальномъ этажѣ, сидѣлъ у раскрытаго окошечка рыжеусый унтеръ, видный только до пояса, безъ мундира, въ одной пестренькой ситцевой рубахѣ. Онъ тачалъ сапогъ, вдѣвалъ и раздергивалъ дратву и громко говорилъ:

— Ты чего пируешь, нахальничаешь? Ты чего, какъ у меня гости, лѣзешь не въ свою компанію, невѣжа? Ну погоди, дай срокъ, я съ тобой посчитаюсь!

И кто-то острымъ, противнымъ голосомъ отвѣчалъ ему изъ глубины комнаты:

— Брешешь! Опять брешешь! Я не выходила, я за шкапомъ чай пила!

А на крыльцѣ дома стоялъ столъ, уставленный тем-

ными пивными бутылками, а за столомъ сидѣли: дюжій, бородатый мужчина въ жилеткѣ и дѣвка въ красномъ раз-
махаѣ и въ старыхъ мужскихъ ботинкахъ на босу ногу. Она, поставивъ очаровательныя оголенныя руки на столъ,
быстро что-то говорила и задирчиво смѣялась. И вдругъ
мужчина, до сихъ поръ сумрачно и тяжело молчавшій, вско-
чилъ съ мѣста и, валяя бутылки, схватилъ дѣвку за косу.
И другая дѣвка, въ шелковой лимонной косовороткѣ, си-
дѣвшая и грызшая подсолнухи подъ окномъ возлѣ крыль-
ца, съ крикомъ появилась на порогѣ и кинулась бить муж-
чину кулаками въ голову, потомъ схватила его за густые
бурые волосы и потащила черезъ столъ. Тотъ вырвался,
упалъ задомъ на стулъ и, высоко поднимая руки, сказалъ
неожиданно-спокойнымъ голосомъ:

— Ну, ну, будетъ, будетъ! За все заплачу...

А третья дѣвка, широколицая, курносая, въ блѣдно-
голубомъ батистовомъ капотѣ, ходила, прелестно волнуя
этотъ капотъ, взадъ и впередъ по тротуару и что-то за-
думчиво, томно напѣвала. Передъ ней бѣгала маленькая
лохматая собачка. И приказчикъ, проходившій навстрѣчу
дѣвкѣ и очарованный ея капотомъ и голыми ногами въ
легкихъ туфелькахъ, вздумалъ пошутить, игриво спросилъ
ее:

— А нельзя ли васъ съ этой собачкой въ участокъ
забрать за такія прогулки?

Но дѣвка гордо, не глядя на него, прошла мимо и ни
съ того, ни съ сего отрѣзала, раздувая ноздри:

— Кабы тебѣ самого не забрали, дурака этакого!

ГРИБОКЪ

Сквозь утренній морозный туманъ и утренніе дымы города — розово-янтарное солнце, мягко, весело, уютно озаряющее номеръ «Сѣверной Гостиницы». Внизу, за окнами, огромная людная площадь, весь сѣрый отъ инея плечистый, коренастый царь-мужикъ на своемъ упрямомъ и могучемъ свиноподобномъ конькѣ, возбуждающіе звонки, гулъ и скрежетъ трамваевъ, все время кругами обходящихъ его.... Ахъ, хорошъ Петербургъ! Пріѣзжіи только что съ вокзала, изъ Москвы, — точно изъ деревни, — отлично выспался за ночь въ тепломъ, покойномъ купѣ, за которымъ всю ночь густо шли черно-зеленые, въ бѣломъ сахарѣ, еловые лѣса, и впереди у него цѣлый день суеты и наслажденій: солнце, морозъ, рѣзвый лихачъ, сизыя ущелья великолѣпныхъ проспектовъ и улицъ, одно интересное свиданье, другое, еще болѣе интересное, потомъ завтракъ съ однимъ пріятелемъ и обѣдъ съ другимъ.... Предвкушая все это, пріѣзжіи поспѣшно раскрыли чемоданъ, разбросали что куда попало — на постель, на кресла, на бархатную скатерть круглаго стола передъ диваномъ, поспѣшно бреется, моется, переодевается.... Сейчасъ коридорный принесетъ до теплоты расчищенные ботинки, а лакей во фракѣ — горячій кофе и горячій калячъ, онъ же самъ уже будетъ къ тому времени весь сіять чистотой, нарядностью, моложавостью — бѣлоснѣжной рубахой, мраморными воротничками, шелковымъ красивымъ галстухомъ, шелковыми черными подтяжками, яркими глазами, нѣжностью и свѣжестью припудренныхъ

щекъ, мокрымъ блестящимъ проборомъ.... Вдругъ острожный стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

Стукъ громче.

— Кто это? Войдите!

И дверь тихонько отворяется и въ комнату несмѣло заглядываютъ лисьи глазки какого-то небольшого лысаго человѣчка:

— Виновать, вы господинъ такой-то?

— Да. Что вамъ угодно?

— Позвольте рекомендоваться: дѣлопроизводитель такого-то учрежденія, изъ Твери. Находясь по личнымъ надобностямъ въ Петербургѣ, проживаю рядомъ съ этой гостиницей, въ номерахъ такихъ-то. Вышелъ купить кое-чего къ утреннему чаю и проходилъ у вашего подъѣзда какъ разъ въ ту минуту, когда вы входили въ него прямо съ вокзала. Лицо показалось знакомымъ, — у васъ большое сходство съ вашимъ братцемъ, живущимъ въ Твери, да вы и сами бываете у насъ отъ времени до времени, — спросилъ у вашего швейцара ваше имя, отчество и фамилію и убѣдился, что не ошибся. Счелъ, какъ землякъ, долгомъ представиться и, пользуясь счастливымъ случаемъ, повидаться, побесѣдовать — между прочимъ, и кое о чемъ, васъ лично касающемся и вамъ еще, можетъ быть, неизвѣстномъ, а межъ тѣмъ весьма значительномъ... Разрѣшите войти на минутку?

— Простите, я очень спѣшу. Очень радъ, но.... И въ чемъ, собственно, дѣло?

— Прекрасно, прекрасно, навѣщу васъ, если позволите, вечеркомъ или завтра утречкомъ....

— Къ сожалѣнью, я вернусь нынче очень поздно...

— Ну, тогда завтра. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, еще увидимся, — я пробуду здѣсь еще съ недѣлку. А что до дѣла, то позвольте пока, до болѣе подробнаго разговора, изложить его вкратцѣ. Я счелъ долгомъ немедленно пре-

дупредить васъ о немъ, собственно, по той причинѣ, что заключается оно вотъ въ какихъ печальныхъ обстоятельствахъ: домъ, купленный, какъ вамъ извѣстно, не такъ давно вашимъ братцемъ въ Твери на такой-то улицѣ, неминуемо обреченъ на гибель: въ немъ грибокъ. Вашего брата злостно обманули. Домъ новый, прекрасный, проданъ за безцѣнокъ, но именно потому-то и проданъ такъ: въ немъ грибокъ, отъ котораго, какъ вамъ опять таки должно быть извѣстно, нѣтъ совершенно никакой защиты. Конечно, братецъ вашъ могъ бы поторопиться перепродать его. Но несчастье усугубляется тѣмъ, что теперь уже весь городъ знаетъ, что въ немъ грибокъ. Такъ что теперь его даже и за грошъ никто не возьметъ.

— Покорно благодарю. Но простите — стоило ли вамъ спѣшить съ такой печальной вѣстью! Да и зачѣмъ, разъ дѣло, какъ вы говорите, совершенно безнадежно?

— Увы, не скрою: вполне безнадежно.

— Ну и Богъ съ нимъ совѣмъ! Да я и не понимаю ничего: какой грибокъ, что за грибокъ?

— А вотъ я вамъ сейчасъ расскажу.

— Но повторяю — я очень спѣшу.

— Не беспокойтесь, я въ двухъ словахъ. Изволите ли видѣть: всякое жилище, построенное изъ сырого лѣса, который зараженъ такъ называемымъ «домовымъ грибомъ», то-есть извѣстнаго рода червячкомъ-вредителемъ, неминуемо превращается въ теченіе нѣкотораго (и часто даже очень короткаго) времени въ труху, въ прахъ. Вредитель этотъ, размножаясь и распространяясь съ поразительной быстротой въ томъ древесномъ матеріалѣ, который сталъ его, такъ сказать, случайнымъ пристанищемъ, буквально пожираетъ строенье. Для примѣра приведу вамъ случай, недавно опубликованный въ газетахъ и имѣвшій мѣсто въ Челябинскѣ: тамъ въ одинъ годъ погибло ни болѣе ни менѣе, какъ цѣлыхъ тридцать домовъ, — цифра поистинѣ ужасная! Въ одинъ годъ они были заражены и

разрушены съ верху до низу! Если же принять во вниманіе, что домъ вашего братца...

Кончается все это тѣмъ, что пріѣзжіи убиваетъ дѣлопроизводителя изъ Твери кувшиномъ съ умывальника и отдается въ руки правосудія.

УЩЕЛЬЕ

Лѣсистое ущелье, предвечернее время.

Зеленой кудрявой смушкой, зеленымъ каракулемъ кажется издали густой лѣсъ, покрывающій горные скаты противъ аула. Въ лѣсу кто-то жжетъ костеръ, голубой дымокъ далеко тянется надъ зеленой смушкой, и его пряный запахъ мѣшается съ миндальной свѣжестью лѣса.

Синее небо надъ горами бездонно и ясно, — лишь впереди, гдѣ ущелье сомкнулось, отвѣсно стоитъ въ лазури витое изъ бѣлоснѣжныхъ клубовъ облако.

А тамъ, въ аулѣ, непрерывно звучить, восторженно плачетъ, переливно зоветъ и вопить роговая дудка: звукъ горловой, дикій, чарующій и страшный, слушая который, думаешь о горныхъ козлахъ, о весенней, грозной порѣ ихъ страсти.

Это танцуютъ на крышѣ сакли подростки татары: одинъ стоитъ, надулъ губы, выпучилъ бѣлки — играетъ, два другихъ, пристально глядя въ глаза другъ другу, положивъ руки другъ другу на плечи, подсакиваютъ козлами, крѣпко притоптываютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Куда, въ какую райскую пропасть устремленъ ихъ напряженный, радостный, остановившійся взглядъ?

На сосѣдней саклѣ сидитъ на корточкахъ, вся сжалась и не спускаетъ съ нихъ глазъ дѣвочка-подростокъ. Она худенькая, но уже длинная; она еще въ одной рубахѣ, черная головка ея раскрыта; но глаза уже дивны и жутки, какъ у Архангела...

Какое душу раздирающее блаженство въ дудочныхъ переливахъ и вопляхъ!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Лѣто, имѣнье въ лѣсномъ западномъ краю.

Весь день проливной свѣжій дождь, его сплошной шумъ по тесовой крышѣ. Въ притихшемъ домѣ сумракъ, скучно, на потолокъ спять мухи. Въ саду покорно никнутъ подъ водяной бѣгущей сѣтью мокрая деревья, красные цвѣтники у балкона необыкновенно ярки. Надъ садомъ, въ дымномъ небѣ, тревожно торчитъ аистъ: почернѣвшій, похудѣвшій, съ подогнутымъ хвостомъ и обвислой косицей, сталъ на край своего гнѣзда въ верхушкѣ столѣтней березы, въ развилинѣ ея голыхъ бѣлыхъ сучьевъ, и порой, негодуя, волнуясь, подпрыгивая, крѣпко, деревянно стучить клювомъ: что же это такое, потопъ, настоящій потопъ!

Но вотъ, часа въ четыре, дождь свѣтлѣй, рѣже. Ставятъ самоваръ въ сѣнцахъ — бальзамическій запахъ дыма стелется по всей усадьбѣ.

А къ закату совѣмъ чисто, тишина, успокоенье. Господа и тѣ, что гостятъ у нихъ, идутъ въ боръ на прогулку.

Уже синѣетъ вечеръ.

Въ просѣкахъ бора, усталыхъ желтой хвоей, дороги влажны и упруги. Боръ душистъ, сыръ и гулокъ: чей-то дальній голосъ, чей-то протяжный зовъ или откликъ, дивно отдается въ самыхъ дальнихъ чащахъ. Просѣки кажутся узки, пролеты ихъ стройны, безконечны, уводятъ своей вечерней далью. Боръ вдоль нихъ величаво - громаденъ, стоитъ темно, тѣсно; мачты его къ верхушкамъ голы, глад-

ки, красны; ниже онѣ сѣры, корявы, мшисты, сливаются другъ съ другомъ: тамъ мхи, лишай, сучья въ гнили и еще въ чемъ-то, что висить подобно зеленоватымъ космамъ сказочныхъ лѣсныхъ чудищъ, образуютъ дебри, нѣкую дикую русскую древность. А когда выходишь на поляну, радуеть юная сосновая поросль: она прелестнаго блѣднаго тона, зелени нѣжной, болотной, легка, но крѣпка и вѣтвиста; вся еще въ брызгахъ и мелкой водяной пыли, она стоитъ, какъ многосвѣчники въ церкви подъ серебрястой кисеей въ блестяхъ....

Въ тотъ вечеръ бѣжали впереди гулявшихъ маленький кадетикъ и большая добрая собака, — все время играя, обгоняя другъ друга. Впереди же, но степенно, граціозно шла и дѣвочка-подростокъ съ длинными руками и ногами, въ клѣтчатомъ легкомъ пальтишкѣ, почему-то очень миломъ. И всѣ усмѣхались — знали, отчего такъ бѣжить, такъ неустанно играетъ и притворно веселится кадетикъ, готовый отчаянно заплакать. Дѣвочка тоже знала и была горда, довольна. Но глядѣла небрежно и брезгливо.

НЕБО НАДЪ СТѢНОЮ

Въ солнечное зимнее утро уѣзжаю изъ Рима.

Хмельной, возбужденный старикъ, везущій меня на вокзалъ, въ одномъ пиджакѣ и каскеткѣ сидящій на высокихъ козлахъ, всячески дергаетъ локтями, гонитъ свою узкую клячу по тѣсной длинной улицѣ, въ тѣни и свѣжей сырости. Но вотъ улица круто поворачиваетъ вправо, обрывается спускомъ на просторную площадь, на слѣпящее теплое солнце. Кляча сразбѣгу садится на заднія ноги, старикъ, упавъ на бокъ, быстро крутитъ тормазъ. Колеса скребуть и ноютъ, копыта крѣпко цокаютъ по камню. Впереди, въ этомъ блескѣ, еще зыбкомъ, влажномъ, густо дымится водяной пылью, валить въ разныя стороны сѣрыми клубами огромный фонтанъ. А слѣва, рядомъ съ нами, идетъ какая-то древняя руина, тянется дикая, какъ крѣпость, радостно озаренная солнцемъ стѣна, надъ обрѣзомъ которой ярко и густо синѣетъ небо. И старикъ, тормозя, косить глаза кверху, въ дивное лоно его райскихъ красокъ, и кричитъ, восклицаетъ:

— Мадонна! Мадонна!

СВИДАНИЕ

На престольный праздникъ барчукъ верхомъ поѣхалъ на деревню.

Дѣвка, въ которую онъ былъ тогда такъ романтически влюбленъ, вышла на крыльцо наряженная, радостно улыбнулась:

— Здравствуйте. Что жъ давно не были? Вы вонъ когда еще были: тогда у насъ сучка щенилась, а теперь ужъ щенята здоровые выросли....

ПѢТУХИ

На охотничьемъ ночлегѣ, съ папиросою на порогѣ из-бы, послѣ ужина. Тихо, темно, на деревнѣ покоуть пѣтухи. Выглянула изъ окошечка сидѣвшая подъ нимъ, въ темной избѣ, хозяйка, послушала, помолчала. Потомъ негромко, подавляя пріятный зѣвокъ:

— Что жъ это вы, баринъ, не спите? Ишь, ужъ не рано, пѣтухи опѣвають ночь...

МУРАВСКІЯ ШЛЯХЪ

Лѣтній вечеръ, ямщицкая тройка, безконечный, пустынный большакъ.... Много пустынныхъ дорогъ и полей на Руси, но такого безлюдья, такой тишины помскать. И ямщикъ мнѣ сказалъ:

— Это, господинъ, Муравскій шляхъ называется. Тутъ на насъ въ старину несмѣтные татары шли. Шли, какъ муравьи, день и ночь, день и ночь и все не могли пройти....

Я спросилъ:

— А давно?

— И не запомнить никто, — отвѣтилъ онъ. — Больше тысячи лѣтъ!

УЖАСЪ

Мѣсячной осенней ночью, свѣтлой и тихой, я пѣшкомъ возвращался съ полевой охоты по сухимъ, блестящимъ жнивьямъ, пашнямъ и проселкамъ и зашелъ ночевать на хуторъ, одиноко стоявшій въ полѣ. Постоянно жилъ на немъ только сторожъ, а хозяинъ, городской прасолъ, лишь порой, наѣздомъ. Хуторъ имѣлъ видъ пустынный: чистое, ровное поле, гумно отъ жилья далеко, а само жилье — всего на всего бревенчатый флигель да изба-сторожка, тоже на отлетѣ... и ни души на обширномъ дворѣ между ними, — даже не залаяла собака, когда я сталъ стучаться въ темное окошечко сторожки. Мужикъ, вышедшій на порогъ безъ шапки, но въ полушубкѣ, долго не понималъ спросонья, что мнѣ надо, потомъ повелъ меня во флигель. «Вотъ тутъ и ложитесь», — сказалъ онъ, вводя меня изъ маленькой прихожей въ просторную хозяйскую спальню, гдѣ были только голыя бревенчатыя стѣны да широкая деревянная кровать безъ матраца, съ одной большой подушкой. И вотъ, когда онъ вышелъ, легъ я на эту кровать, покурилъ, что-то подумалъ о чужой, совсѣмъ не извѣстной мнѣ жизни какого-то мѣщанина, подъ кровъ котораго привелъ меня случай, и сталъ забываться. Невысокій мѣсяцъ мирно свѣтилъ въ два большихъ окна напротивъ, озарялъ кровать теплымъ золотистымъ блескомъ, и все вокругъ было такъ просто и прекрасно, такъ безмолвно и спокойно... Могъ - ли я думать, засыпая, что такъ страшно будетъ мое пробужденье среди ночи? Я проснулся сразу, отъ какого-то стука. Кто-то громко стучалъ ко мнѣ снаружи, съ поля, въ верхнюю половину оконной рамы.

Стукъ этотъ почему - то показался мнѣ столь зловѣщимъ, что я виѣ себя вскочилъ на кровати. А вскочивъ, увидѣлъ, что за окномъ, все его затемняя, стоялъ кто-то громад- ный, черный, длинный и покатый, — лѣзь и стучалъ, ста- раясь пробить верхнiя стекла. Я схватилъ двухстволку, ди- ко крикнулъ: «Кто это? Стрѣлять буду!» Онъ, не отвѣчая, вытянулся еще выше, надвинулся на окно еще плотнѣе и застучалъ еще громче....

Это была старая, худая лошадь, безъ призору шатав- шаяся ночью по усадьбѣ. Она пришла къ дому и стала че- саться объ оконный наличникъ, вытянувъ шею и стуча го- ловой въ раму.

СТАРУХА

Старуха приѣхала въ Москву издалека. Свой сѣверный край называетъ Русью. Большая, бокастая, ходитъ въ валенкахъ, въ теплой стеганной безрукавкѣ. Лицо крупное, желтоглазое, въ космахъ толстыхъ сѣдыхъ волосъ, — лицо восемнадцатаго вѣка.

Спросилъ ее какъ-то:

— А сколько вамъ лѣтъ будетъ?

— Семьдесятъ семь, господинъ милый.

— А вы, дай Богъ не сглазить, еще совѣмъ хотъ куда.

— А что жъ мнѣ? Это года не велики. Нашъ родителъ до ста лѣтъ дожилъ.

Чаю она не пьетъ, сахару не ѣстъ. Пьетъ горячую воду съ чернымъ хлѣбомъ, съ селедкой или солеными огурцами.

— Вы никогда, небось, и не хворали?

— Нѣтъ, трясовица была на мнѣ, порча на мнѣ была. Мужа страшила: какъ онъ ко мнѣ съ любовнымъ чувствомъ, меня и начинало трясти, корежить. Сжечь бы ее, ту, что напустила на меня это!

Слово «сжечь» одно изъ ея любимыхъ. Про людей безбожныхъ говорить очень строго:

— Не смѣютъ они такъ говорить. Богъ нашъ, а не ихъ. Сжечь бы ихъ всѣхъ!

Ея рассказы о родинѣ величавы. Лѣса тамъ темны, дремучи. Снѣга иной разъ выше вѣковыхъ сосенъ. Бабы, мужики шибко ѣдутъ въ лубяныхъ санкахъ, на кубастыхъ лохматыхъ конькахъ, всѣ въ лазоревыхъ, крашенанаго холста тулупахъ со стоячими аршинными воротами изъ жест-

каго псинаго мѣху и въ такихъ же шапкахъ. Морозы грудь
насквозь прожигаютъ. Солнце на закатѣ играетъ, какъ въ
сказкѣ: то блещетъ лиловымъ, то кумачевымъ, а то все
кругомъ рядитъ въ золото или зелень. Звѣзды ночью — въ
лебяжье яйцо...

ПОЖАРЪ

Богатый мужицкій хуторъ.

Загорѣлось, когда кончали ужинать, темнымъ и сухимъ осеннимъ вечеромъ.

Зажгли съ гумна, и только оно и сгорѣло, — было очень тихо. Отстояли даже ригу.

Хозяинъ, огромный, толстый мужикъ, все время сидѣлъ на крыльцѣ старой избы, — сидѣлъ до полуночи, пока не прогорѣло и не потухло. На гумнѣ былъ адъ — такъ бѣшено орали и гасили огонь его сыновья и бабы. Онъ же не двигался, только глядѣлъ, какъ странно и свѣтло былъ озаренъ весь дворъ краснымъ полымемъ, какъ блисталъ алымъ зеркаломъ прудъ и розовыми трепетными клубами стояли надъ дворомъ въ высокомъ небѣ облака, освѣщаемыя исподу дрожащимъ заревомъ. Онъ все говорилъ, — очень спокойно:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ. Мнѣ все равно, мнѣ этого не надо, я этого не чую и не чувствую.

Когда же догорѣло, сталъ рыдать и рыдалъ не переставая двое сутокъ, лежа внизъ лицомъ въ ригѣ возлѣ воротъ, на старновкѣ. Въ темнотѣ, въ дыры воротъ, сверкали на ней алая пятна солнца и ходилъ, ковылялъ одинокій бѣлый голубокъ, опаленный на пожарѣ.

ЖУРАВЛИ

Ясный и холодный день поздней осени, ѣду ровной, спокойной рысцой по большой дорогѣ. Блескъ низкаго солнца и пустыхъ полей, безмолвное и недвижимое ожиданіе чего-то, мертвая, свѣтлая тишина земли и неба. Но вотъ, вдали, за мной, слышенъ трескъ колесъ. Прислушиваюсь — трескъ мелкій, быстрый, трескъ шибко бѣгущихъ дрожекъ. Оборачиваюсь — кто-то нагоняетъ. Этоъ кто-то все ближе и ближе — уже хорошо видна его во весь духъ летящая лошадь, затѣмъ онъ самъ, то и дѣло выглядывающій изъ-за нея и покрывающій ее то кнутомъ, то вожжами. Что такое, кто это? А онъ ужъ вотъ онъ, настагаетъ — сквозь трескъ слышно мощное лошадиное дыханье, слышенъ отчаянный крикъ: «Баринъ, сторонись!» Въ страхъ и недоумѣнны вилію съ дороги — и тотчасъ же мимо мелькаетъ сперва чудесная гнѣдая кобыла, ея глаза, ноздри, новыя вожжи сургучнаго цвѣта, новая блестящая сбруя, взмыленная подъ хвостомъ на ляжкахъ, потомъ самъ сѣдокъ — черный красавецъ мужикъ, совершенно шальной отъ скачки и какого-то безсмысленнаго, на все готоваго изступленья. Онъ бѣшено-быстро кидаетъ на меня, пролетая, свой черный, яростный взглядъ, поражаетъ свѣжей красной пастью и смолю красивой молодой бороды, новымъ картузомъ, желтой шелковой рубахой подъ распахнувшейся черной поддевкой — узнаю: богатый, хозяйственный мельникъ изъ-подъ Ливенъ — и какъ вѣтеръ летитъ дальше. А пролетѣвъ съ версту и уже совсѣмъ вдали уменьшившись, сразу соскакиваетъ съ дрожекъ. Тутъ ужъ я гоню къ нему и, приближаясь, вижу: лошадь сто-

ить на дорогѣ и тяжело носить боками, сургучныя вожжи висятъ по оглоблямъ, а самъ сѣдокъ лежитъ возлѣ, лицомъ книзу, раскинувъ полы поддевки.

— Баринъ! — дико кричитъ онъ въ землю. — Баринъ!

И, когда я равняюсь, вскакиваетъ и отчаянно взмахиваетъ руками:

— Ахъ, грустно-о! Ахъ, улетѣли журавли, баринъ!

И, мотая головой, захлебывается пьяными слезами.

СОКОЛЬ

Иванъ — охотникъ, лодырь. Живеть съ краю деревни, возлѣ погоста. Погостъ на косогорѣ, скучный: голые глинистые бугорки, взрытые свиньями, истоптанные овцами, которыя до земли выглодали сухую траву между ними; надъ одной могилой тощая лозинка, на лозинкѣ внизъ головой висить дохлая галка, насквозь источенная муравьями; въ одномъ голубцѣ, рядомъ съ фольговой иконкой, свила гнѣздо мухоловка... Къ погосту и прилегаетъ гумно Ивана, нищее, пустое: раскрытый хребетъ риги, старый телѣжный ящикъ, рогатая соломорѣзка — все заросло травой, бурьяномъ.

Когда мы шли къ его избѣ съ деревни, отъ насъ стремглавъ, припадая къ землѣ шеей, неслась его единственная насѣдка и съ отчаянно-восклицательнымъ крикомъ взвилась въ ея разбитое окошко. На разрушенномъ крыльцѣ, какъ-то по-вдови свернувшись, лежала чернобровая лягавая собака съ висячими ушами, грустно глядя на насъ вкось, исподлобья.

— Иванъ, спросили мы, — чѣмъ же ты ее кормишь?

Иванъ слегка удивился:

— Какъ чѣмъ? Да, ничѣмъ. Ёсть, что сама промыслить...

Передъ крыльцомъ, на двухъ лопнувшихъ колесахъ, разсыхалась на солнцѣ пустая водовозка и безцѣльно (видно, не зная, что дѣлать) сидѣлъ на ея обрѣзѣ сизый голубь. Иванъ посмотрѣлъ, усмѣхнулся:

— Ишь, въ какую визиточку нарядился!

А въ избѣ полъ былъ заваленъ чѣмъ попало, — вся-

кой добычей того памятнаго лѣта: корыта, кадушки, треногое ободранное кресло, прихотливо изогнутая рама из палисандра, гдѣ отъ зеркала осталась только косая половинка, полотнище пыльной гардины, цинковая дѣтская ванна съ продавленнымъ бокомъ, граммофонныя пластинки и граммофонный рупоръ, стѣнные часы съ одной гирей въ золѣ возлѣ печки, подъ котломъ для самогона.... Въ избѣ, и безъ того кривой, тѣсной, было негдѣ повернуться, было безобразно, точно послѣ пожара. И неподвижно сидѣла на лавкѣ баба, каменная, большая, съ страшными свѣтлыми глазами — жена Ивана. Сидѣла, молчала и смотрѣла.

— Это все она натащила, — сказалъ Иванъ самодовольно. — Она у меня соколъ!

ЛЮДОЪДКА

Нищая дѣвка, сирота, безобразно-миловидная, очень тихая, почти дурочка. Взяли на барскій дворъ, даютъ самую грязную и трудную работу — надрывается безпрекословно, молча, всячески стараясь угодить. Староста, то есть старшой на дворнѣ, отставной солдатъ-гренадеръ, быстро лишилъ ее невинности — покорилась послѣ отчаяннаго, но жалкаго, дѣтскаго сопротивленія. Черезъ мѣсяцъ забеременѣла, всѣ все узнали. Старостиха подняла адъ, барыня дѣвку поспѣшила уволить. Обливаясь слезами, дѣвка кое-какъ посовала свое добришко въ мѣшокъ, побѣжала со двора долой. Старостиха, стоя на порогѣ людской, дико ликовала: вихлялась, свистала, травила ее собаками, била костью въ мѣдный тазъ, кричала разными голосами:

— Сука! Побирושка! Межедворка! Людоѣдка! Волшебница!

ИЛЮШКА

Ѓдемъ съ Илюшкой въ городъ.

Жаркій вѣтеръ рабочей поры, бьющій сушью и зно-емъ въ лицо, узкій проселокъ въ зрѣющихъ хлѣбахъ — ничего вокругъ, кромѣ ихъ желтаго моря да томнаго, сѣро-синяго неба....

И все въ томномъ полуснѣ, въ дремотномъ волненьи, все мотается, клонится, бѣжить: и колеса бѣгутъ, и лошади бѣжить, и хлѣба вмѣстѣ съ цвѣтами льются, стелются... Одинъ кобчикъ повисъ въ воздухѣ, точно въ мертвую точку попалъ: зорко смотритъ внизъ и мелко-мелко, быстро-быстро дрожитъ на одномъ мѣстѣ острыми крылушками....

Ѓдемъ на бѣгункахъ. Я впереди, правлю, Илюшка сзади. Оба сидимъ верхомъ, только у меня ноги поставлены на переднюю ось, а у него откинута на заднюю. Онъ уперся руками въ сидѣнье и говоритъ и хохочетъ мнѣ прямо въ затылокъ.

Онъ, какъ всегда, въ отличномъ расположеніи духа. Съ утра до обѣдовъ былъ на косьбѣ, косилъ бодрѣй всѣхъ и ничуть не усталъ. «Вы думаете, я въ солдатахъ разучился — нѣтъ, еще ловчѣй сталъ!» Только косилъ безъ картуза, не обращая никакого вниманья на солнце, и потому, когда вернулись къ обѣдамъ въ усадьбу, у него пошла носомъ кровь, и онъ долго унималъ ее, умываясь возлѣ водовозки. Рядомъ съ нимъ стоялъ Мотыка, малый глупый, простодушный. Мотыка поливалъ ему изъ корца, потомъ сказалъ:

— Ну, теперь полей мнѣ, я тоже маленько умоюсь.
Илюшка весело выпучилъ на него мокрые глаза, захоталъ и отвѣтилъ:

— Дуракъ, ай я тебѣ прачка?

Теперь онъ опять то и дѣло смѣется, отъ нечего дѣлать болтая, наслаждаясь ѣздой, полемъ, бѣгущимъ волнениемъ хлѣбовъ, жаркимъ вѣтромъ, мягко бьющимъ въ лицо и порой овѣвающимъ такъ знойно, точно гдѣ-то пылаетъ безмѣрный костеръ. Онъ съ восхищеніемъ рассказываетъ, какъ онъ въ Кіевѣ, гдѣ отбывалъ воинскую повинность, ходилъ въ публичный домъ:

— Вотъ тамъ дѣвки! — говоритъ онъ. — Это не нашимъ чета! Развѣ наша умѣетъ такъ-то обойтись! А хозяйка толстая, съ усами... И всю ночь плясъ, танцы, пиво...

Потомъ — и все съ той же легкостью — рассказываетъ то, что я уже знаю: какъ онъ застрѣлилъ одного изъ арестантовъ, которыхъ имъ, солдатамъ, пришлось однажды вести съ вокзала въ пересыльную тюрьму: арестантъ этотъ хотѣлъ убѣжать.

— И тебѣ не грѣхъ? — спрашиваю я.

— Какой же мнѣ грѣхъ? Если бы онъ убѣжалъ, мнѣ за него пришлось бы цѣлый годъ просидѣть.

— Да лучше ужъ годъ просидѣть.

— Ну, нѣтъ, я ихъ лучше двадцать положу!

— А какъ же въ заповѣдяхъ сказано, что нельзя убивать?

— А какъ же въ присягѣ читаютъ, что обязательно надо?

Потомъ онъ меня спрашиваетъ, за что вѣшаютъ «политиковъ» и сколько получаетъ «съ головы» палачъ.

— Правда, что этому палачу сто цѣлковыхъ съ головы даютъ?

И безъ малѣйшаго хвастовства, совершенно просто-сердечно сознается, что за сто цѣлковыхъ могъ бы и самого угодно удавить:

— Да чего жъ? Ну, другіе тамъ покойниковъ боятся, а я этого никогда не зналъ: какъ это онъ можетъ съ того свѣта придти? Я только со своей деревни не сталъ бы давить. Своего, понятно, жалко....

Бѣжитъ, волнуется горячій воздухъ, бѣгутъ колеса, лошадь, льются желтыми волнами овсы и ржи, дрожить въ небѣ кобчикъ...

ПОЛДЕНЬ

Полдневный жаръ, ослѣпительный блескъ неподвижнаго желтаго пруда и его желтыхъ глинистыхъ береговъ. Пригнали стадо на обѣденный отдыхъ — коровы залѣзли въ охвостье пруда, стоятъ въ водѣ по брюхо. Рядомъ радостный визгъ, крикъ, хохотъ — раздѣваются и бросаются въ воду дѣвки. Одна черезъ голову сорвала съ себя сѣрую замашную рубаху и кинулась такъ дико, что я тотчасъ вспомнилъ Ниль, Нубію. Черноволоса и очень смугла тѣломъ. Груды — какъ двѣ темныхъ тугихъ груши.

БРОДЯГА

Поле и лѣтнее утро, дружно несетъ тройка. А вдоль шоссе, навстрѣчу, — странникъ: безъ шапки, босой и такой легконогій, какъ будто на крыльяхъ. Поровнялся, мелькнулъ и пропалъ. Худъ и старчески сухъ, вѣтъ длинными выгорѣвшими на солнцѣ волосами. Но какъ легкокъ, какъ молодъ! Какой живой, быстрый взглядъ! И сколько у него впереди этихъ бѣлыхъ шоссеиныхъ дорогъ!

«Богъ бродягу не старить».

СЛЕЗЫ

Подошла къ воротамъ усадьбы старуха побирушка. Старушечьи лохмотья, старушечьи прямые чулки на сухихъ ногахъ, замученные глаза....

Даль ей полтинникъ, попробовалъ разговориться:

— Ну вотъ ты, бабушка, вездѣ ходишь, вездѣ бываешь, — небось, много интереснаго видишь?

Горько заплакала:

— Да что жъ подѣлаешь, батюшка, конечно, видишь! Ковылялъ по выгону дурачокъ Ваня, сѣдой, стриженный клоками, въ одной бабьей рубахѣ, съ сумой черезъ плечо:

— Ваня, здорово! Какъ поживаешь?

Косноязычно и слюняво, поспѣшно и радостно:

— Съ большими слезами, папаша! Съ большими слезами!

КАПИТАЛЬ

Квасникъ, лысый, красный, тугопузый, лихо кричитъ теноромъ на всю ярмарку:

— Вотъ квасокъ, попыриваетъ въ носокъ! Вотъ кипить, да некому пить!

Высокій русый мужикъ въ теплой шапкѣ на затылокъ идетъ въ толпѣ съ огромнымъ бѣлымъ хлѣбомъ подмышкой и на ходу набиваетъ имъ ротъ, жуетъ, откидывая голову назадъ, раздувая ноздри:

— А почему этотъ квасокъ?

— Орель вся бутылка, семитка стаканъ!

— А на грошъ не отольешь?

— На грошъ, милый, и воробей не мочится!

Мужикъ жуетъ, думаетъ. Потомъ со вздохомъ, но твердо:

— Нѣтъ, на семитку не взойду. Капиталь не дозволяетъ!

БЛАЖЕННЫЕ

Блаженный Антонушка воронежскій жилъ сто двадцать лѣтъ. Сказалъ однажды одному купцу:

— Въ сѣнцахъ у тебя, кормилецъ, большой пестрый гробъ стоитъ.

И купецъ въ тотъ же день и кончился.

Блаженный Данилушка тульскій въ городѣ на крышахъ сиживалъ. Завѣщалъ хоронить себя въ желтомъ шелковомъ саванѣ — какъ хоронили юродивыхъ въ древности — и въ гробу не простомъ, а долбленомъ, въ колодѣ.

Діомидъ орловскій восемьдесятъ лѣтъ скитался по Брянскимъ лѣсамъ, ночевалъ на деревьяхъ, былъ нагъ и покрытъ густымъ волосомъ.

Феня елецкая, когда я однажды сказалъ при ней: московскій Царь-Колоколъ, замахнулась на меня палкою и крикнула:

— Дуракъ, кто жъ такъ-то говоритъ? Это называется Ревунъ, его всѣ святыя такъ-то называли, его, батюшку, бояться надо!

КОРЕННОЙ

Вечеръ на постояломъ дворѣ, страшные рассказы на нарахъ:

— Въѣхали они въ этотъ лѣсъ, ночь ихъ обуяла темная, лѣсъ черный... Доѣзжаютъ до дуба косматаго, а подъ нимъ жарь-птичье перо лежитъ, огнемъ переливается....

— Нѣтъ, это что — перо! — говоритъ другой. — А вотъ жилъ такъ-то кузнецъ на глухомъ столбовомъ пути и принесись къ нему разъ ночью тройка ямская.... Лошади всѣ въ мылѣ, храпятъ, какъ львы, глаза ярые, ноздри раскалились, насквозь свѣтятся.... Соскочилъ молодецъ ямщикъ — «куй коренного скорѣй, заднія подковы сшибь!» Раздулъ кузнецъ мѣхъ, разжегъ струментъ, хватъ этого коренного за ногу, а нога-то человѣчья, голая, бѣлая....

КОМЕТА

На дворѣ и на деревнѣ долго не вѣрили, будто идетъ какая-то комета: «Это только въ старину онѣ бывали!» Наконецъ, однажды ночью уже довольно ярко засеребрился ея прозрачный хвостъ, косо вскинутый въ сѣверный небосклонъ, за каретнымъ сараемъ. Господа стояли на крыльцѣ и смотрѣли. Смотрѣли и съ порога людской, даже крестились. А на утро староста залѣзъ на крышу господскаго дома и сталъ забивать доской слуховое окно. Услыхавъ стукъ, вышли изъ дому:

- Староста! Что это ты дѣлаешь?
- Окно слуховое забиваю.
- Зачѣмъ?
- Отъ кометы.

МАМАША

— Здравствуйте, баринъ, мое почтенье. Какъ поживаю-то? Да не Богъ вѣсть какъ. Все мотаюсь, мѣщанствую. Съ ярманки на ярманку, съ базара на базарь... А вѣдь уже подь сорокъ, — вы не глядите, что я такой борзой, на ногу легкій. Одно спасенье, что своя хибарка есть, — случается, и совѣмъ голодный придешь, ну, а все-таки домой.... хотя, по совѣсти сказать, скука мнѣ дома теперь, не приведи Богъ. Сами знаете наше слободское житье: сушь, жара, дни долгіе... А домъ пустой: жену схоронилъ, дѣтей схоронилъ, одна мамаша покамѣсть жива. Но только и мамаша послѣднее время не больно радуется: едва ноги таскаетъ по горницѣ, слаба стала до крайности, слухомъ и зрѣніемъ и того слабѣй, интереса ко мнѣ или соображенія — ни малѣйшаго, худа, хоть въ гробъ клади. Вѣдь какая была женщина! По дородству, по статности прямо игуменьей быть. А теперь — никуда: одни стропила остались.

ЛѢТНИЙ ДЕНЬ

Слобода, безконечный лѣтній день.

И весь день сидить босой, распоясанный сапожникъ возлѣ своей ветхой мазанки, на гнилой лавочкѣ, подставивъ подъ солнце свою раскрытую лохматую голову. Сидитъ и занимается съ рыжимъ кобелькомъ:

— Дай лапку!

Кобелекъ не понимаетъ, не даетъ.

— Говорятъ тебѣ, дай лапку! Ну?

Кобелекъ не даетъ. И онъ бьетъ его по мордѣ. Кобелекъ съ отвращеніемъ моргаетъ, отворачивается, какъ-то кисло-сладко оскалывается, слабо, неуверенно поднимаетъ лапу, но тотчасъ опять опускаетъ ее. И опять пощечина, и опять:

— Дай, сукинъ сынъ, лапку!

ДѢДУШКА

Сѣдъ, густоволосъ, лохмать, весь день курить.

Встаетъ ни свѣтъ, ни заря и пока не закуритъ, не зятянется — совершенно шальной, ничего не понимаетъ.

И необыкновенно ненуженъ, чуждъ всему міру, всѣмъ чадамъ и домочадцамъ (хотя и зовутъ его папашей, дѣдушкой) и вотъ-вотъ скоропостижно помретъ, на вѣки исчезнетъ изъ этого мѣщанскаго гнѣзда, изъ этого уѣзднаго захолустья — и поди-ка узнай тогда, Расскажи, чѣмъ и для чего жилъ онъ въ своемъ вѣчномъ табачномъ дурманѣ.

И все-то онъ играетъ какую-то роль:

— Дѣдушка, обѣдать! Лапша простынетъ!

— Да обѣдайте, обѣдайте безъ меня... Я потомъ... что останется...

А самъ ждетъ не дождется обѣда — съ ранняго утра.

— Папаша, вы хоть бы кальсоны перемѣнили, вѣдь у васъ цѣлая укладка бѣлья!

— Вотъ это спасибо! Цѣлая укладка! Да у меня клока цѣльнаго давно не осталось! Небось, кабы было, не сталъ бы беречь! Мнѣ теперь, милая невѣстушка, ничего не надо. Пожилъ, слава Богу, пора и честь знать, объ одномъ молю Бога — околѣть поскорѣй...

А самъ жаденъ невѣроятно, надъ укладкой своей дрожить и жить хочетъ ужасно и твердо надѣется прожить никакъ не менѣе вѣка.

Зачѣмъ?

Но онъ и самъ не знаетъ, зачѣмъ.

«Чужая душа потемки». — Нѣтъ, своя собственная гораздо темнѣй.

ПОСТОЯЛЕЦЪ

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, теперь не сдастся. Извозчикъ сказалъ вамъ правду, у насъ жили. Мы, дѣйствительно, прежде иногда сдавали, ну, а теперь рѣшили совсѣмъ не сдавать, — ни за какую цѣну. И не просите — никакъ не можемъ. Вы меня, пожалуйста, извините, вы, я вижу, господинъ пріятный и приличный, но что-же дѣлать? Я васъ понимаю, — городокъ нашъ дикій, найти у насъ помѣщеніе трудно. Опять же человѣкъ вы пріѣзжій, никому не извѣстный — всякій будетъ стѣсняться: молъ, будутъ ли платить аккуратно, да не дерзкаго ли поведенья... вѣдь бываетъ — придетъ постоялецъ ночью отъ друга, ляжетъ спать хмельной, съ папироской, заснетъ и надѣлаетъ пожару... Знаю и то, что не всякое семейство будетъ и вамъ самому по вкусу, а у насъ, конечно, чисто, тихо, старушки мы съ сестрицей одинокія, не нахальныя, домикъ имѣемъ хоть и скудный, а все таки есть и садикъ, и коровка... Мнѣ васъ, батюшка, сердечно жалко, но только мы ужъ твердо теперь согласились: больше этимъ дѣломъ никогда не заниматься — Богъ съ нимъ совсѣмъ, пускай комната стоять пустая. Вы вотъ усмѣхаетесь, а, простите, сами не знаете, чему. Отчего именно мы такъ рѣшили? А не все ли вамъ равно? Если же хотите знать серьезно, то извольте, объясню: оттого, что съ послѣднимъ постояльцемъ мы имѣли такую непріятность, которой и подобія не сыщешь. Мы, батюшка, такъ съ нимъ натерпѣлись, что и теперь страшно вспомнить. Онъ, этотъ постоялецъ, сначала просто плѣнилъ насъ: видимъ однажды утромъ, подѣзжаетъ къ воротамъ извозчикъ съ вокзала, съ утренняго поѣзда

изъ Тулы, сидить въ пролеткѣ молодой человѣкъ съ дорожной корзинкой, не спѣша слѣзаетъ и направляется къ калиткѣ. Очень хромаетъ, — лѣвый костреть такъ и ходить то кверху, то книзу, подошва на лѣвомъ ботинкѣ пальца въ три толщиной, — но до того скромнень, милонидень, такое новенькое пальтецо, такой хорошенькій костыликъ, что мы просто залюбовались. Форменная фуражка тоже только что изъ магазина — оказывается, чиновникъ, недавно поступилъ на службу и вотъ, значить, командированъ изъ Тулы находится въ нашемъ уѣздѣ. Застѣнчивъ на рѣдкость, спрашиваетъ объ условіяхъ даже подобострастно, глазъ не поднимаетъ — стоитъ въ прихожей, снявъ фуражку, уперся въ этотъ костыль, поднявъ костреть сколько можно, едва носкомъ пола касается, смотритъ куда-то вбокъ, въ землю, весь румянцемъ залился и спрашиваетъ... Голосъ искательный, тихій, заикается немного... Не понравилось мнѣ, правда, тогда-же, что онъ избѣгаетъ, не можетъ, видно, глядѣть человѣку въ глаза прямо, ну, да что-жъ, думаю себѣ, они, эти хромые и зайки, всегда такіе обидчивые, самолюбивые... Короче сказать вамъ, въ тотъ же день онъ у насъ и поселился и съ мѣсяцъ жилъ до того безупречно, что хоть бы епархіалкѣ впору. Напьетъ чаю, уйдетъ до обѣда на службу, послѣ обѣда засядетъ за какую-нибудь вѣдомость, отчетность, что принесетъ съ собой на домъ, для вечерней работы, — и сидитъ, какъ мышь, даже дыханья не слышно... Только ужъ очень былъ не словоохотливъ, да спать ложился даже какъ-то не хорошо рано: мы и то куда поздне — въ свои козыри для развлеченья поиграемъ, поговоримъ о чемъ-нибудь, пошутимъ, а онъ, какъ поужиналъ, какъ только, значить, восемь часовъ било, сейчасъ въ постель и ужъ лампу тушитъ. А вѣдь знаете — человѣкъ молодой: ну, хоть бы какое знакомство завелъ, хоть бы почиталъ что, гитару купилъ бы себѣ или цитру! Все это меня тоже куда какъ къ нему не располагало, ну, а сестрица

и слышать ничего не хочет — души въ немъ не чаеть: моль, и трудолюбивъ, и вѣжливъ, и все такое... Только можете себѣ представить, что же вдругъ выходитъ? Чувствуемъ разъ ночью — что-то нась сквозь сонъ беспокоить. Открываемъ глаза, а у него свѣтъ подь дверью. Что за притча? Что, моль, такое, ужъ не захворалъ ли? Чась уже поздній — по мѣсяцу въ окно видно, снѣгъ на крышахъ, хоть и блеститъ еще, а ужъ мертвѣеть, да и такъ вездѣ тихо, жутко, какъ, знаете, только часамъ къ тремъ, къ четыремъ бываетъ, а у него вдругъ огонь горитъ! Встали мы одна за другой чуть слышно, подкрались къ его двери, я глянула въ щелку — и, вѣрите-ли, истинно обомлѣла: полыхаетъ у него лампа — во весь фитиль пущена — а самъ онъ сидитъ въ одномъ бѣльѣ на кровати, поджалъ подь себя хромую ногу и этакъ гордо, дерзко глядитъ противъ себя въ стѣну: уперся въ нее глазами, будто что на ней видитъ, потомъ какъ привскочить! Я вся трясусь, шепчу: «Сестрица, глянтѣ, глянтѣ!» А онъ какъ взывается, да какъ вскинетъ кренделями руки... Затрясъ ими да какъ хлопнетъ по ляжкамъ вродѣ крыльевъ, да какъ хватить на весь домъ, во весь пѣтушиный голосъ: «Кукареку! Кукареку!» — Словомъ, не буду васъ беспокоить долгимъ рассказомъ. Одно скажу: мы такой страсти за весь вѣкъ не испытали, какъ за эту зиму! Вѣдь всю зиму кричалъ! Какъ ночь — пошла потѣха! Мы, конечно, послѣ перваго же раза обратились къ нему вполне откровенно: моль, извините, что-же это такое, вы, оказывается, по ночамъ пѣтухомъ кричите, это намъ слишкомъ странно и неудобно, мы васъ покорнѣйше просимъ оставить квартиру. И, представьте, что-жъ онъ намъ отвѣчаетъ? «Нѣтъ, говоритъ, простите, съ квартиры я не съѣду». Этакъ тихо, ровно, глазъ не поднимая, но такъ твердо, какъ мы даже и въ мысляхъ не держали слышать отъ такого вѣжливаго человѣка. Мы сперва просто ушамъ не могли повѣрить: позвольте, какъ же это такъ вы не съѣдете съ квартиры?

Домъ-то все-таки нашъ собственный, мы вѣдь можемъ и къ вашему начальству обратиться! А онъ помолчалъ, помолчалъ, да еще тише и тверже: «Пожалуйста. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Васъ сочтутъ за сумасшедшихъ, вашимъ сказкамъ никто не повѣритъ». — «Да помиуйте, какія-же сказки? Значитъ, вы хотите сказать, что вы не кричите?» — «Да-съ, не кричу. Кромѣ васъ, вѣдь никто не слышалъ?» И, какъ, знаете, поднимется со стула во весь ростъ, какъ сверкнетъ глазами! Прежде все только припадалъ, да кострець отклячивалъ, а тутъ какъ вытянется до потолка такимъ командиромъ, какъ стукнетъ костылемъ! «Да-съ, не кричу! Попробуйте, докажите! Зовите понятыхъ сидѣть у васъ всю ночь, ждать этого крику!» А мы со страху такъ и поползли отъ него въ разныя стороны. Перестали послѣ того и въ столовую выходить, и чай пьемъ, и обѣдаемъ, и ужинаемъ у себя въ спальнѣ, велѣли кухаркѣ ему одному подавать, онъ-же и на это никакого вниманія: поѣсть, попить и закостыляетъ въ свою комнату, ровно ни въ чемъ не бывало. А какъ ночь... Батюшка, онъ насъ прямо съ ума свелъ! Съ вечера ни живы, ни мертвы, — сидимъ, ждемъ этого страшнаго часа, когда онъ, значить, проснется и загорланитъ со всякими пѣтушиными переливами. Кухарка тоже не спитъ, ждетъ, трясется вся: «Господи, сохрани, Господи, помоги! Живыи въ помощи Вышняго!» И куда только мы ни бѣгали, съ кѣмъ только ни совѣтовались: какъ быть, какъ намъ отъ этой муки и страсти избавиться! А добились только того, что всему городу посмѣшищемъ стали, а приставъ, у котораго мы чуть не въ ногахъ валялись, такъ нами подъ конецъ раздражился, что какъ орелъ сталъ вскакивать съ кресла, завидя насъ: — «Вонъ съ глазъ моихъ долой, вѣдьмы, въ кандалы велю заковать, по этапу въ Тулу въ желтый домъ отправлю!» И что бы это было, что бы это, Царь Небесный, было, если бы этого постояльца не перевели на службу въ Богородицкъ!

ПОДСНѢЖНИКЪ

Была когда-то Россія, былъ снѣжный уѣздный городишко, была масляница — и былъ гимназистикъ Саша, котораго милая, чувствительная тетя Варя, замѣнившая ему родную мать, называла подснѣжникомъ.

Была оттепель, стояли теплые и сырые дни, русскіе, уѣздные, какихъ было уже много, много въ этомъ старомъ степномъ городишкѣ, и пріѣхалъ къ Сашѣ отецъ изъ деревни.

Отецъ пріѣхалъ изъ глухой, занесенной сугробами усадьбы и, какъ всегда, остановился на Елецкомъ подворьи, въ грязныхъ и угарныхъ номерахъ. Отецъ человѣкъ большой и краснолицый, курчавый и сѣдѣющій, сильный и моложавый. Онъ ходитъ въ длинныхъ сапогахъ и въ романовскомъ полушубкѣ, очень тепломъ и очень вонючемъ, густо пахнущемъ овчиной и мятой. Онъ все время возбужденъ городомъ и праздникомъ, всегда съ блестящими отъ хмеля глазами.

А Сашѣ всего десять лѣтъ, и поистинѣ подобенъ онъ подснѣжнику не только въ этихъ мерзкихъ номерахъ Елецкаго подворья, но и во всемъ уѣздномъ мірѣ. Онъ такой необыкновенный, особенный? Нѣтъ, ничуть не особенный: развѣ не каждому даетъ Богъ то дивное, райское, что есть младенчество, дѣтство, отрочество?

На немъ новая длинная шинель, свѣтло-сѣрая, съ бѣлыми серебряными пуговицами, новый синій картузъ съ серебряными пальмовыми вѣточками надъ козырькомъ: онъ еще во всемъ, во всемъ новичекъ!. И до чего эта ши-

нель, этотъ картузъ, эти вѣточки идутъ къ нему, — къ его небесно-голубымъ, яснымъ глазкамъ, къ его чистому, нѣжному личику, къ новизнѣ и свѣжести всего его существа, его младенчески-простодушнаго дыханія, его довѣрчиваго, внимательнаго взгляда, еще такъ недавно раскрывшагося на мѣръ Божій, и непорочнаго звука голоса, почти всегда вопросительнаго!

Живетъ Саша «на хлѣбахъ», въ мѣщанскомъ домишкѣ. Грусть, одиночество, скучные, одинаковые дни въ чужой семьѣ. Какое-же счастье, какой праздникъ, когда вдругъ у воротъ этого домишки останавливаются деревенскія, набитыя соломой сани, пара запряженныхъ впротяжку лохматыхъ деревенскихъ лошадей! Съ этого дня Саша переселяется на Елецкое подворье.

Отецъ просыпается рано, наполняетъ весь номеръ, и безъ того душный, ѣдимъ табачнымъ дымомъ, затѣмъ кричитъ въ коридоръ, требуя самоваръ, пьетъ чай и опять курить, а Саша все спитъ и спитъ на диванѣ, чувствуя, что можно спать сколько угодно, что въ гимназію идти не надо. Наконецъ, отецъ ласково будитъ его, шутя стаскиваетъ съ него одѣяло. Саша молить дать поспать ему хоть одну минуточку, а потомъ сразу приходитъ въ себя, садится на диванѣ и, радостно оглядываясь, рассказываетъ, что снилось ему, будто у него передержка по латыни, но только не въ гимназіи, а гдѣ-то на голубятнѣ.

Умывшись, онъ становится во фронтъ и учтиво, но разсѣяннo крестится и кланяется въ уголь, потомъ шаркаетъ отцу ножкой и цѣлуетъ его большую руку. Онъ счастливъ, онъ свѣжъ и чистъ, какъ ангелъ. Онъ кладетъ въ стаканъ цѣлыхъ пять кусочковъ сахару, съѣдаетъ цѣлый калачъ и опять шаркаетъ ножкой:

— Мерси, папочка!

Онъ совершенно сытъ, но отецъ уже надѣваетъ полушубокъ: пора итти на базаръ, въ трактиръ, — завтракать. И, одѣвшись, они выходятъ, бросивъ теплый, полный ды-

му номеръ раскрытымъ настезь. Ахъ, какъ хорошъ послѣ комнаты зимній сырой воздухъ, пахнущій праздничнымъ чадомъ изъ трубъ! И какой долгій прекрасный день впереди!

Въ трактирѣ «чистая» половина во второмъ этажѣ. И уже на лѣстницѣ, необыкновенно крутой и до-нельзя затоптанной, слышно, какъ много въ ней народу, какъ буйно носятся половые и какой густой, горячій угаръ стоять повсюду. И вотъ, отецъ садится, снявъ шапку, распахнувъ полушубокъ, и сразу заказываетъ нѣсколько порцій, — селянку на сковородкѣ, леща въ сметанѣ, жареной наваги, — требуетъ графинъ водки, полдюжины пива и приглашаетъ за столъ къ себѣ знакомыхъ: какихъ-то рыжихъ мужиковъ въ тулупахъ, какихъ-то чернявыхъ мѣщанъ въ чуйкахъ...

Казалось бы, какое мученіе сидѣть въ этомъ чаду, въ этой тѣсотѣ, среди безконечныхъ и непонятныхъ разговоровъ и споровъ безъ всякой мѣры пьющихъ, закусывающихъ и пьянѣющихъ людей! Сколько ихъ кругомъ, этихъ мужиковъ, извозчиковъ, толстыхъ купцовъ, худыхъ барышниковъ! Сколько красныхъ, распаренныхъ ѣдой, водкой и духотой лицъ, потныхъ лбовъ, лохматыхъ головъ, густыхъ бородъ, чуекъ, армяковъ, полушубковъ, тулуповъ, громадныхъ сапогъ и тающихъ валенокъ, разводящихъ подъ табуретами цѣлыя лужи! Какъ вездѣ натоптано, наплевано, какъ дико и нелѣпо орутъ за нѣкоторыми столиками и какъ ошалѣли половые въ бѣлыхъ штанахъ и рубахахъ, носясь туда и сюда со сковородками и блюдами въ рукахъ, съ задранными головами, межъ тѣмъ, какъ спокоенъ только одинъ высокій и худой старикъ, строгимъ и зоркимъ командиромъ стоящій за стойкой! И, однако, какъ незамѣтно летитъ этотъ счастливый день, какъ блаженно и широко раскрыты лазурные дѣтскіе глаза!

А въ понедѣльникъ все это сразу кончается. Городъ принимаетъ смиренный и будничный видъ, пустѣетъ даже

базарная площадь — и великое горе надвигается на Сашу: отецъ уѣзжаетъ.

Да, даже проснулся отецъ нынче уже совсѣмъ не такимъ, какъ просыпался всѣ эти масляничные дни. Онъ простъ, тихъ, чѣмъ-то озабоченъ. Онъ собирается, расплавляется. А тамъ, во дворѣ, уже запрягаютъ лошадей... Послѣдній самый горькій часъ! Вотъ сію минуту вдругъ войдетъ коридорный:

— Подано, Николай Николаичъ!

И отецъ, огромный, толстый отъ медвѣжьей шубы, надѣтой поверхъ полушубка, въ черныхъ, выше колѣнъ, валенкахъ и въ большой боярской шапкѣ, сядетъ на диванъ и скажетъ:

— Ну, присядемъ, Сашенька, и Христось съ тобой!

И тотчасъ-же опять встанетъ и начнетъ торопливо крестить, цѣловать его, совать руку къ его губамъ...

А лошади уже стоятъ у крыльца. Онѣ косматы, рѣсницы у нихъ большія, на усахъ засохшее тѣсто — Боже, какой родной, не городской, а деревенскій, зимній, безконечно милый видъ у нихъ! Милыя, деревенскія и эти сани, опять набитыя соломой. И работникъ уже стоитъ въ ихъ козлахъ, въ буромъ и грубомъ армякѣ, надѣтомъ на полушубокъ, съ возжами и длиннымъ кнутомъ въ рукахъ... Еще минута — и побѣгутъ, побѣгутъ эти лошади, эти сани по Успенской улицѣ вонъ изъ города, въ сѣрыя снѣжныя поля — и прости, прощай, счастливейшая въ жизни недѣля!

— До свиданья, Сашенька, Христось съ тобой!

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ

Подмосковный дачный поѣздъ, весь изъ вагоновъ только перваго и втораго класса. Идетъ шибко, ровно, но вдругъ замедляетъ ходъ — и въ одномъ первоклассномъ вагонѣ происходитъ нѣчто небывалое: кондукторъ вталкивается въ него какого-то рванаго, измазаннаго глиной мужичишку:

— Ради Бога, простите, господа, — рабочій съ пути, посылается съ срочнымъ порученіемъ въ Быково, не успѣлъ, дуракъ, на паровозъ вскочить... Только до Быкова...

Всѣ на мгновеніе даже теряются отъ такой нелѣпости, но быстро овладѣваютъ собой, сдерживаются. Поѣздъ опять идетъ полнымъ ходомъ и въ вагонѣ опять все какъ будто по прежнему: курятъ, бесѣдуютъ, смотрятъ въ окна... Однако, всѣмъ неловко, всѣмъ не по себѣ — бесѣдуютъ уже притворно, курятъ съ преувеличенной беззаботностью... А про него и говорить нечего: онъ стоитъ возлѣ двери, готовый провалиться сквозь землю отъ всѣхъ этихъ панамъ, чесучевыхъ костюмовъ, большихъ, полныхъ тѣлъ, сытыхъ лицъ. Онъ не знаетъ, куда глаза дѣвать, рукавомъ вытираетъ потный лобъ, держа въ лѣвой рукѣ тяжело висющую до пола сумку съ какими-то чугунными брусками, гайками, клещами...

И длится эта чепуха, эта мука цѣлыхъ тридцать пять минутъ.

КАНУНЪ

Въ городѣ, по пути на вокзалъ. Извозчикъ мчитъ во весь духъ, съ горы и на мостъ, черезъ рѣчку. Подъ мостомъ на береговой отмели, отвернувшись отъ проѣзжихъ подъ навѣсъ моста и какъ-бы для защиты поднявъ плечи, стоитъ босякъ, спѣшно, какъ собака, пожираетъ изъ грязной тряпки что-то вродѣ начинки. А позади грохочутъ, летятъ, точно нагоняютъ, ломовыя телѣги, трясутся, вися съ грядокъ, страшные сапоги мужиковъ. Всѣ въ мукѣ, — мукомолы, — всѣ великаны и всѣ рыжіе, безъ шапокъ, въ красныхъ рубахахъ распояской...

А потомъ вагонъ, второй классъ. И какой-то сидящій противъ меня господинъ лѣтъ за сорокъ, широкій и стриженный бобрикомъ, въ золотыхъ очкахъ на плоскомъ носу съ наглыми ноздрями, все встаетъ и, не глядя на меня, отъ пренебреженія ко мнѣ, все поправляетъ на сѣткѣ свои хорошіе, въ крѣпкихъ чехлахъ чемоданы и чемоданчики. Аккуратный и увѣренный въ себѣ господинъ, спокойный за свое благополучіе и строгое достоинство...

Шла, однако, уже осень шестнадцатаго года.

СЕСТРИЦА

По Смоленской дорогѣ. Длинный корридоръ и раскрытыя отдѣленія первокласснаго вагона. Блескъ орѣховаго дерева и краснаго бархата въ полномъ несоотвѣтствіи съ больнично-солдатскимъ людомъ, наполняющимъ вагонъ: рогульки костылей подъ торчащими плечами, сѣрые халаты, забинтованныя головы, толстыя бѣлыя култышки закутанныхъ ступней, выставленныхъ впередъ... Курятъ турецкій табакъ, ѣдятъ конфеты, прилично бесѣдуютъ, наслаждаясь своимъ необычнымъ положеніемъ...

Она, съ улыбкой:

— Ну, какъ, Меркуловъ?

Солдатъ, вѣжливо приподнимаясь на костыляхъ, на вѣсу держа впередъ култышку:

— Да что-жь, сестрица, терпѣть надо... Всякій должонъ свою жертву принести... Благодаримъ васъ...

Она заговариваетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, потомъ стоитъ у окна въ корридорѣ. Вагонъ мягко пружинить, летитъ. Она смотритъ на мелькающіе за окномъ темные рукава елей, на стволы, идущіе кругами въ глубинѣ лѣса, что-то чуть-чуть напѣваетъ. Бѣлая косыночка, мягкая кожаная куртка, легкая юбка изъ сѣраго тика, особенно дающая чувствовать тяжесть зада... Тихо и грѣховно сіяютъ иконописные черные глаза...

МАСКА

Зимнимъ вечеромъ на Николаевскомъ вокзалѣ въ Петербургѣ. Отходятъ поѣзда въ Москву. Въ буфетной залѣ шумно, тѣсно, всѣ не въ мѣру торопятся ѣсть, пить, всѣ одѣты тяжело, жарко, по дорожному. Круглоголовые татары лакеи носятся съ блюдами, какъ угорѣлые, воздухъ густой, пахучій, горячій...

Она сидитъ за сосѣднимъ столикомъ и дѣлаетъ видъ полнаго спокойствія. Я обѣдаю и порой поглядываю на нее. Она же притворяется, что внимательно читаетъ газету: заказала отбивную котлету съ гарниромъ, а пока что купила «Новое Время» и, поднявъ брови, читаетъ, хотя прекрасно видно, что она не понимаетъ ни единого слова — такъ не идетъ къ ней газета, такъ непривычна и ненужна она ей. Она думаетъ совсѣмъ о другомъ, остро чувствуетъ мое сосѣдство и тайное любопытство, по своему толкуя его, ждетъ, что вотъ-вотъ я обращусь къ ней примѣрно такъ:

— Виновать, а вы тоже изволите ѣхать въ Москву или ждете вологодскаго поѣзда?

Но я молчу, поглядываю и ѣмъ. И она уже волнуется, все выше поднимаетъ брови и все озабоченнѣе перевертываетъ газетные листы, будто ищетъ въ нихъ что-то самое важное, и, наконецъ, не выдерживаетъ:

— Простите, — говорить она сухо и грустно, — вы не знаете, были сегодня въ вечернихъ газетахъ новыя вѣсти съ фронта? Я ужасно беспокоюсь за мужа, третій мѣ-

сяць не получаю писемъ... Онъ летчикъ и безумно храбрый...

— Не видалъ вечернихъ газетъ, не могу вамъ сказать.

— Жаль, — говоритъ она еще суше и, сдвинувъ брови, опять погружается въ газету. На ней синяя поддевка на бѣломъ барашкѣ, бѣлая папаха, далеко немолодые глаза ея густо подведены темной синью, широкоскулое лицо густо напудрено точно известью, пальцы крупны и крѣпки, хотя миндально сіяютъ выпуклыми острыми ногтями, духи пахнутъ тяжело, собакой...

Но вотъ, безнадежно поискавъ взглядомъ свободнаго мѣста, подошелъ къ столику молоденькій рыжеусый офицеръ въ новенькой шинели изъ солдатскаго сукна, съ блестящими погонями, покраснѣлъ, кинулъ руку къ козырьку и, щелкнувъ каблуками, несмѣло взялся за стулъ противъ нея:

— Вы позволите?

Черезъ пять минутъ онъ уже угощаетъ ее сотерномъ. Вниманіе ея весьма устремлено на котлету, руки ловко работаютъ ножомъ и вилкой, но мизинецъ изысканно отставленъ, брови подняты грустной усмѣшкой. Онъ покраснѣлся, осмѣлѣлъ, растегнулъ шинель, курить, говоритъ безъ умолку. Она то и дѣло пожимаетъ плечами, небрежно роняетъ въ отвѣтъ на его вольныя и щегольскія разсужденія о томъ, что жизнь «все таки прекрасна», все однѣ и тѣ же загадочныя фразы:

— Это смотря для кого...

— Это зависитъ отъ вкуса...

— Жизнь не укладывается въ рамки...

Онъ горячо возражаетъ:

— Но вы ужасный скептикъ! На видъ вы такая бодрая, энергичная, а межъ тѣмъ...

Она легонько стучитъ по тарелкѣ ножомъ, грустно-разсѣянно заказываетъ лакею: «Чашечку шорнаго кофѣ, пожалуйста», и со вздохомъ говоритъ:

— Нѣтъ, вы горько ошибаетесь, у меня въ душѣ трауръ, мой мужъ тоже офицеръ, артиллеристъ, и я только что получила страшное извѣстіе, что онъ смертельно раненъ въ бою... Я только слишкомъ хорошо умѣю носить маску!

ДО ПОБѢДНАГО КОНЦА

— Нашъ попъ — какой онъ попъ? Онъ дуракъ, невѣжа. Мою дѣвку хоронилъ — спѣшить, суеть какъ попало... гробъ не даетъ поставить въ могилу какъ надо. Можно развѣ такъ хоронить? Это не скотина. «Вотъ съѣзжу, говорю, въ Орель, ваше священство, схожу въ консисторію, тогда узнаете, какъ надо хоронить: намнутъ вамъ холку очень прекрасно!» — «Не смѣй, кричить, говорить со мной такъ вольно!» — «Ну нѣтъ, молъ, батя, потише! Теперь, говорю, это время прошло! Вотъ дай съ войной управимся, мы вамъ вашу «Газету Копѣйку» припомнимъ! Узнаете тогда «до побѣднаго конца»!

ПИСЬМО

— Еще пишу Вамъ — обо мнѣ не скучайте, въ вагонахъ было тепло даже раздѣтому. Отъ самага Минску снѣга нѣтъ совсѣмъ, мѣста все ржавыя, кругомъ болота, вода. Теперь ожидаетъ меня что-то небывалое. Прощайте, всѣ мои родные и знакомые, навѣрно, больше не увидимся. Прощайте, дорогіе, писать некогда да и дождь, а изъ глазъ моихъ слезы. Какъ начали сыпать изъ винтовокъ и снарядами, только пыль столбомъ. Двое рядомъ со мной рыли окопъ и къ нимъ прилетѣлъ снарядъ, ихъ двоихъ тогда убило, одинъ новобранецъ чужой, а другой Ваня нашъ, онъ погибъ во славу русскаго оружія...

СТРАНСТВІЯ

I

... Этого старичка я узналъ прошлой зимой. Прошлая зима была особенно страшна. Тифъ, холодъ, голодь... Дикая, глухая Москва тонула въ такихъ снѣгахъ, что подвигомъ казалось выйти на улицу. Да никто и не выходилъ безъ самой крайней необходимости.

Я искалъ его по одному дѣлу. Узналъ, наконецъ, что онъ все тамъ же, обитаетъ въ томъ же домѣ, гдѣ было прежде нѣкоторое государственное учрежденіе, при которомъ состоялъ онъ. Теперь этотъ громадный домъ пусть и мертвъ. Я вошелъ въ раскрытыя ворота и остановился, не зная, куда итти дальше. Но, по счастью, за мной вошелъ какой-то мальчишка, который что то несъ съ собой. Оказалось, что мальчишка идетъ какъ разъ къ старичку, несетъ ему пшеной каши: старичекъ очень голодалъ, питался только тѣмъ, что присылалъ ему иногда, по старой дружбѣ, отецъ мальчишки. Пошли вмѣстѣ, вошли въ подвальный этажъ дома, долго шли по какому-то подземелью, постучали, наконецъ, въ маленькую дверку. Она отворилась въ низокъ подъ каменнымъ сводомъ. Въ низкѣ было очень жарко: посрединѣ стояла желѣзная печка, до красна раскаленная. Старичокъ поднялся мнѣ навстрѣчу на растоптанныхъ, трясущихся ногахъ и сказалъ нѣчто совершенно непривычное теперь для слуха: «Имѣю честь кланяться!» Выцвѣтшіе, слезящіеся глаза, сѣрыя бакенбарды; давно небритый подбородокъ заросъ густыми молочными волосами. Весь низокъ, всё стѣны сплошь увѣшаны яркими

лубочными картинами — святыя, истязуемые мученики, блаженные и юродивые, виды монастырей, пустынь, скитовъ; цѣлая стѣна занята большимъ кіотомъ съ нестерпимо блестящими золотыми образами, передъ которыми разноцвѣтно теплятся лампадки — зеленныя, малиновыя, голубыя. Углы завалены духовными книжками, житіями. Запахъ лампаднаго масла, кипариса, воска и жаръ отъ печки были тоже нестерпимы.

— Да-съ, тепло! — сказалъ, грустно усмѣхаясь, старичекъ. — Не въ примѣръ всей Москвѣ, на холодъ не пожалуюсь. Всѣми, слава Богу, забытъ въ этомъ подземельи, даже почти никто и не подозрѣваетъ, что я здѣсь уцѣлѣлъ. Не знаетъ никто и про тотъ тайный запасъ дровецъ, что остался здѣсь въ нѣкоторомъ подвальчикѣ. Вотъ и топлю и сижу, какъ въ криптѣ или катакомбѣ. Здѣсь, дастъ Богъ, вскорости и окончу свое земное существованіе. Очень сталъ хилъ и печалюсь. Времена опять зашли темныя, жестокія и, думаю, надолго. Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ. Такъ и Россія: вся наша исторія — шагъ впередъ, два назадъ, къ своему исконному — къ дикому мужицеству, къ разбитому корыту, къ лыковому лаптю. Помните? «Было столь загажено въ кремлевскихъ палатахъ колодниками, что темнѣли на иконахъ ризы...» Таковыми палатами и стала снова Россія, оправдывающая нынѣ слово Исаака Сирина: «Песь, лижущій пилу, пьетъ собственную кровь и изъ-за сладости крови своей не сознаетъ вреда себѣ...» Впрочемъ, все это вамъ и безъ меня хорошо извѣстно. Перейдемъ къ дѣлу: весь къ вашимъ услугамъ, но чѣмъ именно могу служить?

... Весной онъ умеръ. Въ одно изъ нашихъ послѣднихъ свиданій онъ говорилъ мнѣ:

— Знаете ли вы это чудное сказаніе? Забѣжала шакалка въ пещеру Іоанна Многострадальнаго и разбила его свѣтильникъ, стоявшій у входа. Святой, сидя ночью на полу темной пещеры, горько плакалъ, закрывшись рука-

ми: какъ, молъ, совершать теперь чинъ ночной молитвы, чтенія? Когда-же поднѣлъ лицо, утираясь рукавомъ, то увидѣлъ, что озаряетъ пещеру нѣкій тонкій, невѣдомо откуда струящийся свѣтъ. И такъ съ тѣхъ поръ и свѣтилъ онъ ему по ночамъ — до самой его кончины. А при кончинѣ, воспринимая его душу, нѣжно сказалъ ему Ангелъ Господень: «Это свѣтъ твоей скорби свѣтилъ тебѣ, Іоаннъ!»

II

...Жизнь возобновляется, даже начинаетъ переходить въ будни. Бѣлый хлѣбъ и чай входятъ въ обычай. Опять, удивляя и радуя, открываются лавки и магазины, кое-гдѣ пошли трамваи, появились извозчики... И опять весна и даже нѣкоторыя весеннія чувства, — на примѣръ, въ какую-нибудь черную сырую ночь съ этимъ особеннымъ трескомъ колесъ и цоканьемъ копытъ по мостовой, съ влажнымъ вѣтромъ въ фортку, или въ солнечный полдень, когда все течетъ, блещетъ, таетъ, а на углу Арбата, на тротуарѣ, возлѣ бывшей «Праги», сидятъ и, напоминая о югѣ, дерутъ свои стихиры слѣпые лирники... вмѣстѣ съ весной стало какъ-то необычно людно на главныхъ улицахъ. Народъ, впрочемъ, все больше новый. Людей прежняго времени, особенно старыхъ, конечно, уже почти нѣтъ, ихъ погибло за эти годы безконечно много, а тѣ, что какъ-то уцѣлѣли, странны: зачѣмъ они уцѣлѣли, зачѣмъ вылѣзли откуда-то на свѣтъ Божій, какъ замороженные звѣри изъ своихъ холодныхъ норъ, — блѣдные, опухшіе, обросшіе ватной сѣдиной, въ зимнихъ лохмотьяхъ? Вижу иногда знаменитаго народовольца: ужасная черная шляпа (ужаснѣе тѣхъ, что валялись прежде только на пустыряхъ, на свалкахъ), рубище солдатской шинели, грязные, мокрые

опорки, связанные веревкой... Однако, очень бодръ, всегда не идетъ, а бѣжитъ, такъ и сверкаетъ очками и младенческой, блаженно-изумленной улыбкой...

Я еще больше скитаюсь по Москвѣ, даже начинаю мечтать о поѣздкахъ кое-куда. Иногда не бываю дома съ утра и до вечера, отдыхаю, ѣмъ и пью, гдѣ придется, въ какой-нибудь чайной, пивной. Сажу, курю махорку, смотрю на сосѣдей, слушаю разговоры и музыку. Чаще всего играютъ двое: какой-нибудь до ушей лысый еврей, съ бархатно-черными глазами, который, отставивъ впередъ ногу, съ бѣшеною страстью жметъ и бьетъ смычкомъ по скрипкѣ, и солдатъ въ обмоткахъ, тупо ревушій на громадной гармоніи, поставленной на приподнятое колѣно...

Есть вѣсти изъ нашихъ мѣстъ — изъ города и изъ деревни: и тамъ будни. Недавно посѣтилъ насъ «землячекъ», бывший красноармеецъ. Дружески сидѣлъ съ нами, пилъ чай, вель бесѣду. Говорилъ, усмѣхаясь, что теперь и отдохнуть можно:

— Теперь мы Россію замирили, вездѣ тихо. Я самъ въ Тамбовѣ не меньше ста душъ въ расходъ вывелъ...

Онъ обросъ густой и круглой красно-коричневой бородой. Круглые прозрачно-коричневые глаза стоятъ, какъ у филина. Стриженная голова имѣетъ форму гроба.

III

... Въ началѣ апрѣля посѣтилъ въ Хамовникахъ домъ Толстого. Несмотря на блестящій день, весеннее сіяніе голыхъ деревьевъ, запахъ почекъ и сырой земли, впечатлѣніе тяжелое. Домъ давно не топится, въ немъ холодъ, сырость. Особенно тяжело въ тѣхъ двухъ низкихъ комнатахъ съ топорными креслами, обитыми черной кожей, очень потертой и въ складкахъ, гдѣ жилъ онъ самъ. На стѣнѣ виситъ его старая мѣховая шуба, на полу — разбитый кув-

шинь и старое деревянное судно, у одной стѣны столикъ съ сапожными инструментами... Все бѣдное, жалкое, слѣды жизни уже давней и забытой!

Вспоминаю Остафьево, гдѣ былъ передъ этимъ. Тамъ, въ кабинетѣ Карамзина, лежатъ подъ стекломъ кое-какія вещи Пушкина: черный жилетъ, бѣлая бальная перчатка, оранжевая полка съ ременной кисточкой... Потомъ — восковая свѣча съ панихиды по немъ... Смотрѣлъ — стѣснялось дыханье. Какъ все хорошо, безжизненно и печально! Вѣкъ еще болѣе давній и потому кажущійся гораздо богаче, тоньше...

IV

... Недавно, въ прекрасный сентябрьскій вечеръ, шелъ въ Даниловъ монастырь. Когда подходилъ, ударилъ большой колоколь. Вотъ звукъ! Золотой, глухой, подземный... На могилѣ Гоголя таинственно и грустно свѣтилъ огонекъ неугасимой лампы и лежали свѣжіе цвѣты. Возлѣ стояли, кланялись и крестились старичекъ и старушка, очень старомодные, милые и жалкіе. Я спросилъ, кто это такъ хорошо содержитъ могилу. Старичекъ отвѣтилъ: «Монахи. А вы думаете, что все погибло? Нѣтъ еще...» — затрясся и заплакалъ. Старушка взяла его подъ руку: «Пойдемъ, пойдемъ, ты совсѣмъ впалъ въ дѣтство», — и повела его, плачущаго, по дорожкамъ къ воротамъ.

V

... Вчера весь день несло страшной вьюгой. Ночью, возвращаясь домой, думалъ, что погибну въ снѣжной пустынѣ своего переулка.

Нынче пришлось быть возлѣ Красныхъ Воротъ. Вечерѣло, было снѣжно, тихо, всюду тоска и грусть. Я вспом-

нилъ, что тутъ, гдѣ-то близко, въ Хоромномъ тупикѣ, находится загородный домъ Ивана Грознаго. Отыскалъ тупикъ, спустился немного и вошелъ въ ворота широкаго, занесеннаго снѣгомъ двора. Неожиданно открылась какая-то странная глухая усадьба, и спереди и съ боковъ состоящая изъ теремовъ съ крылечками и маленькими окошечками. Снѣгъ былъ свѣжъ и настолько глубокъ, что я тонулъ по колѣно. Единственный слѣдъ чьихъ-то очень большихъ ногъ велъ къ главному крылечку. Я пошелъ по слѣду, надѣясь, что въ домѣ кто-нибудь есть, — тамъ теперь музей. Поднялся на крылечко — дверь оказалась заперта, хотя на ней и висѣло подъ стекломъ объявленіе, что музей открытъ каждый день отъ девяти утра до пяти вечера. Я сталъ стучать — ни звука въ отвѣтъ. Откуда-то изъ-за дома вышелъ мужикъ въ теплое картузъ, въ длинной стеганой курткѣ и, не обращая на меня вниманія, пошелъ по двору. Я его окликнулъ:

—Музей открытъ?

Онъ пріостановился:

— Закрытъ. По воскресеньямъ только открытъ.

— А почему же виситъ объявленіе, что открытъ каждый день?

— Да такъ виситъ, не снимаютъ...

Я пошелъ къ нему, и мы вышли изъ снѣга къ крыльцу одного изъ флигелей.

— А что, интересно въ музеѣ?

— Есть люди интересуются, говорятъ, хорошо.

— А какъ по вашему?

— Какъ-то не могу понять. Не могу вамъ разъяснить. Тамъ, конечно, разное украшеніе старинное, разныя орудія, всякіе топоры, молотилки... Все собирали...

Онъ легонько вздохнулъ. По его тону можно было заключить, что онъ хочетъ высказать какую-то болѣе глубокую мысль.

— А гдѣ же домъ самого Ивана Грознаго? Средній и есть?

— Средній. На его собственную ассигновку строень. Четыреста лѣтъ, говорятъ, стоитъ...

Онъ опять вздохнулъ:

— Да. Жили-наживали, хозяйство пріобрѣтали...

Темнѣло и опять стало бѣлѣть въ воздухѣ, опять пошелъ снѣжокъ на этотъ глухой обширный дворъ, на старья, съ грубыми деревянными лафетами пушки, которыми обставленъ онъ...

VI

... Въ іюнѣ нѣкоторое время жилъ въ Тверскомъ удѣлѣ.

Тихій и печальный край! Бѣдныя песчанья поля, тощія перелѣски, рѣдкіе поселки, лѣса по горизонтамъ. А не то низины, болота... Дни тоже какіе-то бѣдные, невзрачные. По вечерамъ тусклое сіяніе луны...

Чѣмъ тутъ живутъ теперь, когда нѣтъ Москвы, московскихъ заработковъ и всѣ сидятъ дома, не понятно. Земля скудная и малая, — черноземному человѣку смотрѣть жалко. Но вотъ какъ-то живутъ и даже на видъ не плохо, во всякомъ случаѣ лучше нашихъ. Избы прочны, ладны, стоятъ вдоль улицы ровно. Въ избахъ чистые деревянные полы, занавѣсочки на окнахъ, подъ окномъ пяльцы съ узорнымъ холстомъ, на полкѣ расчищенный самоваръ... Одѣты всѣ довольно опрятно, дѣвки и ребята даже франтятъ и по вечерамъ парами танцуютъ около избъ подъ гармонию, щеголяя изысканнымъ обращеніемъ другъ съ другомъ. Пожилые весьма схожи съ нашими по языку, по склонности изрекать общія мѣста, мудрыя пошлости. И, конечно, такъ-же равнодушны и къ тому, что когда-то было, и къ тому, что случилось, и къ тому, что есть. Надъ

тѣмъ, напримѣръ, что теперь на полтора милліона можно купить всего пять фунтовъ муки, лишь усмѣхаются: покачиваютъ головами и уютно прячутъ руки въ рукава.

Москва тутъ кажется за тысячу верстъ. Я о ней слышалъ между прочимъ такое сужденіе:

— Дивно, какъ еще эта Москва веществуетъ!

VII

... Июль былъ мрачный — каждый день грозы, ливни: свинцовая чернота неба надъ жутко-бѣлѣющей Москвой, рѣжущій блескъ сургучныхъ молній и ужасающіе удары грома, отъ которыхъ звенятъ стекла. Недавно былъ такой потопъ, что мальчишки-папиросники на Кузнецкомъ и Неглинномъ раздѣлись и плавали. Въ тотъ день я какъ разъ опять уѣзжалъ изъ Москвы въ гости къ однимъ знакомымъ, на дачу: вода мѣстами шла выше колесной ступки, отъ нея кружилась голова...

Знакомые — мужъ и жена (и, какъ это ни странно по нынѣшнимъ временамъ, въ нашемъ кругу, молодожены); пара вообще не овсѣмъ обычная: она женщина молодая (и очень ерѣзная), ему лѣтъ шестьдесятъ, хотя человѣкъ онъ очень живой, бодрый (небольшой, сухощавый, юношески легкій въ движеняхъ); оба занимаются русской исторіей, — онъ даже знаменитъ нѣкоторыми историческими трудами. А дача — недостроенная бревенчатая изба въ небольшомъ лѣсномъ поселкѣ; всего сто верстъ отъ Москвы, но въ лѣса, въ болота, къ сѣверо-востоку, и потому край опять глухой, старинный: «черное мѣсто, дикой лѣсъ, мокрая болотина...»

Жили мы скучно, неуютно. Изба не въ поселкѣ, а какъ-то сама по себѣ, на отлетѣ, на мѣстѣ недавно срубленнаго лѣса, среди пней, щепы и сучьевъ. Еще безъ фундамента — только на столбахъ по угламъ, такъ что все заходило

подъ нее чей-то пѣтухъ и очень рано будиль меня по утрамъ, оралъ подъ самой кроватью. И, проснувшись, видѣлъ я только сырой лѣсъ кругомъ, пни въ густомъ молочномъ туманѣ передъ окнами... Самоваръ, который я ставилъ среди этихъ лней, набивъ его сырмъ древеснымъ углемъ, дымилъ ужасно, выѣдалъ глаза, не грѣлся по часу, по два. А вода тутъ пахнетъ ужами, хлѣбъ липкій, зеленый...

Мужъ ходилъ въ довоенныхъ сѣренкихъ штанишкахъ и въ мужицкой рубахѣ, на ногахъ носилъ лыковыя бахилки. Жена одѣвалась совсѣмъ по крестьянски — тоже бахилки и суровая рубаха до пятъ, расшитая по рукавамъ и подолу красными елочками. И одѣвалась она такъ не только по необходимости: видѣла въ этомъ опрощени свой долгъ и даже радость. Молчаливая, черноглазая, она все твердила о древней, мужицкой Руси, къ которой намъ уже давно надо было возвратиться, о томъ, что русскіе пути особые, неисповѣдимые, что Богъ послалъ намъ великую милость — пострадать и въ страданіяхъ, какъ въ огнѣ, очиститься... Сны она видѣла только вѣщіе, думы думала все загадочныя, многозначительныя. Имѣла какого-то тайнаго наставника, духовнаго отца, старца святой жизни, собиравшая итти осенью къ Серафиму Саровскому, который, по ея словамъ, предрекъ наши дни въ точности: открылось будто-бы нѣкое рукописаніе, гдѣ собраны всѣ его пророчества...

Когда я уѣзжалъ, хозяева провожали меня до станціи. Мы шли нѣсколько верстъ лѣсомъ. День былъ сумрачный, надъ соснами, надъ просѣкой, по которой мы шли, скопнулись сизо-бѣлыя облака, не обѣщавшія ничего добраго. И точно — какъ только мы подошли къ станціи, черный локомотивъ, уже стоявшій за ней и яростно шипѣвшій изъ подъ себя бѣлымъ паромъ, шумно осыпало крупнымъ дождемъ съ градомъ...

... Нынче съ утра Москва стояла въ ослѣпительномъ солнечномъ свѣтѣ. Вышелъ на улицу — день совсѣмъ лѣтній, какъ часто бываетъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ. Легко и съ удовольствіемъ шелъ внизъ по Воздвиженкѣ, прямо на солнце, по сухому тротуару. День праздничный, на улицѣ много свободнаго и довольнаго, по весеннему одѣтаго молодого народа съ папиросами. На солнечномъ углу, на поворотѣ на Моховую, бодро похаживалъ и поглядывалъ оборванный малый, щеголевато покрикивалъ низкимъ, хрипучимъ отъ дурной болѣзни голосомъ, предлагая проходимъ собраніе сочиненій Ленина, будто бы новое и «общедоступное». Прохожіе усмѣхались, шли мимо. И вслѣдъ каждому онъ кривилъ глаза, кривилъ ротъ и, въ бокъ прикрывая его рукой, хрипло и быстро добавлялъ: «Есть похабненькое...» Поставой грозилъ ему съ улицы пальцемъ, но тоже съ усмѣшкой. А впереди меня все время бѣжалъ мальчишка въ женскихъ разбитыхъ башмакахъ, продавалъ свѣжій номеръ еженедѣльнаго журнальчика, во всю первую страницу котораго изображенъ былъ Богъ-Отецъ, сидящій на облакахъ и недовольно разглядывающій сквозь громадное пенснэ афишку, послѣдній совѣтскій декретъ... Я взялъ извозчика, велѣлъ везти себя на вокзалъ и на цѣлый день уѣхалъ изъ Москвы — цѣлый день провелъ въ деревнѣ, въ одной старой, знаменитой усадьбѣ.

Было очень пріятно. Пока я сидѣлъ въ вагонѣ, стали находить облака, стало скучнѣй и прохладнѣй. Потомъ, когда я шелъ къ усадьбѣ со станціи, сталъ еще очевиднѣй этотъ обычный обманъ ранней весны. Въ эту пору всегда рѣзкая разница между городомъ и деревней и всегда портится утренняя погода къ полудню. Такъ было и тутъ. Солнце скрылось за облаками, подулъ вѣтерокъ... Но для меня и въ этомъ была большая весенняя прелесть. Свѣжій запахъ земли, вѣтеръ сладко холодить щеки, руки, дуетъ

въ рукава... Потомъ я съ радостью увидаль апрѣльскую наготу старыхъ деревьевъ усадьбы, ея еще сѣраго и сухого парка, сквозившаго своими сучьями на холодномъ и по весеннему облачномъ небѣ. Въ усадьбѣ не было, конечно, ни души — только сторожъ съ семьей въ своей сторожкѣ. Я долго сидѣлъ на скамьѣ въ главной аллеѣ, ведущей къ дому. Солнце лишь порой проглядывало изъ-за облаковъ; все вокругъ было мертво, пустынно — только тикали какія-то птички по парку; палевыя стѣны и бѣлыя колонны пустаго, безмолвнаго дома дивно и безжизненно свѣтили въ концѣ аллеи изъ-за голыхъ вѣтвей и стволовъ... Наконецъ, подошелъ сторожъ съ трубкой въ зубахъ, повелъ меня къ дому, отворилъ ключемъ главныя двери и пошелъ за мной, стуча сапогами по навощеннымъ поламъ, сперва по огромному вестибюлю, гдѣ стыдливо и граціозно стояли нагія мраморныя богини, потомъ по безконечнымъ ледянымъ заламъ, среди цѣлой галереи портретовъ, тускло блестящихъ со стѣнъ своими черными лаками и затвердѣвшими, помертвѣвшими красками, косо провожавшихъ насъ съ двухъ сторонъ млечно-голубыми бѣлками глазъ, мѣловыми париками, яичной округлостью женскихъ грудей... Зашли, между прочимъ, въ чью-то женскую спальню съ кожаной помятой мебелью, съ овальнымъ заржавленнымъ зеркаломъ... Смотрѣлъ и думалъ: какъ повѣрить, что все это слѣды жизни, подлинно бывшей когда-то, что люди этого дома и впрямь жили здѣсь! Спросилъ сторожа: «Скучно вамъ, небось, тутъ?» — «Скучно, — отвѣтилъ онъ. — Говорили, новый строй, новый строй, а на дѣлѣ все въ прежнемъ положеніи. Одинъ подлогъ, обманъ...» Потомъ онъ опять заперъ домъ и ушелъ къ себѣ, а я бродилъ вокругъ дома, по парку. Заглянулъ въ одно окно въ полуподвальный этажъ — увидѣлъ сквозь желѣзную рѣшетку сводчатую часовню, престолъ, покрытый ветхимъ зеленымъ шелкомъ, передъ престоломъ истертый бархатный коврикъ, за нимъ — золотой семисвѣчникъ и

изразцовую печь... Заглянулъ въ другое: какое-то подземелье, заваленное мраморными обломками — львиными головами, урнами и плоскодонными чашами, капителями колоннъ...

Ушелъ я изъ усадьбы только вечеромъ, когда мѣсяцъ уже сталъ класть въ паркѣ легкія апрѣльскія тѣни подѣ деревьями и серебрить поляны. Уходя, думалъ: ночью паркѣ побѣлѣетъ подѣ мѣсяцемъ, мертвый домъ засвѣтится насквозь, всѣми своими пустыми, блестящими покоеми...

IX

... Въ жаркій день, въ концѣ апрѣля, ходилъ въ село Измайлово, вотчину царя Алексѣя Михайловича. Выйдя за городъ, не зналъ, какой дорогой итти. Встрѣчный мужикъ сказалъ: «Это, должно быть, туда, гдѣ церковь съ синимъ кумоломъ». Шелъ еще долго, очень усталъ. Но весна, тепло, радость, — было удивительно хорошо. Увидалъ, наконецъ, древній соборъ, съ зелеными главами, которыя мужикъ назвалъ синими, какъ часто называютъ мужики зеленое синимъ, увидалъ весенній сквозной лѣсъ, а въ лѣсу стѣны, древнюю башню, ворота и храмъ Юсафа, нѣжно сіявшій въ небѣ среди голыхъ деревьевъ позолотой, узорами, зеленью главъ, — въ небѣ, которое было особенно прекрасно отъ кое-гдѣ стоявшихъ въ немъ синихъ и лазурныхъ облаковъ...

Теперь тутъ казармы имени Баумана. Идутъ какія-то перестройки, что-то ломаютъ внутри теремовъ, изъ которыхъ вырываются порой клубы известковой пыли. Въ храмѣ тоже ломаютъ. Окна пусты, рамы въ нихъ выдраны, полъ заваленъ и мусоромъ, и этими рамами, и битымъ стекломъ. Золотой иконостасъ кое-гдѣ зияетъ дырами — вынуты нѣкоторыя иконы. Когда я вошелъ, воробьи лив-

немъ взвились съ полу, съ мусора, и усыпали иконостась по дырамъ, и по выступамъ ризъ надъ ликами святыхъ...

А какъ знаменита была когда-то эта вотчина! Вотъ кое-что изъ одной старой, рѣдкой книги о ней:

«Рощи 115 десятинъ. Рощи, числомъ 5, заповѣдныя. Роца цапельная, гдѣ жили цапли. Звѣринецъ. Плодовые сады, числомъ 32, аптекарскіе огороды. Регулярный садъ. Виноградный садъ. Волчій дворъ. Житный дворъ въ 20 житницъ. Льяной дворъ для мятія льну. Скотный дворъ, въ немъ 903 быка, 128 коровъ, 190 телицъ и 82 тельца, 82 барана, 284 свиньи. Конюшій дворъ, въ немъ 701 иноходецъ, кони, кобылы и мерины. Воловій дворъ. Виноградная мельница. Пивоварня, медоварня, солодовня, маслобойня. Птичій дворъ, въ немъ лебеди, павлины, утки и охотничьи куры многихъ родовъ. На мукомольнѣ 7 мельницъ. Стекланный заводъ... Церквей каменныхъ 3, деревянныхъ 2, дворовъ поповыхъ 5 и 11 причетниковъ. Воксаль для блистательныхъ представленій. Мостъ, мощеный дубовыми брусьями... 27 прудовъ, въ одномъ щуки, въ другомъ стерляди, каковымъ щукамъ царевны вѣшали золотыя сережки и кликали въ серебряные колокольчики...»

Х

... Въ августѣ ѣздилъ въ Троицкое, помѣстье Румянцева.

За станціей — не то лѣсъ, не то паркъ, дикій, дубравный. На выѣздѣ изъ деревушки — памятникъ, очень странный въ сосѣдствѣ съ мужицкими избами: Екатерина въ греческомъ шлемѣ и какая-то богиня со змѣей вокругъ ноги, а подъ ними надпись:

«Отъ Екатерины дана сему мѣсту знаменитость, навсегда оглашающая заслуги графа Румянцева-Задунайскаго».

За мостомъ черезъ ручей, среди вѣковыхъ березъ, — прекрасная церковь съ двумя колокольнями, напоминающая нѣкоторыя римскія церкви. Въ часовнѣ при ней, тоже очень красивой, стоитъ громадная яшмовая гробница послѣдняго Румянцева. Возлѣ часовни — огненный кустъ на-стурци.

Кругомъ, изъ-подъ темныхъ деревьевъ, сквозь ихъ стволы, видны далекія деревни, сине-лиловые лѣса, золотомъ горящія на солнцѣ жнивья.

Дальше — безконечно длинная, страшно высокая аллея. Еще дальше — развалины дворца, пролеты въ развалинахъ стѣнъ...

XI

... Прошлое воскресенье провелъ въ Троицкой Лаврѣ. Облазилъ всѣ стѣны, всѣ башни, подземелья...

Въ соборѣ, тамъ, гдѣ стоитъ открытая серебряная рака, горитъ только одна лампада. Мощи какъ-то мелко лежать на днѣ раки, въ какихъ-то почернѣвшихъ, до ужаса древнихъ остаткахъ ветоши... Кругомъ плотная толпа — бабы, мужики, старухи съ крысиными глазами. Ни страха, ни благоговѣнія, ни вздоховъ — ничего. Только любопытство, кое-какія замѣчанія, иногда остроты и смѣхъ...

Въ ризницѣ — кафтанъ Ивана Грознаго: потертая золотая парча на голубомъ шелку, съ золотыми шнурами. Концы рукавовъ истерты особенно, а низъ лѣвой полы весь изорванъ, изъ него торчитъ слой ваты... Тупо смотреть и на кафтанъ.

Во дворѣ собора попрежнему нищіе, калѣки, недужные, «пораженные язвами и червія воскипѣніемъ...» Лежать, сидятъ, переползаютъ... Костыли, лохмотья, головы, повязанныя платками и тряпками, безносыя или безгубыя, съ кровавыми, какъ бы выдранными глазами или

съ оловянными бѣльмами, тщетно ищущими зрѣнія... «Подайте слѣпому, безрукому... Кормители, питатели... Обратите вниманіе...» Бодро и дѣловито прошли среди этой орды два рослыхъ монаха: одинъ здоровый мужикъ въ гимнастеркѣ и грубыхъ сапогахъ, въ черной шляпѣ, съ двумя русыми косами, другой въ рясѣ, — круглолицій красавецъ Алеша Поповичъ съ шелковой каштановой бородкой, съ темносиними, какъ бы налитыми масломъ женскими глазами...

XII

... Послѣ дождей — опять свѣтлая, тихая осень. Бѣхаль странно: заливной звонъ колокольчиковъ подъ росписной дугой, тарантась, тройка... Только тройка — три задранныхъ клячи, тарантась — допотопная рухлядь, ящикъ — въ сплошныхъ заплаткахъ. И ни души встрѣчной за всю дорогу. Ящикъ сказалъ:

— Теперь все пошло на старый жребій!

Въ монастырѣ Саввы соборъ 14 вѣка, теперь всѣми забытый. Поднялся на крутую гору, на Старое Городище. Тамъ тоже древняя церковь — одиноко бѣлѣтъ на самой верхушкѣ; за ней древнія земляныя укрѣпленія, вѣковья громадныя сосны. Кругомъ ясная и четкая пустыня полей и лѣсовъ, солнечная теплая колкость...

XIII

... Суздальскія земли грустны даже лѣтомъ. Лѣсистые холмы, рѣка. Краски — зеленые, лиловые, синія — очень густы и непріятны.

Нынче къ вечеру небо на закатѣ обложилось непогожими тучками, по рѣкѣ пошла кирпичная рябь. Какіе-то

мужичишки рыболовы, выплывъ на рѣку, стоя и качаясь, наклоняясь въ своихъ долбленыхъ челнахъ, вытаскивали бредни. Я долго смотрѣлъ на одного изъ нихъ, качавшаго своимъ челномъ рѣку, на его кривыя ноги, на изломанное личико съ сѣрой просѣдью подъ размятымъ теплымъ картузомъ, на линючую ситцевую рубашку на впаломъ животѣ... Вотъ они создатели, зиждители суздальскихъ обитателей!

Въ одной изъ этихъ обитателей мнѣ попалась рукопись древняго монаха: «Замогильныя лѣтописи созерцаній». Въ ней есть такія строки:

О, жилище немятежное ближнихъ моихъ друзей!

Мирное обиталище всѣхъ утрудшихъ въ ней!

Вертоградъ пустынный, краснѣйшій Эдемъ!

Небурное пристанище, юдоль, сладкая всѣмъ!

Вечерами въ городѣ великая уѣздная глушь. Долго не темнѣетъ, безконечно стоитъ тускло-синій сумракъ въ пустыхъ и широкихъ улицахъ безъ одинаго фонаря. Медленно бьютъ часы на древнемъ монастырѣ... для кого? Городъ точно вымеръ. Ложатся спать съ вечера — цѣлая вѣчность до утра! Мой сосѣдъ по жесткому дивану на постояломъ дворѣ, какой-то мѣщанинъ, который спитъ, не раздѣваясь и не разуваясь, всю ночь страшно скрипитъ зубами — точно новыми сапогами...

Видѣлъ одного мѣстнаго начетчика. Онъ въ поддевкѣ, нескладно шаткѣй и высокѣй, съ блѣдно-синими глазами. Пользуется большой славой. За нимъ прѣзжаютъ изъ деревень, возятъ его на религіозные диспуты. Священное Писаніе знаетъ наизусть. Говоритъ очень громко, убѣжденно, сосредоточенно — и не позволяетъ сказать въ отвѣтъ себѣ ни одного слова. Мужики имъ восхищаются:

— Какіе ученые люди ни прѣзжали — не гожаютъ. Никуда! А какой мелкій прѣдетъ, съ двухъ словъ забьетъ — и шабашъ!

XIV

... На Волгѣ видѣлъ Макарьевскій монастырь. Нанялъ лодку. Рыжій мужикъ, первобытный волгарь-рыбакъ, не спѣша ворочалъ веслами, стоя въ ней, и по зеркальной, тихой водѣ подвелъ ее къ самому монастырю, къ его древнимъ стѣнамъ, изъ-за которыхъ глядѣли главы шести соборовъ. Въ соборахъ все какъ было чуть не тысячу лѣтъ тому назадъ — незапамятная и нерушимая Русь: черные, средневѣковые лики иконъ, черная, средневѣковая олифа... Но монаховъ въ монастырѣ осталось всего нѣсколько чело-вѣкъ. Живутъ тѣмъ, что возять по приволжскимъ городамъ (на паромѣ) древній чудотворный образъ. Я, когда плылъ къ монастырю, какъ разъ встрѣтилъ этотъ паромъ. Онъ шелъ еще медленнѣе нашей лодки, въ глубокомъ молчаніи. Золотыя хоругви, бѣлый престоль съ образомъ, бѣлые балахоны возцовъ и черныя рясы сопровождающихъ образъ. Всѣ фигуры — и бѣлыя и черныя — сажень ростомъ, великаны...

XVI

... Опять весна и опять живу въ большой глуши — въ тѣхъ самыхъ краяхъ, гдѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ жилъ подвижникъ, про котораго сказано:

Ты въ пустыню суровую,
Въ мѣста блатныя, непроходимыя
Поселился еси...

Городокъ маленькій, деревянный. Основанъ чуть не въ самомъ началѣ Руси, стоитъ на мутной рѣчкѣ, нижній берегъ который болотистъ, серебрится кустами ольхи. Середина города, очень малая часть его, окружена высокимъ землянымъ валомъ съ тремя проходами. На валу еще за-

мѣтно мѣсто, гдѣ была когда-то сторожевая башня. Валъ заросъ густой травой, въ травѣ высыпали по веснѣ желтыя лиліи. За валомъ древній соборъ, нѣсколько деревянныхъ домишекъ, два государственныхъ зданія и три березовыхъ аллей, въ которыхъ поютъ птицы. Нѣкоторое пространство въ этомъ зеленомъ кремлѣ не застроено и тоже зарастаетъ какими то цвѣтами. Тутъ же прудъ, отражающій берега и весну. Вода имѣетъ цвѣтъ фіалки. Возлѣ пагутся лошади. Полное затишье, вѣтеръ сюда не заходитъ...

Я живу не въ городѣ, а за городомъ, на горѣ. Городъ съ церквями и соборомъ внизу, на широкомъ разлужьи, полускрытъ тополями и липой. Съ горы открывается даль: перевалы, холмы, кое-гдѣ покрытые лѣсомъ, кое-гдѣ — полосами запашекъ и озимей, идущихъ внизъ какъ бы холстами: запашки — розоватыми (отъ песчаной земли), озими — ярко-зелеными. Дальше, за холмами, лѣса все гуще и темнѣе...

Край этотъ церковный, монастырскій: куда ни глянь, всюду монастырь. Слева отъ меня, совсѣмъ близко, бѣлѣетъ каменной стѣной и башнями по угламъ женскій монастырь двѣнадцатаго вѣка. Онъ наполовину скрытъ столѣтними, уже засыхающими деревьями, весь осѣлъ, вросъ стѣнами въ свои зеленые берега. Вечерами подъ его тяжелыя ворота съ золотымъ крестомъ надъ ними идутъ черныя фигуры монахинь. Справа — скать, дальше плоскодонный логъ, а за нимъ невысокій холмъ, на которомъ, подъ старыми деревьями, раскинутъ старый погостъ, гдѣ козодои, не смолкая ни на минуту, тянутъ всю ночь напролетъ все одну и ту же жужжащую ноту. Птица эта очень идетъ къ скитамъ. Вылетаетъ она беззвучно изъ подъ самыхъ ногъ, повьется надъ головой, безшумно трепеща крыльями, и опять упадетъ на какую-нибудь могильную плиту. Глаза у нея — два красныхъ карбункула. Могильныя плиты на погостѣ мшисты и загажены птицами, мшистые кресты сѣры, мягки, точно на нихъ фланель.

Есть, конечно, развалившийся склеп богатого купца, не­лѣпый и безобразный, изъ черныхъ оконъ-дыръ котораго пахнетъ нечистотами. А рядомъ чей-то новый крестъ, подъ которымъ лежатъ свѣжіе цвѣты и густо выются пчелы...

Въ монастырѣ есть могилы очень древнія. Какъ-то, возвращаясь съ вечерней прогулки, вошелъ во дворъ мо­настыря, прельщенный краснымъ огонькомъ, горѣвшимъ въ келіи подъ навѣсомъ деревьевъ монастырскаго сада. Были уже сумерки — полусвѣтъ сѣверной ночи. Во дворѣ было пусто. Золотой ангелъ съ крыши притвора благо­словлялъ дворъ. Въ притворѣ чернѣли двѣ рясы, бѣлѣли два капюшона. Одна изъ монахинь была молода, нѣжна, тиха. Я попросилъ ее показать, гдѣ на монастырскомъ кладбищѣ самая древнія могилы. Она достала изъ ниши фонарикъ, зажгла его и повела меня въ полумракъ сада, среди смѣшанныхъ весеннихъ запаховъ — и сладкихъ, и терпкихъ, и какихъ-то водянистыхъ, травяныхъ. Иногда она останавливалась и освѣщала могилы. Въ полусвѣтѣ фонарика выдѣлялся ея бѣлый капюшонъ. Она разыска­ла старую-старую могильную плиту, вросшую въ землю особенно глубоко, всю во мху, въ порахъ и углубленіяхъ, съуженную къ одному концу. Буквы, насѣченныя на ней, покрытыя мохомъ совсѣмъ чернымъ, гласили:

«Лѣта такого-то (шестьсотъ лѣтъ назадъ)... схи­монахъ Ферапонтъ... рода Долгорукихъ...»

Когда я уходилъ, монахиня поклонилась мнѣ въ по­ясъ. Колокола били часы. Колокола здѣсь тоже очень ста­рые, есть шестнадцатаго вѣка. Среди этой сѣверной ночи ихъ серебряная, пѣвуче дрожащая игра надъ монастыр­скимъ садомъ и городомъ очаровательна. Особенно позд­ней ночью, когда все спитъ. Ночь же здѣсь прозрачная, блѣдная. Что-то блѣдно-лимонное, тонкое освѣщаетъ не­бо. Венера стоитъ высоко, играетъ какимъ-то тающимъ, просвѣтленнымъ блескомъ. Мохнатая лѣсная зелень въ этомъ прозрачномъ свѣтѣ бѣловата и кажется мягкой,

какъ лебяжій пухъ. Въ полночь свѣтаетъ Лимонный свѣтъ становится ярче, лѣса — темнѣе, сырѣе, бархатнѣй, и запахи цвѣтовъ, очень сильныя ночью, тонуть въ одномъ, особенно сильномъ запахѣ ландышей...

XVI

... У стѣнъ монастыря встрѣтилъ однажды монаха изъ уѣзда. Онъ отвязывалъ отъ дерева старую лошадь съ вытекшимъ глазомъ, запряженную въ старомодную колымажку, на дрогахъ, съ загнутыми сзади полурессорами. Очень маленькаго роста, въ сѣромъ подрясникѣ и черной шляпѣ; лицо худое, длинное, рѣдкой, въ оловянныхъ очкахъ; на грудь спускается по плечамъ два жгута волосъ, маслянисто-каштановыхъ, съ серебромъ. Разговорились, я присѣлъ къ нему въ колымажку, и мы выѣхали за городъ, поѣхали по лѣсной дорогѣ. Въ пути онъ сталъ рассказывать про свой монастырь, про хозяйство, которое тамъ опять понемногу налаживается. Разказалъ также про святого, основавшаго монастырь, и про знаменитаго юродиваго, погребеннаго въ монастырѣ. Юродивый былъ «какъ-бы Голиафъ», ходилъ въ одной рубахѣ, подъ которой носилъ цѣлый пудъ тяжелой собачьей цѣпи (и до сихъ поръ хранимой въ монастырской ризницѣ). Пришелъ въ монастырь неизвѣстно откуда, ископалъ себѣ по близости отъ него, въ дремучемъ ельникѣ, землянку. Каждый день, услыхавъ монастырскій колоколь, приходилъ къ монастырской церкви и становился на папѣрти, — стоялъ на ней босикомъ и въ одной рубахѣ, даже зимой, не боясь ни морозовъ, ни мятелей. Послѣ обѣдни являлся въ хлѣбодарню, залѣзалъ въ печь и закрывалъ за собой заслонку, говоря: «Въ аду еще жарче будетъ!» Какъ то разъ не пришелъ. На другой день тоже. Монахи стали тревожиться: не случилось-ли чего? А какъ нарочно шла сильная мятель. Стали

бить въ колокола. День и ночь, сквозь бурю и снѣгъ, въ дремучихъ еловыхъ лѣсахъ, въ снѣжномъ густомъ бору, гудѣлъ колокольный звонъ — его все не было. Когда стихло, пошли искать по лѣсамъ окрестъ — не нашли и въ лѣсахъ. А потомъ пошелъ какъ-то на медвѣдя мужикъ — и видитъ: лежитъ юродивый возлѣ своей хижины, окруженный сугробами, но не на снѣгу, а на весенней зеленой травѣ, посреди благовонныхъ цвѣтовъ...

XVII

... Былъ еще въ одномъ монастырѣ.

Пришелъ туда рано утромъ. Утро было солнечное, яркое. Золотыми сердцами горѣли на солнцѣ монастырскіе кресты. Въ церкви шла служба, изъ раскрытыхъ церковныхъ дверей слышалось пѣніе. Церковь была пуста — только по обѣимъ сторонамъ ея, противъ боковыхъ алтарей, стояли въ два ряда черныя монахини, съ четками въ рукахъ. Царственно-суровая игуменья, положивъ лѣвую руку на черный посохъ съ желтой костяной рукояткой, стояла противъ среднихъ царскихъ вратъ въ высокомъ дубовомъ креслѣ, устремивъ взоръ на высоко уходящей вверхъ золотой иконостасъ, весь покрытый ликами святыхъ, мужчинъ и женщинъ, списанныхъ съ членовъ одного древняго рода. Служба шла стройно, спокойно, возгласы и чтенія звучали съ нарочитой безжизненностью, ровно и безстрастно, высокими женскими альтами, пѣніе неожиданно прерывало эту безжизненность минутами сладостныхъ или скорбныхъ изліяній вдругъ оживавшихъ душъ. А двери церкви были раскрыты на воздухъ, свѣтлое лѣтнее утро окружало монастырь, радостно и мирно сіяло въ окрестныхъ поляхъ и росистыхъ перелѣскахъ...

Когда служба отошла, и монахини, подъ звонъ колоколовъ, подъ жаркимъ солнцемъ, стали расходиться изъ

церкви въ разныя стороны, къ своимъ кельямъ, я спросилъ у одной изъ нихъ, гдѣ монастырская библіотека. Она указала мнѣ на часовню, возлѣ которой была пристроена какая-то особая келья. Я пошелъ туда, постучалъ въ дверь. Вышла высокая, мужественная монахиня съ черными внимательными глазами, вся въ черномъ, съ бѣлой коленкоровой наколкой на головѣ. Выслушавъ меня, она помолчала, потомъ ввела въ келью. Я увидѣлъ двѣ маленькихъ комнаты, необыкновенно чистыхъ, весело озаренныхъ солнцемъ. Въ одной топилась печка и горѣла на столикѣ розовая лампадка, было необыкновенно уютно, пахло чѣмъ-то очень пріятнымъ. Другая была заставлена книжными шкапами, тамъ стояли два стола для чтенія и фисгармонія. Монахиня дала мнѣ каталогъ, сама сѣла на подоконникъ, все продолжая слѣдить за мной серьезными и даже пронзительными глазами. Я выбралъ исторію монастыря. Монахиня, найдя ее, подала мнѣ и вышла. Я, невольно стараясь быть какъ можно скромнѣй и тише, сѣлъ читать и дѣлать выписки возлѣ раскрытаго окна, за которымъ свѣтило солнце и шелъ ровный лепетъ зеленой древесной листвы...

Между прочимъ, я узналъ, что подъ монастыремъ находится громадное подземелье, сплошь уставленное гробницами предковъ того рода, съ лицъ котораго списаны святыя на иконостасѣ въ церкви. Есть гробницы еще времени Грознаго. Историкъ монастыря, перечисляя гробницы, даетъ и краткія жизнеописанія погребенныхъ въ нихъ. «Въ гробницѣ такой-то погребенъ такой-то, обезглавленный царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ... Въ гробницѣ такой-то — тотъ-то, убитый лошадыю; родился въ 1698 году, преставился въ 1715; былъ инокомъ съ четырнадцати лѣтъ; красавецъ собой, одаренный несравненнымъ для пѣнія голосомъ, страстью къ музыкѣ и большими познаніями въ оной, съ дѣтства стремился онъ къ Богу и вѣчности, куда и восхищенъ былъ преждевременной кончиной своей...»

Въ полдень, простясь съ монахиней и выйдя изъ кельи, пошелъ къ склепу, откуда идетъ спускъ въ это подземелье. Однако, спуститься въ него не рѣшился; только заглянулъ между прогнившихъ и провалившихся досокъ пола въ его тьму, увидѣлъ двѣ какихъ-то громадныхъ осмоленныхъ колоды — и поскорѣе пошелъ прочь...

XVIII

... На прощанье попалъ еще въ одно старинное мѣсто, еще въ одну усадьбу. Опять широкій дворъ, стертые камни стариннаго крыльца, въ домѣ сложные вѣковые запахи... Изъ полутьмы большой гостиной, въ окна которой глядѣлъ одичавшій садъ, прошелъ въ еще болѣе просторный, но свѣтлый залъ, весь позлащенный солнцемъ, сіяющей зеркальнымъ паркетомъ. Опять портреты... Неужели не приукрашали старинные художники этихъ женщинъ? Особенно поразилъ меня одинъ молодой женскій портретъ, глядѣвшій со стѣны сквозь золотистую солнечную сѣтку, падавшую на него изъ сада. Несравненная прелесть формъ, облитыхъ тонкимъ шелкомъ, неземная красота радостно-восторженныхъ очей, ихъ чистѣйшей небесной бирюзы! Въ библиотекѣ — портретъ стариннаго владѣльца усадьбы. Что-то вольтеровское, какъ часто это бывало въ тѣ годы: бѣлый густой парикъ, нѣжное румяно-желтое лицо съ впалыми щеками, ѣдкіе, пронизательные глаза и тонкая линія рта. Сколько уже лѣтъ молча смотритъ онъ на эту молчаливую комнату? А комната такая, что, кажется, остался бы въ ней навѣки: низкіе книжные шкапы съ инкрустаціей, золотые узоры на кожаныхъ и сафьяновыхъ корешкахъ за ихъ стеклами, посрединѣ, подъ дубовымъ полированнымъ столомъ, горитъ на солнцѣ красный бархатный коврикъ; кругомъ, по лаковому полу, блескъ и игра лучей, а за широкими полукруглыми окнами — без-

брежные серебристые лѣса... Въ «Расходной книгѣ» этого имѣнія прочелъ между прочимъ: «Отпущено псарю Тимофею 60 аршинъ алаго атласу на кафтанъ...» — и мысленно увидѣлъ охоту, несущуюся по этимъ серебристымъ лѣсамъ за какимъ-нибудь лосемъ, который мчится отъ собакъ по кустамъ и полянамъ, вываливъ на сторону закусенный языкъ... Потомъ смотрѣлъ другія книги: откуда и въ нихъ, въ самый расцвѣтъ благосостоянія, такихъ тонкихъ и сильныхъ вкусовъ къ жизни, эти вѣчныя стремленія «къ Богу и вѣчности», эти горестно-возвышенные упреки землѣ и человѣку?

Почто, о человѣкъ! стремишься
Всегда за счастьемъ земнымъ?
Неужли ты надеждой льстишься
Во вѣки наслаждаться имъ?

ТОЛСТОЙ

Я почти весь вѣкъ прожилъ въ страстной любви къ нему.

Когда я узналъ о его существованіи? Во всякомъ случаѣ довольно рано. Ребенкомъ я уже имѣлъ нѣкоторое представленіе о немъ, но не изъ чтенія его книгъ, а по разговорамъ у насъ въ домѣ. Между прочимъ, помню, что отецъ нерѣдко смѣялся, рассказывая, какъ читаютъ «Войну и Миръ» наши нѣкоторые сосѣди помѣщики: одинъ читаетъ только «Войну», а другой только «Миръ», то есть одинъ, читая, пропускаетъ все, что касается войны, а другой — наоборотъ. И чувства къ Толстому были у меня тогда уже не простыя. Отецъ имѣлъ много страстей и недостатковъ, — былъ нерадивый хозяинъ, былъ расточителенъ, пилъ, игралъ, пропадалъ на охотѣ, — и порою оправдывалъ себя тѣмъ, что ссылался на Пушкина, на Тургенева:

— Одинъ Богъ безъ грѣха, — говорилъ онъ. — Вотъ Пушкинъ безъ бутылки шампанскаго ни одной строки не могъ написать и вообще былъ ужаснѣйшій б о к у т и р ъ, картежникъ, дуэлистъ, вспылчивъ, какъ порохъ, нашего, однимъ словомъ, поля ягода...

Или:

— А Тургеневъ какой такой хозяинъ? Мѣсяцами пропадаетъ на охотѣ, да по Парижамъ летаетъ!

Говорилъ онъ и о Толстомъ:

— Я его немного зналъ. Во время севастопольской

кампаніи встрѣчалъ... Тоже хорошъ! Колоды картъ видѣть спокойно не могъ!

И помню, я на него смотрѣлъ съ восхищеніемъ: живого Толстого видѣлъ!

Откуда были у меня такія чувства къ человѣку, котораго я еще ни строчки не прочелъ? Но съ меня было довольно уже того, что онъ писатель. Съ самаго дѣтства писатели были для меня существами какого-то совѣмъ особаго рода, къ которымъ я испытывалъ какое-то особое обожаніе, какой-то восторгъ, какое-то непередаваемое чувство, котораго я и до сихъ поръ не умѣю понять, болѣе или менѣе толково опредѣлить, какъ не умѣю сказать, какъ, когда и почему я самъ сталъ писателемъ. Отвѣтить на это для меня такъ же невозможно, какъ на то, съ какихъ поръ и какъ вообще я сталъ тѣмъ, что я есть. Когда же (какъ-то само собою) рѣшилось, что мнѣ надлежитъ быть только писателемъ, моей второй жизнью стала жизнь въ томъ мірѣ, гдѣ поэты, писатели, гдѣ выдумываютъ и пишутъ. Но опять не помню, когда именно началъ я читать Толстого и какъ случилось, что я выдѣлилъ его изъ всѣхъ прочихъ. Бываетъ, что человѣкъ открываетъ что-нибудь прекрасное и дорогое для него внезапно, съ изумленіемъ. Этого со мной по отношенію къ Толстому не было, такой минуты я не помню. Вообще все то прекрасное, что я встрѣчалъ въ дѣтствѣ, отрочествѣ, молодости, кажется, никогда не удивляло меня, — напротивъ, у меня было такое чувство, точно я зналъ его уже давно, такъ что мнѣ оставалось только радоваться встрѣчѣ съ нимъ. Такова была, напримѣръ, моя первая встрѣча съ горами, съ моремъ: первый взглядъ на великолѣпно-синій, дышавшій утренними парами морской заливъ, внезапно ударившій мнѣ въ глаза передъ Севастополемъ, въ окно вагона, захватилъ, помню, всю мою душу, потрясъ меня радостью. Но радость эта ничуть не была смѣшана съ изумленіемъ, — это, повторяю, была только радость встрѣчи съ чѣмъ-то

давно знакомымъ и любимымъ, съ частью моего собственнаго существа и существованія. И такъ-же встрѣтился я и съ произведеніями Толстого, при первомъ чтеніи ихъ.

А затѣмъ долгіе годы я былъ по настоящему влюбленъ въ него, въ тотъ мной самимъ созданный образъ, который томилъ меня мечтой увидѣть его на яву. Мечта эта была неотступная, мучительная, но какъ я могъ тогда осуществить ее? Поѣхать въ Ясную Поляну? Сказать Толстому, что я прошу его позволить мнѣ хотя бы только взглянуть на него? Но съ какой стати, съ какими глазами могъ явиться я туда, никому невѣдомый, застѣнчивый мальчишкѣ? Разъ я не выдержалъ: въ одинъ прекрасный, дѣйствительно прекрасный лѣтній день внезапно осѣдлалъ своего верхового киргиза и закатился по хлѣбамъ, по межаху, по проселочнымъ дорогамъ на Ефремовъ, въ сторону Ясной Поляны, до которой отъ насъ было не больше ста верстъ. Но доскакавъ до Ефремова, струсиль, рѣшилъ обдумать дѣло серьезнѣе, переночевать въ Ефремовѣ — и всю ночь не могъ заснуть отъ волненія, отъ поминутной смѣны рѣшеній, ѣхать или не ѣхать, скитался всю ночь по городу и такъ усталъ, что, зайдя на разсвѣтѣ въ городской садъ, мертвымъ сномъ заснулъ на первой попавшейся скамейкѣ, а проснувшись, и совсѣмъ протрезвился, подумалъ еще немного — и грустно побрелъ на постоялый дворъ за киргизомъ, да и полпелся неспѣшной рысцой домой, гдѣ работники сказали мнѣ:

— Эхъ, барчукъ, барчукъ, и какъ только ухитрились вы такъ обработать киргиза за однѣ сутки! За кѣмъ это вы гонялись?

Послѣ того я напрасно «гонялся» за Толстымъ еще нѣсколько лѣтъ.

Въ молодости, плѣненный мечтами о чистой, здоровой и доброй жизни среди природы, собственными трудами, въ простой и легкой одеждѣ, въ братской дружбѣ не только со всѣми бѣдными и угнетенными людьми, но и со

всѣмъ растительнымъ и животнымъ міромъ, главное же опять таки отъ влюбленности въ Толстого, какъ художника, я сталъ толстовцемъ, — конечно, не безъ тайной надежды, что это дастъ мнѣ, наконецъ, уже какъ бы нѣсколько законное право увидѣть его и даже, можетъ быть, войти въ число людей, приближенныхъ къ нему. И вотъ началось мое толстовское послушаніе.

Я жилъ тогда въ Полтавѣ, гдѣ почему-то оказалось не мало толстовцевъ, съ которыми я вскорѣ и сблизился. Въ общемъ это былъ совершенно несносный народъ; но я терпѣлъ. Первый кого я узналъ, былъ нѣкто Клопскій, человекъ довольно извѣстный въ то время въ нѣкоторыхъ кругахъ и даже попавшій въ герои нашумѣвшей тогда повѣсти Каронина «Учитель жизни». Это былъ высокій, худой человекъ въ длинныхъ сапогахъ и въ блузѣ, съ узкимъ сѣрымъ ликомъ и бирюзовыми глазами, хитрый нахаль и плуть, неутомимый болтунъ, вѣчно всѣхъ поучавшій, наставлявшій, любившій ошеломлять неожиданными выходками, дерзостями и вообще всей той манерой вести себя, при помощи которой онъ довольно сытно и весело шатался изъ города въ городъ. Среди полтавскихъ толстовцевъ былъ докторъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, по происхожденію и по натурѣ большой баринъ, кое въ чемъ походившій на Стиву Облонскаго. И вотъ, явившись въ Полтаву, Клопскій первымъ дѣломъ отправляется къ Волкенштейну и очень скоро попадаетъ черезъ него въ полтавскіе салоны, куда Волкенштейнъ привозитъ его и съ идейной цѣлью, какъ проповѣдника, и просто для забавы, какъ курьезную фигуру, и гдѣ Клопскій говоритъ, напримѣръ, такія вещи:

— Да, да, вижу, какъ вы тутъ живете: лжете, да конфетами закусываете, да идоламъ своимъ по церквамъ, которыя уже давно пора на воздухъ взорвать, молебны служите! И когда только вообще кончатся всѣ тѣ нелѣпости и мерзости, въ которыхъ тонетъ міръ? Вотъ, скажемъ,

ѣхалъ я сюда изъ Харькова: приходитъ человѣкъ, называемый почему-то кондукторомъ, и говоритъ: «вашъ билетъ». Я его спрашиваю: а что это значить, какой собственно билетъ? Отвѣчаетъ: но билетъ, по которому вы ѣдете? А я ему опять свое: позвольте, я не по билету, а по рельсамъ ѣду. — Значить, говорить, у васъ билета нѣту? — Конечно, говорю, нѣту. — Въ такомъ случаѣ мы васъ на слѣдующей станціи высадимъ. — Прекрасно, говорю, это ваше дѣло, а мое дѣло ѣхать. На слѣдующей станціи дѣйствительно являются: пожалуйста выходите. Но зачѣмъ-же, говорю, выходить, мнѣ и тутъ хорошо. — Значить, вы выходить не желаете? — Разумѣется, нѣтъ. — Тогда мы васъ выведемъ. — Выведете? Но я не пойду. — Тогда, вытащимъ, вынесемъ. — Что же, выносите, это ваше дѣло. — И вотъ меня, дѣйствительно, тащутъ: несутъ на рукахъ, на диво всей почтенной публикѣ, два рослыхъ бездѣльника, два мужика, которые съ гораздо большей пользой могли бы землю пахать...

Таковъ былъ этотъ въ нѣкоторомъ родѣ знаменитый Клопскій. Прочіе были не знамениты, но тоже хороши. Это были братья Д., сѣвшіе на землю подъ Полтавой, люди необыкновенно скучные, тупые и самомнительные, хотя съ виду весьма смиренные, затѣмъ нѣкто Леонтьевъ, щуплый и маленькій молодой человѣкъ болѣзненной, но рѣдкой красоты, бывший пажъ, тоже мучившій себя мужицкимъ трудомъ и тоже лгавшій и себѣ, и другимъ, что онъ очень счастливъ этимъ, затѣмъ громадный еврей, похожій на матерого русскаго мужика, ставшій вполслѣдствіи извѣстнымъ подъ именемъ Теноромо, человѣкъ, державшійся всегда съ необыкновенной важностью и снисходительностью къ простымъ смертнымъ, нестерпимый риторъ, софистъ, занимавшійся бондарнымъ ремесломъ. Къ нему-то подъ начало и попалъ я. Онъ-то и былъ мой главный наставникъ, какъ въ «ученіи», такъ и въ жизни трудами рукъ своихъ: я былъ у него подмастерьемъ, учился набивать

обручи. Для чего мнѣ нужны были эти обручи? Для того опять таки, что они какъ-то соединяли меня съ Толстымъ, давали мнѣ тайную надежду когда-нибудь увидеть его, войти въ близость къ нему. И, къ великому моему счастью, надежда эта вскорѣ совершенно неожиданно оправдалась. Вскорѣ вся братія смотрѣла на меня уже какъ на своего, и Волкенштейнъ — это было въ самомъ концѣ девяносто третьяго года — вдругъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ сперва къ «братьямъ» въ Харьковскую губернію, къ мужикамъ изъ села Хилково, а затѣмъ въ Москву, къ Толстому.

Трудное это было путешествіе. Ѣхали мы въ третьемъ классѣ, съ пересадками, все нарочью попадать въ вагоны наиболѣе простонародные, ѣли «безубойное», то есть чортъ знаетъ что, хотя Волкенштейнъ иногда и не выдерживалъ, вдругъ бѣжалъ на остановкѣ къ буфету и съ страшной жадностью глоталъ одну за другой двѣ-три рюмки водки, закусывая и обжигаясь пирожками съ мясомъ, а потомъ пресерьезно говорилъ мнѣ:

— Я опять далъ волю своей похоти и очень страдаю отъ этого, но все же борюсь съ собой и все же знаю, что не пирожки владѣютъ мной, а я ими: я не рабъ ихъ, хочу — ѣмъ, хочу — не ѣмъ...

Трудно было ѣхать потому больше всего, что я сгоралъ отъ нетерпѣнія поскорѣй попасть въ Москву, а намъ, видите-ли, непременно надо было ѣхать съ плохими поѣздами, а кромѣ того пожить съ хилковскими «братьями», войти въ личное общеніе съ ними и «укрѣпить» и себя и ихъ этимъ общеніемъ. Мы такъ и сдѣлали — пожили у хилковскихъ мужиковъ, кажется, дня три или четыре, и я возненавидѣлъ за эти дни этихъ богатыхъ, благочестивыхъ, благихъ на видъ мужиковъ, ночевки въ ихъ избахъ, ихъ пироги съ начинкой изъ картофеля, ихъ псалмопѣнія, ихъ рассказы про ихъ непрестанную и лютую борьбу «съ попами и начальниками» и буквоѣдскіе споры

о Писаніи истинно всѣми силами души. Наконецъ, перваго января мы тронулись дальше. Помню, я проснулся въ тотъ день съ такой радостью, что совсѣмъ забылся и брякнулъ: — «Съ Новымъ Годомъ, Александръ Александровичъ!» — за что и получилъ отъ Александра Александровича жесточайшій нагоняй: что это значитъ — Новый Годъ, понимаю-ли я, какую старую бессмыслицу повторяю я? Однако, не до того мнѣ было тогда. Я слушалъ и думалъ: прекрасно, прекрасно, все это сущій вздоръ, — завтра вечеромъ мы будемъ въ Москвѣ, а послѣ завтра я увижу Толстого... И такъ оно и случилось.

Волкенштейнъ кровно обидѣлъ меня: поѣхалъ къ Толстому сію же минуту послѣ того, какъ мы добрались до московской гостиницы, а меня съ собой не взялъ: — «Нельзя, нельзя, надо предупредить Льва Николаевича, я предупрежу, предупрежу» — и убѣжалъ. А вернулся домой очень поздно и даже ничего не рассказалъ о своемъ визитѣ, только поспѣшно кинулъ мнѣ: «Я точно живой воды напился!» — при чемъ я совершенно безошибочно опредѣлил по запаху отъ него, что онъ, послѣ живой воды, пилъ еще и шамбертенъ, затѣмъ, очевидно, чтобы доказать, что не онъ рабъ шамбертена, а шамбертенъ его рабъ. Хорошо было только то, что Толстого онъ все таки предупредилъ, хотя я даже и на это мало надѣялся: очень милый, но ужъ очень легкомысленный человѣкъ былъ этотъ слегка женоподобный, полнѣющій, красивый брюнетъ. Да, все-таки онъ предупредилъ — и вотъ на другой день вечеромъ я, задыхаясь, побѣжалъ, наконецъ, въ Хамовники.

Какъ рассказать все послѣдующее?

Лунный морозный вечеръ. Добѣжалъ, стою и едва перевожу дыханіе. Кругомъ глушь и тишина, пустой лунный переулокъ. Передо мной ворота, раскрытая калитка, снѣжный дворъ. Въ глубинѣ, налѣво, старый деревянный домъ, нѣкоторыя окна котораго красновато освѣщены. Еще лѣ-

вѣе, за домомъ, большой садъ и надъ нимъ тихо играющія разноцвѣтными лучами сказочно-прелестныя зимнія звѣзды. Да и все вокругъ сказочное. Какой особый садъ, какой необыкновенный домъ, какъ таинственны и полны значенія эти освѣщенные окна, за которыми — Онъ, Онъ! И такая тишина, что слышно, какъ колотится сердце — и отъ радости, конечно, и отъ страшной мысли: а не лучше ли поглядѣть на этотъ домъ и убѣжать назадъ? Отчаянно кидаюсь, наконецъ, во дворъ, на крыльцо дома и звоню. Тотчасъ же отворяютъ — и я вижу лакея во фракъ и свѣтлую прихожую, теплую, уютную, со множествомъ шубъ на вѣшалкахъ, среди которыхъ рѣзко выдѣляется старый полушубокъ. Прямо передо мной крутая лѣстница, крытая краснымъ сукномъ. Правѣе, подъ нею, запертая дверь, за которой слышны гитара и веселые молодые голоса, удивительно беззаботные къ тому, что они раздаются въ такомъ особенномъ домѣ.

— Какъ прикажете доложить?

— Бунинъ.

— Какъ-съ?

— Бунинъ.

— Слушаю-съ.

И лакей убѣгаетъ наверхъ и, къ моему удивленію, тотчасъ-же вприпрыжку, бочкомъ, перехватывая рукой по периламъ, сбѣгаетъ назадъ.

— Пожалуйте обождать наверхъ, въ залу...

А въ залѣ я удивляюсь еще больше: едва я вхожу, какъ въ глубинѣ его, налѣво, тотчасъ-же, не заставляя меня ждать, открывается маленькая дверка и изъ-за нея быстро, съ неуклюжей ловкостью выдергиваетъ ноги, выныриваетъ, — ибо за этой дверкой было двѣ-три ступеньки въ корридоръ, — большой, сѣдобородый, слегка кривоногій старикъ въ широкой, по домашнему сшитой блузѣ изъ сѣрой бумазеи, въ такихъ же штанахъ, больше похожихъ на шаровары, и въ тупоносыхъ башмакахъ. Быстрый, лег-

кій, страшный, остроглазый, съ насупленными бровями. И быстро идетъ прямо на меня, — межъ тѣмъ, какъ я все-таки успѣваю замѣтить, что въ его походкѣ, вообще во всей посадкѣ есть большое сходство съ моимъ отцомъ, — быстро (и немного присѣдая) подходитъ ко мнѣ, протягиваетъ, вѣрнѣе, ладонью вверхъ бросаетъ большую руку, забираетъ въ нее всю мою, мягко жметъ и неожиданно улыбается очаровательнѣйшей улыбкой, ласковой и какой-то вмѣстѣ съ тѣмъ горестной, даже какъ-бы слегка жалостной, и я вижу, что эти маленькіе глаза вовсе не страшные и не острые, а только по звѣриному зоркіе, хотя и въ нихъ есть что-то жалостное и горестное. Легкіе и жидкіе остатки сѣрыхъ, на концахъ слегка завивающихся волосъ по крестьянски раздѣлены на прямой проборъ, большія уши сидятъ необычно высоко, бугры бровныхъ дугъ надвинуты на глаза, борода, сухая, легкая, неровная, сквозная, позволяетъ видѣть немного выступающую нижнюю челюсть...

— Бунинъ? Это съ вашимъ батюшкой я встрѣчался въ Крыму? Вы что-же, надолго въ Москву? Зачѣмъ? Ко мнѣ? Молодой писатель? Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никакъ не можетъ быть цѣлью жизни... Садитесь пожалуйста и расскажите мнѣ о себѣ...

Онъ и заговорилъ такъ же поспѣшно, какъ вошелъ, мгновенно сдѣлавъ видъ, будто не замѣтилъ моей полной потерянности, и торопясь вывести меня изъ нея, отвлечь отъ нея меня. Что онъ еще говорилъ? Все спрашивалъ,

— Холосты? Женаты? Съ женщиной можно жить только какъ съ женой и не оставлять ее никогда... Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилуйте себя, не дѣлайте себѣ мундира изъ нея, во всякой жизни можно быть хорошимъ человѣкомъ...

Мы сидѣли возлѣ маленькаго столика. Довольно высокая старинная фаянсовая лампа мягко горѣла подъ розовымъ абажуромъ. Лицо его было за лампой, въ легкой

тѣни, я видѣлъ только очень мягкую сѣрую матерію его блузы, да его крупную руку, къ которой мнѣ хотѣлось припасть съ восторженной, истинно сыновней нѣжностью, да слышалъ его старческій слегка альтовый голосъ съ характернымъ звукомъ выдающейся челюсти... Вдругъ зашуршалъ шелкъ, я взглянулъ, вздрогнулъ, поднялся: — изъ гостиной плавно шла крупная и нарядная, сіяющая наряднымъ чернымъ платьемъ, чудесно убранными волосами и живыми, сплошь темными глазами дама:

— Léon, — сказала она, — ты забылъ, что тебя ждутъ...

И онъ тоже поднялся и съ извиняющеюся, даже какъ бы чуть виноватой улыбкой, съ поднятыми бровями, глядя мнѣ прямо въ лицо своими маленькими глазами, въ которыхъ все была какая-то темная грусть, опять забралъ мою руку въ свою:

— Ну, до свиданія, до свиданія, дай вамъ Богъ, приходите ко мнѣ, когда опять будете въ Москвѣ... Не ждите многого отъ жизни, лучшаго времени, чѣмъ теперь, у васъ не будетъ... Счастья въ жизни нѣтъ, есть только зарницы его, — цѣните ихъ, живите ими...

И я ушелъ, убѣжалъ, совершенно внѣ себя, и провелъ вполнѣ сумасшедшую ночь, непрерывно видѣлъ его во снѣ съ такой разительной яркостью и въ такой дикой путаницѣ, что и теперъ вспомнить жутко, захватывалъ себя, просыпаясь, на томъ, что я что-то бормочу, брежу...

Возвратясь въ Полтаву, я писалъ ему и получилъ отъ него нѣсколько ласковыхъ отвѣтныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ опять далъ мнѣ понять, что не стоитъ мнѣ такъ ужъ стараться быть толстовцемъ, но я все не унимался: обручи набивать бросилъ, но сталъ торговать книжками «Посредника», незаконно, безъ должнаго разрѣшенія продавать ихъ на базарахъ, на ярмаркахъ, за что и былъ судимъ и приговоренъ сидѣть въ тюрьмѣ, — отъ которой меня спасъ, къ моему тогдашнему большому горю, цар-

скій манифестъ, — затѣмъ завелъ книжную лавку, полтавское отдѣленіе «Посредника», и такъ запуталъ счеты, что порою примѣривался повѣситься. Въ концѣ концовъ, я, разумѣется, лавку бросилъ, уѣхалъ въ Москву, но и тамъ все еще пытался увѣрить себя, что я братъ и единомышленникъ руководителей этого «Посредника» и тѣхъ, что постоянно торчали въ его помѣщеніи, наставляя другъ друга на счетъ доброй жизни. Тамъ-то я и видѣлъ еще нѣсколько разъ Толстого. Онъ туда иногда заходилъ, вѣрнѣе, забѣгалъ (ибо онъ ходилъ страшно легко и быстро) по вечерамъ и, не снимая полушубка, сидѣлъ часъ, полчаса, со всѣхъ сторонъ окруженный братіей, серьезно дѣлавшей ему порою такіе вопросы: «Левъ Николаевичъ, но что-же я долженъ былъ бы сдѣлать, если бы на меня напалъ, напримѣръ, тигръ?» — Онъ въ такихъ случаяхъ только смущенно улыбался и говорилъ:

— Да какой же тигръ, откуда тигръ? Я вотъ за всю жизнь не встрѣтилъ ни одного тигра...

Вспоминаю еще, какъ я однажды сказалъ ему, желая сказать пріятное и даже слегка подольститься:

— Вотъ всюду возникаютъ теперь эти общества трезвости...

Онъ, нахмуриваясь, перебилъ:

— Какія общества?

— Общества трезвости...

— То есть это когда собираются, чтобы водки не пить? — спросилъ онъ. — Вздоръ, вздоръ. Чтобы не пить, не зачѣмъ собираться. А ужъ если собираться, то надо пить. Все вздоръ, ложь, подмѣна дѣйствія видимостью его...

А на дому я былъ у него еще только одинъ разъ. Меня провели черезъ залу, гдѣ я когда-то впервые сидѣлъ съ нимъ возлѣ милой розовой лампы, потомъ въ эту маленькую дверку, по ступенькамъ за ней и по узкому коридору, и я робко стукнулъ въ дверь направо.

— Войдите, — отвѣтилъ старческій альтовый голосъ.

И я вошелъ и увидѣлъ низкую, небольшую комнату, тонувшую въ сумракѣ отъ желѣзнаго щитка надъ стариннымъ подсвѣчникомъ въ двѣ свѣчи, кожаный диванъ возлѣ стола, на которомъ стоялъ этотъ подсвѣчникъ, а потомъ и его самого, съ книжкой въ рукахъ. При моемъ входѣ онъ быстро поднялся и неловко, даже, какъ показалось мнѣ, смущенно бросилъ ее въ уголъ дивана. Но глаза у меня были зоркіе, и я увидѣлъ, что читалъ онъ, то есть, перечитывалъ (и вѣрно уже въ десятый разъ, какъ дѣлаемъ это и мы, грѣшныя) свое собственное произведеніе, только что напечатанное тогда — «Хозяинъ и работникъ». Я, отъ восхищенія передъ этой вещью, имѣлъ безтактность издать восторженное восклицаніе. А онъ покраснѣлъ до корней волосъ, замахалъ руками:

— Ахъ, не говорите! Ахъ, что вы, что вы! Это ужасъ, это такъ ничтожно, что мнѣ по улицамъ ходить стыдно!

Лицо у него было въ этотъ вечеръ худое, темное, строгое, точно изъ бронзы литое. Онъ очень страдалъ въ тѣ дни, — не задолго передъ тѣмъ умеръ его семилѣтній Ваня. И послѣ «Хозяина и работника» онъ тотчасъ же заговорилъ о немъ:

— Да, да, милый, прелестный мальчикъ былъ. Но что это значитъ — умеръ? Смерти нѣтъ, онъ не умеръ, разъ мы любимъ его, живемъ имъ!

Вскорѣ мы вышли и пошли въ «Посредникъ». Была черная мартовская ночь, дулъ весенній вѣтеръ, раздувая огни фонарей. Мы бѣжали наискось по снѣжному, бѣлому Дѣвичью Полю, онъ прыгалъ черезъ канавы, такъ что я едва поспѣвалъ за нимъ, и опять говорилъ, — отрывисто, строго, рѣзко:

— Смерти нѣту, смерти нѣту!

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его лѣтъ черезъ десять послѣ того. Въ страшно морозный вечеръ, среди огней за сверкающими, обледенѣлыми окнами магазиновъ шелъ по

Арбату — и неожиданно столкнулся съ нимъ, бѣгущимъ своей пружинной, подпрыгивающей походкой прямо навстрѣчу мнѣ. Я остановился и сдернулъ шапку. Онъ тоже пріостановился и сразу узналъ меня:

— Ахъ, это вы! Здравствуйте, здравствуйте, надѣвайтесь, пожалуйста, надѣвайте шапку... Ну, какъ, что, гдѣ вы и что съ вами?

Старческое лицо его такъ застыло, посинѣло, что имѣло совсѣмъ несчастный видъ. Что-то вязаное изъ голубой песцовой шерсти, что было на его головѣ, было похоже на старушечій шлыкъ. Большая рука, которую онъ вынулъ изъ песцовой перчатки, была совершенно ледяная. Поговоривъ, онъ крѣпко и нѣжно, нѣсколько разъ пожалъ ея мою, опять глядя мнѣ въ глаза горестно, съ поднятыми бровями:

— Ну, Христось съ вами, Христось съ вами, до свиданія...

БЕРНАРЪ

— Я крѣпко спалъ, когда Бернаръ швырнулъ горсть песку въ мое окно...

Такъ начинается «На водѣ» Мопассана, такъ будиль его Бернаръ передъ выходомъ «Бель Ами» изъ антибскаго порта 6 апрѣля 1888 года.

— Я открылъ окно, и въ лицо, въ грудь, въ душу мнѣ пахнулъ очаровательный холодокъ ночи. Прозрачная синева неба трепетала живымъ блескомъ звѣздъ...

— Хорошая погода, сударь!

— А вѣтеръ?

— Съ берега.

— Прекрасно, я сейчасъ выхожу...

Черезъ полчаса они уже въ морѣ:

— Горизонтъ блѣднѣлъ, и вдали, за бухтой Ангеловъ, виднѣлись огни Ниццы, а еще дальше — вращающійся маякъ Вильфранша... Съ горъ, еще невидимыхъ, — только чувствовалось, что онѣ покрыты снѣгомъ, — доносилось иногда сухое и холодное дыханіе...

— Какъ только мы вышли изъ порта, яхта ожила, повеселѣла, ускорила ходъ, заплясала на легкой и мелкой зыби... Наступалъ день, звѣзды гасли... Въ далекомъ небѣ, надъ Ниццей, уже зажигались какимъ то особеннымъ розовымъ огнемъ снѣжные хребты Верхнихъ Альпъ...

— Я передалъ руль Бернару, чтобы любоваться восходомъ солнца. Крѣпнущій бризъ гналъ насъ по трепетной фіолетовой волнѣ, я слышалъ далекій колоколь, — гдѣ то звонили, звучалъ Angelus... Какъ я люблю этотъ легкій

и свѣжій утренній часъ, когда люди еще спятъ, а земля уже пробуждается! Вдыхаешь, пьешь, видишь рождающуюся тѣлесную жизнь міра, жизнь, тайна которой есть наше вѣчное и великое мученіе...

Это чудесное утро было всего сорокъ лѣтъ тому назадъ, а вотъ уже нѣтъ въ мірѣ ни того, кто писалъ эти строки съ такой жадностью къ жизни, ни того, кто дѣлилъ съ нимъ его морскія скитанія: недавно умеръ и Бернаръ — въ тѣхъ самыхъ Антибахъ, откуда, 6 апрѣля 1888 года, онъ, тогда еще молодой, полный жизни, выходилъ на «Бель-Ами», вмѣстѣ со своимъ знаменитымъ хозяиномъ и другомъ.

— Бернаръ худъ, ловокъ, необыкновенно приверженъ чистотѣ и порядку, заботливъ и бдителенъ. Все лицо его до глазъ заросло бородой, но все дышитъ добротой, равно какъ и звукъ его голоса. Это чистосердечный и вѣрный человѣкъ и превосходный морякъ...

Такъ говорилъ о Бернарѣ Мопассанъ. А самъ Бернаръ сказалъ про себя слѣдующее:

— Думаю, что я былъ не плохой морякъ. *Je crois bien que j'étais un bon marin.*

Онъ сказалъ это умирая, — это были его послѣднія слова.

Человѣкъ, который видѣлъ Бернара не задолго до его смерти, рассказываетъ:

— Въ продолженіи многихъ лѣтъ Бернаръ дѣлилъ бродячую жизнь великаго поэта, не разставался съ нимъ до самаго рокового отъѣзда его къ доктору Бланшъ.

— Бернаръ умеръ въ Антибахъ, гдѣ протекли послѣдніе годы его долгой мореходной жизни.

— Еще недавно встрѣтилъ я его на залитой солнцемъ набережной маленькаго антибскаго порта, гдѣ такъ часто стояла «Бель-Ами».

— Высокій, сухой, съ энергичнымъ и продубленнымъ морской солью лицомъ, Бернаръ не легко пускался въ раз-

говору. Но стоило только коснуться Мопассана, какъ голубые глаза Бернара мгновенно оживали, и нужно было слышать, какъ говорилъ онъ о немъ!

— Теперь онъ умолкъ на вѣки... Послѣднія его слова были: «Думаю, что я былъ не плохой морякъ».

И вотъ я все представляю себѣ, какъ именно сказалъ онъ эти слова. Онъ сказалъ ихъ, конечно, твердо и съ радостной гордостью, перекрестившись черной, изсохшей отъ старости рукой:

— Je crois bien que j'étais un bon marin.

А что хотѣлъ онъ выразить этими словами? Радость сознанія, что онъ, живя на землѣ, приносилъ пользу ближнему, будучи хорошимъ морякомъ? Нѣтъ, совѣтъ другое. То, что Богъ всякому изъ насъ даетъ вмѣстѣ съ жизнью тотъ или иной талантъ и возлагаетъ на насъ священный долгъ не зарывать его въ землю. Зачѣмъ, почему? Мы этого не знаемъ. Но мы должны знать, что все въ этомъ непостижимомъ для насъ мірѣ непремѣнно должно имѣть какой-то смыслъ, какое то высокое Божье намѣреніе, направленное къ тому, чтобы все въ этомъ мірѣ «было хорошо», елико возможно хорошо, и что усердное исполненіе этого Божьяго намѣренія есть всегда наша заслуга передъ Нимъ, а посему и радость, гордость. И Бернаръ зналъ и чувствовалъ это твердо. Онъ всю жизнь усердно, достойно, вѣрно исполнялъ скромный долгъ, возложенный на него Богомъ, служилъ Ему не за страхъ, а за совѣсть. И какъ же ему было не возрадоваться, не сказать того, что онъ сказалъ, въ послѣднюю минуту своей службы? «Нынѣ отпускаеши, Владыко, раба Твоего, и вотъ я осмѣливаюсь сказать Тебѣ и людямъ: я думаю, что я былъ неплохой морякъ».

— Въ морѣ все заботило Бернара: и внезапно повстрѣчавшееся теченіе, говорящее, что гдѣ-то въ открытомъ морѣ идетъ бризъ, и облака надъ Эстерелемъ, обозначающія мистраль на западѣ, и даже поднимающійся барометръ,

ибо это можетъ предвѣщать шквалы съ востока... Чистоту на яхтѣ онъ соблюдалъ до того, что не терпѣлъ даже капли воды на какой нибудь мѣдной части...

Да, какая польза ближнему могла быть въ томъ, что Бернаръ сейчасъ же стиралъ эту каплю? А вотъ онъ стиралъ ее. Зачѣмъ, почему?

Но вѣдь самъ Богъ любить, чтобы все «было хорошо». Онъ самъ радовался, что Его творенія хороши. «И поставилъ Богъ свѣтила на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю, и управлять днемъ и ночью, и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо...»

Каждый, каждый изъ насъ долженъ заслужить себѣ право сказать въ нѣкій часъ то, что съ такой радостной гордостью сказалъ, умирая, Бернаръ.

1927 — 1930 гг.

Приморскія Альпы

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
Божье древо	9
Пингвины	32
Старый портъ	35
Къ роду отцовъ своихъ	41
Алексѣй Алексѣичъ	48
Ландо	59
Убийство	60
Въ обреченномъ домѣ	61
На Базарной	63
Романъ горбуна	65
Слонъ	67
Телячья головка	69
Идолъ	71
Студентъ	73
Благосклонное участіе	76
Красные фонари	82
Грибокъ	84
Ущелье	88
Первая любовь	89
Небо надъ стѣной	91
Свиданіе	92
Пѣтухи	93
Муравскій шляхъ	94
Ужасъ	95
Старуха	97
Пожаръ	99
Журавли	100
Соколь	102
Людоедка	104
Илюшка	105
Полдень	108
Бродяга	109

Слезы	110
Капиталь	111
Блаженные	112
Коренной	113
Комета	114
Мамаша	115
Лѣтній день	116
Дѣдушка	117
Постоялецъ	118
Поднѣжникъ	122
Первый классъ	126
Канунъ	127
Сестрица	128
Маска	129
До побѣднаго конца	132
Письмо	133
Странствія	134
Толстой	158
Бернарь	171

Издательство „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ :

- И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева. (Романъ).
И. А. Бунинъ: Избранные стихи.
И. А. Бунинъ: Божье древо.
Б. К. Зайцевъ: Анна. (Романъ).
М. А. Алдановъ: Ключъ. (Романъ).
М. А. Алдановъ: Десятая Симфонія. (Романъ).
М. А. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ.
М. А. Осоргинъ: Чудо на озерѣ. (Разказы).
Ф. А. Степунъ: Николай Переслѣгинъ. (Романъ).
Георгій Песковъ: Памяти твоей. (Разказы).
Гал. Кузнецова: Утро. (Разказы).
А. Ладинскій : Черное и голубое. (Стихи).
Т. И. Полнеръ: Толстой и его жена.
В. Ф. Ходасевичъ: Державинъ. (Худож. біографія).
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Іова.
В. М. Зензиновъ: Безпризорныя дѣти.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. рус. культуры. Т. 2, ч. I.
П. Н. Милюковъ: Очерки по исторіи рус. культуры. Т. 3.
Н. И. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востокѣ.
Б. Э. Нольде: Далекое и близкое.
М. В. Вишнякъ: Два пути (Февраль и Октябрь).
Ст. Ивановичъ: Красная армія.
Сборникъ, посвящен. 175-лѣтію Московск. университета.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ :

- И. А. Бунинъ: Храмъ солнца.
В. Сиринъ: Соглядатай.
Б. К. Зайцевъ: И. С. Тургеневъ. (Худож. біографія).
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. рус. культуры. Т. 2, ч. II.
Н. Лосскій: Типы міровоззрѣній.
С. I. Гессенъ. Правовой социализмъ.

3-3
OC 2-179

ИВ. БУНИНЪ

БОЖЬЕ
ДРЕВО

ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“
ПАРИЖЪ
1931